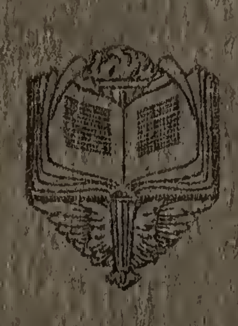
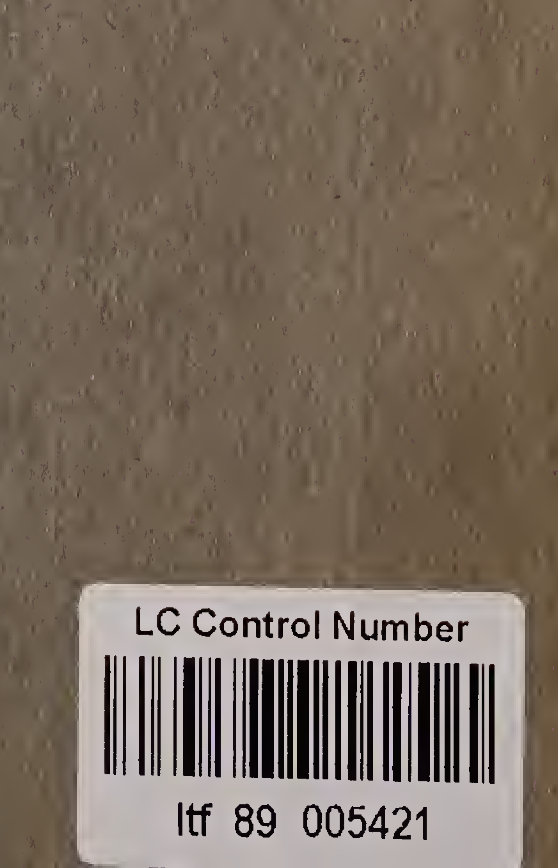
Томас Пейн.

ВЕК РАЗУМА.

Нью Иорк, Н. И. 1922 года.

ТОМАС ПЕЙН.

ВЕК РАЗУМА

исследование истинной и ложной теологии.

Перевел А.—Х. Зураев

ЦЕНА 50 С. В ПЕРЕПЛЕТЕ 75 С.

Издание Исп. Ком. 3-го Общек. С'езда Соед. Шт. и Канады.

Нью-Иорк, 1922 года

Предисловие переводчика.

"Век Разума" американца Томаса Пейна представляет собою сильную и оригинальную критику библии и евангелия, этих основ темного храма христианства, служащего вот уже почти два тысячелетия могучим орудием помрачения народного сознания.

Автор книги делает последовательный обзор библии и евангелия и из их же содержания метко и характерно вскрывает грубые противоречия, смехотворную сказочность и фальшь подделки и обмана самой низкой пробы, которыми так изобилуют обе книги.

Книга была написана еще в 1794 году, в самый разгар Великой Французской революции, она—дитя революции. И хотя естественные науки в то время были еще сравнительно мало развиты, автор высказал еще тогда некоторые исторические факты и заключения, ставшие общепринятыми только после целого ряда ученых трудов естествоиспытателей 19-го столетия.

При все этом, однако, следует отметить и иметь в виду при чтении книги, что автор "Век Разума"—глубоко верующий человек; теист, как он себя называет.

Книга эта ценна для нас как критика основ еврейской, и христианской религий — библии и евангелия. Она расчитана главным образом на рабочего читателя и чтобы не наскучить ему отвлеченными рассуждениями автора о пантеизме, такие места опущены там, где это не изменяет общего содержания критики.

Язык автора довольно трудный, не только потому что в 18 столетии английский язык, был несколько иной, но и самые мысли развиваются автором в пространных и сложных предложениях, часто чересчур тесно сплетенных для упрощения.

А.—Х. Зураев.

Век Разума.

ТОМАС ПЭЙН

В течение последних нескольких лет я намеревался опубликовать мои мысли о религии. Я вполне сознаю трудности, связанные с этим предметом, и из-за этого соображения отложил этот труд до более позднего моего возраста. Я предполагал, что этот труд будет моим последним приношением согражданам всех наций и в такое время, когда чистота поводов, побудивших меня к этому, не допустит никакого сомнения даже у тех, кто стал бы порицать самый труд.

Условия, которые повели к совершенной отмене целого государственного института попов и всего, что только относится к принудительной системе религии и атрибутам веры, не только ускорили мое намерение, но сделали такого рода труд крайне необходимым для того, чтобы при общем разрушении суеверий, ложного правительственного строя и ложной теологии (учение о божестве—переводчик), мы не утеряли из виду нравственности, человечества и истинной теологии.

Также как некоторые из моих коллег и сограждан по Франции образцово высказали мне свои вольные и личные исповедания веры, сделаю это и я; при чем, сделаю это со всей той искренностью и откровенностью, с какой только ум человека может сообщаться с собою.

Я верю в равество людей и полагаю, что религиозные обязанности состоят в отправлении справедливости, милосердия и в стремлении осчастливить себе подобных созданий. Но для того, чтобы не подумали, что я верю в многие другие вещи вдобавок к этим, дальше, в другой книге я выскажу все то, во что я не верю и причину, почему я не верю.

ВЕК РАЗУМА

Я не верю в религию, исповедуемую еврейской, римской, греческой, турецкой, протестантской или какой либо другой знакомой мне церковью. Мой собственный ум является моей церковью.

Все государственные институты церквей, являются ли они еврейскими, христианскими или турецкими, представляются мне ничем иным, как человеческим изобретением, установленным для того только, чтобы пугать и порабощать человечество, монополизировать власть и барыши.

Этим заявлением я не думаю порицать тех, кто верует иначе Они имеют такое же право на свою веру, какое имею я. Однако для счастья человека необходимо, чтобы он духовно был верен себе. Неверность не состоит в веровании или неверовании, она состоит в показании того, что человек верит, когда он на самом деле не верит.

Невозможно учесть то нравственное зло, если можно так выразиться, которое мысленная ложь создала в обществе.

Если человек продавал и изменял чистоту своего ума путем выказывания веры в вещи, в которые он не верит, этот человек уже подготовил себя к совершению какого угодно иного преступле- [illegible]ется за ремесло попа из корысти и для того, чтобы быть годным в своей роли, он начинает с обмана. Можем ли мы представить себе вещь более разрушительную для нравственности, чем эта?

Вскоре после того, как я выпустил брошюру "Здравый Рассудок", в Америке, я увидел чрезвычайную вероятность того, что за революцией в системе правительства последует революция религиозная. Неестественная связь церкви с государством, где бы она не имела место, еврейской, христианской или турецкой, безразлично, так успешно воспрещала всякое суждение по установленной религии, путем пыток и наказаний, — что такие вопросы не могли быть преподнесены миру открыто и беспристрастно до тех пор, пока установленная система правительства не была изменена Но раз система правительства изменена, за этим последует изменение религии. Человеческие измышления и поповство будут вскрыты, и человек вернется к чистой и девственной вере в бога и не больше.

Каждая государственная церковь непременно претендует на то,

что имеет особую миссию от бога, которая сообщается через определенных лиц. Евреи имеют своего Моисея, христиане—Иисуса Христа, турки—Магомета, как будто для других вход к богу был воспрещен.

Каждая из этих религий имеет свои откровения—книги, слово божие. Евреи говорят, что их бог дал слово Моисею, стоя к нему лицом к лицу. Христиане говорят, что их божье слово (евангелие) получилось в результате божественного откровения. А турки говорят, что Коран был прислан богом через одного из ангелов с неба. Каждая из этих религий обвиняет другую в неверности, что же касается меня, то я им всем не верю.

Так как необходимо за правильными идеями определить слова, то я, прежде чем итти глубже в предмет, и предложу некоторые замечания к слову откровение. Откровение, в применении к религии, означает нечто сообщенное непосредственно от бога человеку.

Никто не станет отрицать или оспаривать мощь всевышнего в смысле такого сообщения, если ему это заблагорассудится. Но допустив например, что нечто было открыто какому нибудь определенному лицу, но никому другому, значит, что это есть откровение одному этому лицу и только. Когда этот сообщает о том второму, а тот — третьему, третий — четвертому и т. д., то это откровение перестает быть откровением для всех этих лиц. Здесь откровение сделано только одному лицу, для других же оно представляет только слух и, следовательно, они не обязаны верить этому.

Будь то устно или письменно, но раз что либо доходит до нас из вторых рук, то называть это откровением — просто противоречие и в словах и в мыслях.

Откровение безусловно ограничено первым сообщением, дальше же этого оно становится рассказом из уст лица, которое сообщает, что оно получило такое то откровение. Конечно, он может быть обязан верить этому, но что касается меня, то я тут не причем, ибо откровение сделано не мне и все что я имею в данном случае, так это только его слово.

Когда Моисей сказал сынам Израиля, что он получил две скрижали с 10 заповедями из рук бога, сыны Израиля не были обязаны верить ему, так как они не имели другого основания, кроме его слов, и я также не имею другого основания для этого же, чем писание ис-

торика, которое я читаю. 10 заповедей сами по себе не содержат внутренних признаков какого либо божества, в них есть только несколько хороших наставительных рецептов, таких, какие могли бы знать любой адвокат или законодатель, без какой либо помощи сверх'естественности.

Когда мне говорят, что Коран был написан на небе и был принесен Магомету ангелом, я вижу ту же историю о том, что кто-то слыхал о том, что кто-то другой видел. Сам я не видел ангела и потому не имею права верить этому.

Когда мне говорят также, что женщина, назвавшаяся Девой Марией, говорила или передавала, что она зачала ребенка без сношения с мужчиною и что ее муж Иосиф сказал, что так заявил ему ангел,— я имею право поверить им так же, как и не поверить. Тут нужны более сильные доказательства, чем их голые заявления. Но даже и того меньше: Иосиф и Мария, понятно, сами об этом не говорили, это только другие сообщили, что они сказали так.

Не трудно, однако, об'яснить, почему сказка о том, что Иисус Христос есть сын божий, получила такое широкое распространение. Он родился в то время, когда языческая мифология была еще в моде до некоторой степени, и эта мифология подготовила народ к вере в такую сказку. Почти все выдающиеся, необыкновенные люди, жившие в период языческой мифологии, считались сынами некоторых из языческих богов. В то время не было ничего нового, чрезвычайного в обожествлении человека. Идея сожительства богов с женщинами была общераспространена. Юпитер, по их рассказам, сожительствовал с сотнями женщин. Поэтому, сказка эта не имела в себе ничего нового, чудесного или неизвестного. Она вполне соответствовала господствовавшим тогда взглядам среди так называемых "джентайлс" (не-евреи,) и именно эти-то люди только и верили в нее. Евреи, которые строго сохраняли веру в своего единого бога и не больше, и которые всегда отвергали языческую мифологию, никогда не придавали этой сказке никакого значения.

Замечательно отметить как теория, так называемой христианской церкви, выросла из хвоста языческой мифологии. Прежде всего произошло инкорпорирование знаменитого основателя веры—в божество.

Последовавшее трехличие божества было ничем иным, как возвратом назад к прежнему многобожию, число богов доходило до 30 тысяч. Статую Дианы Эфесской заменила статуя Марии; обожествление греческих героев заменилось канонизацией святых. Языческие мифологи имели богов для всего; христианские мифологи имели святых для всего. Церковь переполнилась одним, в то время, как Пантеон был полон другим, и оба имели место в Риме. Христианская теория есть не что иное, как немного измененное идолопоклонство древних мифологов, приноровленное к потребностям власти и доходов. Задачей разума и философии, следовательно, является уничтожение этой амфибиозной фальши.

Ничто из всего сказанного никоим образом не относится к действительному характеру Иисуса Христа. Он был добродетельный и хороший человек. Нравственность, которую он проповедывал, была самого добродетельного свойства; и хотя такие же теории нравственности проповедывались Конфуцием и некоторыми греческими философами за много лет до него, а со времени его — квакерами и многими хорошими людьми всех времен, никто не превзошел его.

Иисус Христос не написал ничего о себе, о своем рождении, родителях или о чем либо другом; ни одна строка так называемого Нового Завета не написана им. История о нем является всецело делом других людей. Что же касается рассказа о его воскресении и вознесении, то это было необходимо для того, чтобы согласовать ее с рассказом о его рождении. Историки его жизни привнесли его в мир в сверх-естественном виде, они и должны были унести его в таком же виде, иначе первая часть истории о нем пала бы сама собою.

Жалкая выдуманность второй части превосходит все то, что было сказано в том же смысле раньше. Первая часть, а именно, чудесное зачатие, не могло получить общественного признания и поэтому рассказчики этой части имели за собою то преимущество, что, хотя им могли и не поверить, их нельзя было поймать в фальши. Нельзя было ожидать, чтобы они могли доказать это, так как это не вещь, подлежащая доказательству. С другой стороны было невозможно также и то, что лицо, о котором это было сказано, само могло доказать что либо.

Но воскресенье умершего лица из гроба и его вознесение в воздухе совсем иная вещь в смысле приемлемости доказательства к нему, чем невидимое зачатие ребенка во чреве. Если принять за факт воскресение и вознесение, то этот факт — публичной и зрительной видимости, как вознесение воздушного шара или солнца в полдень, по крайней мере для всего Иерусалима. Вещь, в которую должен поверить каждый, требует, чтобы свидетельства и доказательства ее были универсальны и одинаковы для всех.

И так как публичная очевидность этого последнего акта была единствен. свидетельством, которое могло бы послужить санкцией первой части, то вся история проваливается, потому что такого свидетельства никогда не было. Вместо этого, маленькая группа лиц, не более 8-9, приводится заочно, для всего мира, сказать, что они видели воскресение и вознесение, и весь остальной мир призывается верить в это. Выходит, однако, что Фома не поверил в воскресение и, как они говорят, не хотел верить без личного очевидного свидетельства и телесного прикосновения. Точно также и я не верю, и причина эта одинаково достаточна для меня и для всякого другого лица, как для Фомы.

Бесполезно и напрасно пытаться замаскировать это. Рассказ, поскольку он относится к сверх'естественной части, имеет все признаки выдумки, штомповки, выбитой на лицевой стороне ее. Невозможно теперь установить, кто именно были авторами этой выдумки, хотя нас уверяют, что книги, содержащие этот рассказ, были написаны лицами, имена которых они носят. Самым лучшим свидетельством дошедшим до нас—остаются евреи. Они являются прямыми потомками того народа, который жил во время воскресения и вознесения, и евреи говорят, что это неправда. Мне долгое время представлялось несущественным приводить евреев в качестве доказательства истины. Это все равно, как человек сказал бы: я докажу истину, о которой говорил вам, путем свидетельства людей, заявляющих, что это ложь.

То, что такое лицо, как Христос, существовало и что он был распят (что было формою тогдашнего наказания), исторически подходит вполне под границы возможности. Христос проповедывал самую превосходную идею нравственности и равенства людей; но он

проповедывал также против системы подкупа и корыстолюбия еврейских попов, что и навлекло на него ненависть и мщение всех попов. Обвинение, которое эти попы пред'явили против него, было подстрекательство, заговор против римского правительства, которому в то время евреи подчинялись и платили дань. И нет ничего невероятного в том, что римское правительство могло иметь что-либо против него в связи с его учением, также как и еврейские попы. Нет ничего не вероятного также и в том, что Иисус Христос имел намерение избавить еврейскую нацию от владычества римлян. Однако, между этими двумя лагерями, этот добродетельный реформатор и революционер потерял свою жизнь.

На этих простых фактах христианские теологи, назвавшие себя христианской церковью и построили свою сказку, которая по бестолковости и сумазбродству ничем не превзойдена мифологией древних.

Древние мифологи говорят нам, что все гиганты пошли войною против Юпитера и что один из гигантов бросил в него сто скал одним взмахом, что Юпитер победил его громом и потом заточил его под горой Этной и каждый раз, когда гигант поворачивается, гора Этна извергает огонь.

Здесь можно легко видеть, что обстоятельство с горою, которая является вулканом, подало мысль о сказке, и что сказка сочинена в соответствии с этим обстоятельством.

Христианские мифологи говорят нам, что их сатана пошел войною против всевышнего, который победил сатану и засадил его потом не под горою, а в яму. Здесь можно легко видеть, что первая сказка подала идею для второй, так как сказка о Юпитере и гигантах рассказывалась за много столетий до сатаны.

До этого места древние и христианские мифологи разнятся друг от друга очень немного. Но последние (христианские мифологи) вознамерились провести дело гораздо дальше. Они задумали связать сказочную часть истории Иисуса Христа с сказкою, происходящею от горы Этны; и для того, чтобы связать все части рассказа вместе, они воспользовались обычаями евреев, так как христианская мифология состоит частью из древней мифологии, частью же из еврейских традиций.

Христианские мифологи, после того, как засадили сатану в яму, должны были его выпустить для того, чтобы дать возможность сказке продолжаться. После этого он вводится в Эденский сад в виде змеи и здесь вступает в интимный разговор с Евою, которая вовсе не удивляется тому обстоятельству, что змея может говорить. Результат этого, с глазу на глаз, интимного разговора тот, что он убеждает ее отведать яблоко и факт еды этого яблока проклинает все человечество.

Дав таким образом возможность восторжествовать дьяволу, можно было предположить, что церковные мифологи были достаточно добры отослать его обратно в яму, или, если они не сделали этого, то должны были положить на него гору (так как они говорят, что их вера может двигать горами), или же, наконец, должны были посадить его под горою, как это сделали древние мифологи,—дабы не дать ему возможности мешаться среди женщин и проказить. Вместо этого они отпускают его, не обязав даже честным словом. Тайна этого состоит в том, что они никак не могли обойтись без него и сочинивши его раз, подкупили его, чтобы он остался. Они обещали ему всех евреев, турков по выбору и, кроме того, девять десятых мира, да Магомета в придачу. Кто может после этого сомневаться в неистощимости христианской мифологии?

Устроив восстание и сражение в раю (на небе), при котором никто из сражающихся не мог быть убит или ранен—посадив дьявола в яму, выпустив его снова, дав ему восторжествовать над всем творением,—прокляв все человечество из-за с'едения яблока, эти христианские мифологи сводят вместе оба конца своей сказки. Они представляют этого добродетельного человека, Иисуса Христа, одновременно в качестве бога и человека и сына божьего, зачатого божеством специально для принесения в жертву за то, как они говорят, что Ева от скуки с'ела яблоко.

Оставляя в стороне все, что может вызвать смех своей бестолковостью или отвращение своей профанацией, и обратив свое внимание на проверку деталей, невозможно представить себе рассказ более унизительный для всевышнего, более несогласный с его мудростью, более противоречивый с его мощью, чем этот рассказ.

Для того, чтобы построить для этого основание, сочинители в

силу необходимости должны были снабдить сатану мощью равной, если не более сильной, чем они приписали всевышнему. Они снабдили его силой достаточною не только для освобождения себя из ямы, после его так называемого падения, — но они увеличили эту его мощь потом до бесконечности. До этого падения они представляют его наивно, как ангела с ограниченным существованием, подобно тому, как они представляют все остальное. После же его падения, он становится, по их расчету, вездесущим. Он существует везде и в одно и то же время. Он занимает все сплошное пространство.

Не будучи довольны одним обожествлением сатаны, они представляют его побеждающим, путем хитрости, в виде животного создания, всю мощь и мудрость всевышнего. Они представляют его заставляющим всевышнего прибегнуть к прямой необходимости сдать все сотворенное в управление и под владычество этого сатаны, или же сдаться и для искупления придти на землю и явить себя на кресте в виде человека.

Если бы сочинители этой истории рассказывали ее в обратном виде, то-есть, если бы они представили всевышнего заставляющим сатану выставить себя на кресте в виде змеи, в знак наказания за его новое прегрешение, рассказ был бы гораздо менее бестолковым, менее противоречивым. Но вместо этого они заставляют грешника торжествовать, а всевышнего ставят в положение побежденного.

Я не сомневаюсь в том, что многие прожили всю свою жизнь очень благонравно, веря в эту сказку, так как легковерие не преступление. Во первых, они были воспитаны верить этому и верили бы во что либо другое в одинаковой мере. Есть также много и таких, которые пленились так называемой безграничной любовью бога к человеку, принесшего себя в жертву. Необычайность идеи воспрещала и отклоняла их от рассмотрения абсурдности и профанации рассказа. Чем более неестественна вещь, тем более она может стать примером чрезвычайного восхищения.

Но если примеры благодарности и восхищения являются нашим желанием, не представляют-ли они себя нашему взору каждый час? Разве мы не видим все мироздание готовым принять

нас в самый момент нашего рождения — мир приноровленный к нашим рукам, и не стоющий нам ничего? Разве мы зажигаем солнце и посылаем на землю дождь и заполняем землю обилием? Во сне ли мы или наяву, великий механизм вселенной все время находится в движении. Разве все эти вещи и та благодать, которую они предвещают для будущего, не являются ничем для нас? Разве наши чувства не могут быть возбуждены другими примерами, кроме трагедии и самоубийства? Или же темная гордость человека так нетерпима, что ей ничто не может польстить, кроме жертвы создателя?

Я знаю, что это смелое исследование обеспокоит многих, но было бы слишком большим комплиментом для их доверчивости пропустить это из-за них.

Сомнение в том, что теория христианской церкви является сказочною, широко распространяется во всех странах. Поэтому я перехожу к рассмотрению книг, называемых Ветхим и Новым Заветом.

Эти книги, начинающиеся с книги бытия (книга Моисея) и кончающиеся откровением, являются, как нам говорят, словом божьим. Поэтому нам надлежит собственно знать, кто именно сказал это для того, чтобы мы знали, насколько можно положиться на такое заявление. Ответ на этот вопрос тот, что никто не может сказать ничего, кроме того, что мы об этом говорим один другому. Однако, самое дело исторически представляется так:

Когда христианские мифологи устанавливали свое учение, они собирали все рукописи, какие только могли найти и распорядились ими по собственному желанию. Нам совершенно неизвестно в таком ли виде рукописи, известные под Ветхим и Новым Заветом, были найдены собирателями рукописей или они добавили, изменили, сократили или переделали их.

Как бы там с этим не было, они порешили голосованием, какая из собранных ими книг должна быть словом божьим и какая не должна быть таковым. Они признали негодными несколько рукописей, другие они нашли сомнительными, как например, книгу Апокрифа, а те книги, в пользу которых получилось большинство голосов, были признаны как слово божье. Кто эти люди были, которые проде-

лывали все это, мы не знаем. Они назывались общим именем церкви и это все, что мы знаем о них.

Так как мы не имеем никакого внешнего свидетельства или авторитета для того, чтобы верить, что эти книги являются словом божьим, то я перехожу к рассмотрению их внутреннего свидетельства.

Раньше я говорил об откровении и теперь перехожу дальше к этому же предмету с целью применения его к названным книгам.

Откровение представляет из себя сообщение чего нибудь лицу, которое об этом ничего не знало. Так, если я, положим, сделал определенную вещь или видел как ее делали, то я не нуждаюсь в откровении мне того, что я ее сделал, или видел, как ее сделали.

Поэтому откровение не может относиться ни к чему, что делается на земле, где человек сам является действующим лицом или свидетелем. Следовательно, все исторические и анекдотические части библии, составляющие ее почти всю целиком, не подходят под понятие и границы слова "откровение" и, поэтому, не являются словом божьим.

Когда Самсон снес колонны ворот города Газы, если только он когда либо это сделал (и сделал ли он это или нет, безразлично для нас), или когда он посетил свою Далилу, или поймал лисиц, или сделал что либо другое, какое отношение могло иметь к этому откровение? Если это были факты, он мог рассказать о них сам, это мог сделать его секретарь, если только он имел такового, и мог бы записать их, если они стоили того, чтобы их записывать; если же они были выдумкой, то откровение не может сделать их истиною. Кроме того, является ли это истиной или нет, мы не становимся ни лучше и ни умнее от того, что знаем о них.

Что же касается повествования о творении, которым начинается книга Бытия, то оно представляет из себя, по всей видимости, предание, бывшее у израелитов (евреев) еще до того времени, когда они пришли в Египет. И после их ухода из Египта они поставили это предание во главе своей истории, без указания того, (они сами не знали) как оно попало к ним. Характер всего повествования

показывает, что это предание. Оно начинается сразу; никто не говорит, никто не слышит, ни к кому не обращается, нет здесь ни первого, ни второго, ни третьего лица; одним словом, оно имеет все признаки предания, не имея какого либо свидетельства подлинности, Моисей не берет на себя этого, когда говорит о нем с такой же формальностью, как и в других случаях, говоря: и "Господь сказал Моисею слово."

И почему это называют Моисеевой историей творения, я не могу никак понять. Я полагаю, что Моисей был слишком хорошим знатоком таких предметов, чтобы связать свое имя с этим рассказом. Он был воспитан среди египтян, которые отличались такими же знаниями науки, особенно же астрономии, как все другие народы их времени; молчание и осторожность, которую соблюдает Моисей в том, чтобы не установить какой-либо подлинности или принадлежности этого рассказа, являются лучшим отрицательным свидетельством того, что он не сочинил это сам и не верил в него. Факт тот, что каждая нация претендовала на то, что была созидательницей мира, и израильтяне (евреи) имели столько же права на создание мира, как и все остальные; и так как Моисей не был израильтянином, он не мог бы взяться противоречить их преданию. Само повествование, однако, безвредно; и это самое лучшее, что можно сказать о многих других частях библии.

Когда мы читаем о непристойных историях, случаях сладострастного разврата, жестоких наказаниях с истязанием, которыми полна более чем половина библии, то следовало бы назвать ее словом дьявола, а не словом божьим. Это история мерзости, которая служила для подкупа и ожесточения человечества и, что касается меня, я отношусь к этому с искренним чувством омерзения, как вообще ко всему жестокому.

Кроме отдельных частей библии, за исключением нескольких фраз, мы не находим в ней ничего кроме того, что вызывает в нас чувство ужаса и омерзения. В безымянных изданиях, в псалмах и книге Иова, в особенности в последней, мы находим довольно много возвышенных чувств, высказываемых почтительно о силе и добро-

детели всевышнего; но эти книги не стоят на более возвышенном уровне, чем многие другие сочинения по тем же предметам, одинаково, как до того времени, так и после.

Притчи приписываемые Соломону, по всей вероятности являются коллекцией правил нравственности. Они уступают поговоркам испанцев в меткости и не умнее чем поговорки американца Франклина.

Все остальные части библии, известные вообще под именами пророков, представляют из себя поэтические произведения еврейских поэтов и странствующих проповедников, которые смешивали поэзию с анекдотами и божественным служением, и эти сочинения до сих пор еще сохранили характер и стиль поэзии, даже и в переводе.

Во всей книге, называемой библией, нет ни одного слова, описывающего нам поэта или поэзию. Факт тот, что слово "пророк," которому последовавшие времена приписали новое значение, и было библейским названием поэта, а слово "пророчество" означало способность к поэтическому искусству.

Мы читаем здесь о пророчествовании с дудками, рожками, о пророчествовании с арфою, при пении хвалебных песен с цимбалами и всякими другими музыкальными инструментами того времени. Если бы мы взялись теперь пророчествовать со скрипкою или дудкою или рожком, то наше пророчествование имело бы смешное значение и для некоторых людей показалось бы оскорбительным.

Нам говорят, что Саул был одним из пророков и что он в самом деле пророчествовал. Нам, однако, не говорят, о чем именно они пророчествовали и о чем он пророчествовал. Факт тот, что нечего было говорить, так как эти пророки были группой музыкантов и поэтов и Саул присоединился к труппе, и все это назвали пророчествованием.

Об этом случае в книге Самуила, то есть, о том, что Саул встретился с группой пророков, и представьте себе, с целой компанией таковых, рассказывается, что они шли распеваючи и при звуках рожков, дудок и арф пророчествовали. И Саул также принимал в этом участие. Однако, после мы видим, что Саул пророчествовал очень скверно, так как говорится, что на Саула сошел "злой дух

от бога"* и он пророчествовал.

Не будь даже кроме этого никаких других мест в библии для того, чтобы показать, что мы утеряли первоначальный смысл слова "пророчество" и придали ему вместо того другой, то и этого было бы достаточно, так как слово "пророчество" не приложимо в только что приведенном месте, если только мы придали ему смысл, закрепленный за ним в более поздние времена.

Здесь слово "пророчество" лишает его всякого религиозного смысла и показывает, что в то время человек мог быть пророком или он мог "пророчествовать" также, как ныне он мог бы быть поэтом или музыкантом, безотносительно к нравственности или безнравственности своего характера. Слово это первоначально было научным термином, вольно прилагавшимся к поэзии и к музыке

Дебора и Барак названы пророками не потому что они предсказали что либо, а потому что они составили поэму или песню, носящую их имя в память того, что было сделано ими. Давид считается в ряду пророков, так как он был музыкантом и кроме того слыл (возможно, что и ошибочно) за автора псалм. Но Авраам, Исаак и Яков не называются пророками; нет ни одного источника, откуда можно было бы видеть, что они могли петь, играть на музыкальных инструментах или составлять стихи.

Нам говорят о более крупных и менее крупных пророках. С одинаковым успехом могли сказать нам о большем и меньшем боге, так как в пророчествовании с точки зрения современного понятия не может быть степени. В поэзии же различаются эти степени и поэтому слово пророчество согласуется с разбираемым нами случаем, разумея под ним более крупных и мелких поэтов.

Совершенно излишне после этого разбираться во всем, что было написано теми людьми, которые слыли пророками. Удар здесь

---

*) Так как называющие себя книжниками и священнослужителями очень любят удивить один другого — я оставляю за ними смысл первой части этой фразы — "злой дух от бога". Я и тут поддерживаю выраженный мною смысл слова "прор순ророчествование."

таков, что он подсекает весь корень, обнаруживая ошибочность употребления первоначального смысла слова, и поэтому все выводы из книг, преклонение перед ними и комментарии, написанные к ним так кропотливо, при этом ошибочном понимании, не стоят и споров. Во многих местах, однако, произведения еврейских поэтов заслуживают лучшей участи, чем быть переплетенными, как сейчас, с чепухой, которая сопровождает их под обидным названием слова божьего.

Если мы стремимся иметь правильное представление о вещах, то необходимо должны распространить идею не только о неизменности, но и о современной невозможности какого либо изменения каким либо способом или случаем всего, что мы чтим, как слово бога. И поэтому не может быть никакого слова божьего ни в писанном виде, ни на каком либо человеческом языке.

Продолжительное и постепенное изменение смысла слов, нужда в универсальном языке, без которого необходим перевод, ошибки, которым подвержены переводы, ошибки переписчиков вместе с намеренными изменениями, уже сами по себе являются свидетельством того, что человеческий язык, в речи или печати, не может служить орудием передачи слова божьего.

Если бы даже библия превосходила в чистоте идей и выражения все существующие в мире книги, я и тогда не взял бы ее в качестве правила моей веры, как слова божьего, так как тут все же производится на меня давление, есть возможность того, что меня заставят следовать этим правилам веры. Но когда я вижу в большей части этой книги только историю величайшего порока и собрание сказок самой низкой и наглой пробы, я не могу обесчестить моего создателя, называя это его именем.

Это относится к библии, а теперь я перехожу к Новому Завету. Новый Завет! Это значит новая воля, как будто у создателя могло быть две воли.

Если бы Иисус Христос имел в виду установить новую религию, он бы сам написал определенную систему, теорию, или постарался бы о том, чтобы она была написана при его жизни. Но нет нигде какого либо печатного подлинника его имени. Все книги,

названные Новым Заветом, были написаны после его смерти. Он был еврей по рождению и воззрениям и мог быть сыном божьим в такой же мере, как и всякое другое лицо.

Первые четыре книги, называемые книгами Матвея, Марка, Луки и Иоанна, не дают истории жизни Иисуса Христа, а приводят отдельные анекдоты о нем. Согласно этим книгам вся продолжительность времени проповедываний Христа ограничивается 18 месяцами и так хорошо в это время эти лица познакомились с ним. Они упоминают о Христе, когда ему было 12 лет, когда он, по их словам, сидел среди еврейских ученых, отвечая на вопросы и задавая им свои. Так как это было по крайней мере, за несколько лет, до их знакомства с ним, то очень вероятно, что этот рассказ о его жизни они получили от его родителей. С этого времени о нем не упоминается до 16 летнего возраста. Неизвестно, где он жил за этот промежуток времени и что делал. Вероятнее всего, что он занимался ремеслом своего отца-плотника. Неизвестно, имел ли он какое либо школьное образование. Вероятно, что не мог писать, так как его родители были крайне бедны, судя по тому, что они не могли заплатить даже за кроватку при его рождении.

Довольно любопытно, что три лица, имена которых пользуются самой широкой известностью, были самого простого происхождения. Моисей был подкидыш; Иисус Христос родился в хлеве, а Магомет был погонщиком ослов. Первый и последний из этих лиц были основателями различных учений религии, только Иисус Христос не основал никакого учения. Он призывал людей действовать в рамках нравственной добродетели и верить в единого бога. Самой крупной чертой его характера является филонтропия.

Тот факт, как с ним поступили, показывает, что он не пользовался широкой известностью в то время, и что он устраивал собрания с своими последователями тайком, также, что он оставил или прекратил публичную проповедь. Иначе Иуда и не мог бы его выдать, сообщив о его местопребывании и указав чиновникам, которые пришли арестовать его. Самый случай подкупа Иуды мог быть только именно от того, что он был мало известен и скрывался.

Мысль о его подпольном существовании не только плохо вяжется с его прославленной божественностью, но, наоборот, привносит сюда элемент боязливости. И то, что он был предан или, другими словами, был арестован по доносу одного из его же последователей, показывает, что он не ожидал ареста и, следовательно, не имел намерения быть распятым.

Христианские мифологи говорят нам, что Христос умер за грехи мира и что он сошел на землю для того, чтобы умереть. Разве не было бы то же самое, если бы он умер от лихорадки лии от оспы, от чрезмерной старости или от чего либо другого?

Приговор, произнесенный, как говорят, над Адамом, когда он с'ел яблоко, не был: "воистину ты будешь распят," а "воистину ты умрешь"— смертный приговор, а не род смерти. Поэтому распятие, или какой либо другой определенный способ смерти, вовсе не составлял части приговора, которому должен был подвергнуться Адам. Следовательно, даже по их собственному определению, приговор о страдании, который должен был понести Христос вместо него, не составлял части приговора над Адамом. В этом случае лихорадка могла быть одинаково уместной, как крест, если только в том была какая либо нужда.

Смертный приговор, который, христианские мифологи говорят нам, был вынесен над Адамом, должен был означать или естественную смерть, т. е. перестать жить, или означал то, что эти мифологи называют проклятием. Следовательно, акт умирания Иисуса Христа, согласно их учению, относится, как предупреждение против проклятия и смерти, которым должен был подвергнут Адам, а также и мы.

Ясно однако, что смерть Христа не страхует нас от умирания, так как мы все умираем. Больше того, если их подсчеты относительно долговечности правдивы, то люди, оказывается, со времени распятия умирают гораздо раньше. Что же касается второго об'яснения (включая и естественную смерть Иисуса Христа, вместо проклятия всего человечества), то это ставит создателя в нелепое положение отменяющего приговор посредством простой

игры словом "смерть." Этот мастер всяких нелепых каверз, святой Павел, если только он написал книги, ему приписываемые. усилил эту нелепость с помощью другой игры словом "Адам." А именно: он сочинил двух Адамов, одного, который фактически грешит, но передает наказание за свой грех по наследственному полномочию; другой — который грешит по полномочию, но страдает фактически. Религия, так переплетенная нелепостями, софизмами и увертками, имеет склонность к наставлению своих глашатаев в практике этих искусств. Они приобретают самую привычку без сознания причины.

Если Иисус Христос действительно был тем, чем его представляют нам эти мифологи и если он пришел в этот мир пострадать (слово,которое они иногда употребляют вместо слова умереть), то единственным страданием, которое он мог понести, было бы его существование. Его существование здесь было ссылкою его с неба, и обратный путь в его действительную родину лежал через смерть. Словом, все в этой странной теории является обратным тому, на что она претендует быть. Она является противоположною истине, и мне так начинает надоедать расследование всех ее несообразностей и абсурдностей, что я спешу закончить ее для того чтобы перейти к чему нибудь лучшему.

Сколько и какие именно части книг так называемого Нового Завета были написаны лицами, которым эти книги приписываются, нам неизвестно; мы так же ничего не можем сказать о том, на каком языке они первоначально были написаны Их содержание можно подразделить на две части: устные рассказы и переписка. Все четыре названные книги: Матвея, Марка, Луки и Иоанна являются всецело пересказом. Они повествуют о происшествиях уже после того, как эти происшествия случились. Они говорят о том, что Иисус Христос делал и говорил и что другие делали и говорили ему, и в некоторых, случаях они передают одно и тоже происшествие по разному. В связи с этими книгами нельзя и думать об откровении, не только из-за разногласия авторов, но и потому, что откровение не может быть приложимо к фактам лицом, которое было их очевидцем, тоже самое и о передаче и отметке какого либо разговора или проповеди слушателями. Книга, известная под названием "Деяний Апостолов" (ано-

нимная работа) принадлежит также к части устных пересказов.

Все остальные части Нового Завета, за исключением книги "Откровений" представляют собой сборник писем под названием "Посланий". Подделка писем была настолько общим явлением на свете, что шансы одинаковы как за подлинность, так и за то, что они продукт подделки. Однако, тут есть одна вещь, являющаяся значительно менее двусмысленной. это то, что из содержания этих книг с помощью некоторых древних преданий, церковь составила религиозную систему, которая сильно противоречит характеру того лица, чье имя она носит. Церковь основала религию величия и доходов, претендуя на подражание лицу жизнь которого была сплошным уважением и нищетой. Измышления ада и искупление душ от этого ада молитвами, купленными у церкви, продажа прощений и отпущений грехов, являются законами, устанавливающими доход в замаскированной форме. Все же, суть та, что все эти вещи происходят из факта распятия и выведенной оттуда теории о том, что одно лицо могло заменить другое и могло выполнить за него похвальную службу. Поэтому вероятно, что вся теория или доктрина об искуплении, первоначально была сфабрикована в целях обоснования и постройки на ней всех этих второстепенных и денежных искуплений. Точно также, именно для этой цели были сфабрикованы и те места книг, на которых построена идея или теория искупления. Почему мы должны верить этой церкви, когда она говорит нам, что названные книги всецело подлинны, или в чудеса, которые, как она говорит, совершила. То, что она могла подделывать писания,— вполне определенно, содержание написанного именно такого качества, что всякий мог бы сделать это. И то, что она сфабриковала их, есть не большая неправдоподобность чем то, что она заявляет, что могла творить и творила чудеса.

Так как на таком долгом протяжении времени нельзя пред'явить никакого внешнего свидетельства для того, чтобы доказать, сфабриковала ли церковь учение об искуплении или нет (так как такое свидетельство, будь то за или против, будет также предметом подозрения в фабрикации), все дело находится во внутреннем свидетельстве, содержащемся в самой вещи. А это дает возможность к

очень сильному предположению того, что оно является фабрикацией, так как внутреннее свидетельство говорит, что теория или учение об искуплении имеет своей основой идею денежной справедливости, а не моральной.

Если я должен кому нибудь деньги и не могу ему заплатить, и он угрожает мне тюрьмой, другое лицо может взять на себя долг и уплатить за меня. Но если я совершил преступление, то меняется каждое обстоятельство дела. Нравственная справедливость не может принять невинного за виновного, если даже невинный и предложит себя. Предположить, что справедливость делает это, — значит, уничтожить самый принцип ее существования, так как в таком случае это более несправедливость, а безразличная месть.

Это единственное соображение показывает, что учение об искуплении основано просто на корыстолюбивой идее, соответственно долгу, который может быть уплачен другим лицом. И так как эта корыстолюбивая идея в свою очередь соответствует теории второго искупления, полученного от церкви путем денежного выкупа, очень возможно, что и то и другое учение сфабриковали одни и те же лица, и что на самом деле, нет такой вещи, как искупление, что это выдумка.

Та идея, что бог послал Иисуса Христа возвестить, как они (представители церкви) говорят, благодать всем народам от одного конца земли до другого, — согласуется только с невежеством тех, которые не знали ничего о размерах мира и верили, как и те спасители мира и продолжали верить в течение нескольких столетий (вопреки открытиям философии и опыту мореплавателей), что земля была плоска, как поверхность стола и что человек мог пройти до ее конца.

Но как же мог возвестить что либо всем народам Иисус Христос? Он говорил только на одном языке, еврейском, а в мире существует несколько сот языков. Едва-ли какие либо две нации говорят на одном и том же языке или понимают друг друга. Что же касается переводов, то всякий знающий что либо о языках знает, что невозможно перевести с одного языка на другой не только без потери большей части оригинала, но часто и без ошибки в самом

смысле. Кроме всего этого, искуство печатания во время жизни Христа было совершенно неизвестно.

Необходимо всегда, чтобы средства, которыми достигается какая либо цель, были соответственно равносильны для достижения этой цели, иначе цель не может быть достигнута. Как раз здесь выявляет себя разница между конечной и безконечной силой и мудростью. Часто человеку не удается достигнуть своих целей из-за естественной неспособности, часто также из-за недостатка мудрости для правильного применения этой силы. Но для безграничной мощи и мудрости невозможна такая неудача, как у человека. Только человеческий язык, особенно же потому, что нет всеобщего языка, не способен быть в качестве универсального средства неизменяющегося и правильного сообщения. Поэтому это не средство, которым бог возвещал бы себя человеку.

Чего может хотеть человек знать больше, как не то, что рука или сила, создавшая эти вещи, всемогуща? Пусть он верит в это, если дает возможность действовать своему разуму, и порядок его нравственной жизни последует сам собою.

Ссылки на Иова имеют ту же тенденцию, что 19-ый псалом: доказательство той истины, которая иначе останется неизвестной рядом с известными истинами.

Я не помню достаточно хорошо места в Иове, чтобы воспроизвести их правильно, но мне помнится одно место, приложимое к настоящей теме. "Можешь ли ты, ища, найти бога? Можешь ли ты постичь всемогущего в совершенстве?"

Я не знаю, как у печатников выходит это место, так как у меня нет библии. Но здесь два определенных вопроса, требующих также двух определенных ответов.

Первое, — можешь ли, ища, найти, постичь бога? Да, ибо я, во первых, знаю, что не сделал сам себя и все же существую. А всматриваясь в природу других вещей, я нахожу, что ни одна не может произвести себя, и все же миллионы вещей существуют. Поэтому путем положительного заключения, являющегося результатом этих поисков я знаю, что есть высшая сила в отношении всех вещей и эта сила — бог.

Второе, — можешь ли постичь всемогущего до совершенства? Нет, не только потому, что сила и мудрость, проявленные им в строительстве мироздания мне не понятны, но и само проявление это, как велико оно ни есть, возможно, является только малым выявлением той необ'ятности силы и мудрости, которой были созданы и продолжают существовать миллионы других миров, невидимых мне на расстоянии.

Вероятно, что оба эти вопроса были поставлены разуму человека, к которому они, повидимому, были обращены. И только путем утвердительного ответа на первый вопрос может последовать второй. Было бы лишним и даже нелепым поставить второй вопрос, более трудный чем первый, если бы ответ на первый вопрос был отрицательный. Эти два вопроса имеют различное значение. Первый касается существования бога, второй — атрибутов. Разум может открыть одно, но совершенно не в состоянии открыть другое, в целом.

Из всех писаний так называемых апостолов я не помню ни одного места, где бы проводилась идея того, что есть бог. Эти писания в большинстве своем противоречивы, и предметы, о которых они пишут,—человек умирающий в муках на кресте—больше подходят к мрачному творчеству монаха в кельи, чем какого либо другого человека, дышащего открытым воздухом мира. Единственное место, припоминающееся мне и имеющее какое-либо отношение к деяниям бога, через которое только и можно знать о его силе и мудрости, — приводится как бы сказанным Иисусом Христом в качестве средства против недоверия. "Смотрите на лилии в поле, они не пашут и не прядут." Но это далеко ниже в сравнении с местами Иова и 19 псалма. Это и по идее и скромности образа соответствует скромности человека.

Что же касается христианской системы веры, то она представляется мне как род атеизма — нечто, как религиозное отрицание бога. Она заставляет веровать скорее в человека, чем в бога. Это— мешанина, составленная главным образом, из манизма (поклонения человеку) с небольшой примесью деизма, и также близкая к ате-

изму, как сумерки в темноте. Она вводит между человеком и его создателем нечто непроницаемое, называя его искупителем и, подобно луне становящейся между землей и солнцем ,создает таким образом, религиозное или иррелигиозное затмение света. Она поставила в тень всю орбиту разума.

Результат этого затмения был тот, что все было поставлено в верх дном; представляя все в обратном виде, она, среди так магически произведенных ею переворотов — совершили революцию и в теологии.

То, что теперь называется философией природы, охватывая весь круг науки, где астрономия занимает главное место, — это изучение деяний бога, силы и мудрости его деяний. Это истинная теология.

Что же касается теологии, которая изучается теперь вместо этого, то это только изучение человеческих мнений и фантазий относительно бога. Это не изучение самого бога в его деяниях, а человеческих трудов и писаний. И это не самый мелкий из обманов, которые христианское учение преподнесло миру, оставив оригинал и прекрасную систему теологии, как прекрасную невинность, для того, чтобы дать место кошмару суеверия.

Книга Иова и 19-ый псалом, которые христианской церковью признаются более древними, чем хронологический порядок, в котором они расположены в т. н. библии, являются теологическими сказаниями, согласующимися с первоначальной системой теологии. Внутреннее свидетельство этих сказаний доказывает, что изучение и размышление о деяниях мироздания, силы и мудрости бога, проявленных в этих деяниях, представляли крупную часть религиозной набожности тех времен, когда они были написаны. И именно это преданное изучение и размышление повели к открытию начал, на которых основано то, что мы теперь называем наукой. И только благодаря открытию этих начал и существуют почти все искуства, на которых зиждется удобство человеческой жизни. Каждый род искуства имеет родительницей какую нибудь из наук, хотя лицо, механически производящее работу, не всегда, и очень редко, постигает самую связь.

ТОМАС ПЭЙН

Называть науки человеческим изобретением — это выдумка христианского учения. Только приложение их является человеческим. Каждая наука имеет своим основанием систему начал, установленных и неизменных, как и те, которыми регулируется и управляется вселенная. Человек не может делать начал, он может их только открыть.

Например: каждое лицо, смотрящее на альманах (астрономический) видит когда произойдет затмение. Оно видит также, что никогда не случается пропусков. Это показывает, что человек знаком с законами движения небесных тел. Было бы, однако, хуже невежества, если бы какая либо церковь на земле говорила, что эти законы — человеческое изобретение. Было бы также невежеством, а то и хуже, сказать, что научные принципы, с помощью которых человек может вычислять и предузнавать, когда произойдет затмение, является человеческим изобретением. Человек не может изобресть вещь вечную и неизменную, и научные принципы, употребляемые им, должны быть и являются необходимостью вечного и неизменного, как и законы, по которым происходит движение небесных тел, иначе они не могли быть применяемы для определения времени и обстоятельств, при которых произойдет затмение.

Научные принципы, применяемые человеком для предузнавания затмения, или чего либо касательно движения небесных тел, содержатся главным образом в той части науки, которая называется тригонометрией или свойствами треугольника. Применяя это к изучению небесных тел, мы получаем астрономию, прилагая же к направлению курса судна на море, она называется навигацией, к конструкции фигур, начерченных линейкой и компасом — геометрией; к конструкции планов сооружений — архитектурой; к измерению какой либо части поверхности земли — землемерием. Словом, это душа науки, это вечная истина, она содержит математическое наглядное доказательство, о котором человек говорит и пределы пользования которым неизвестны.

Можно сказать, что человек может сделать или начертить треугольник, и поэтому треугольник — человеческое изобретение.

Но треугольник, будучи начертан, есть не что иное как изоб-

ретение принципа, это абрис для глаза, а оттуда для ума, принципа, который иначе был бы непостижим. Треугольник не делает принципа больше, чем свечка внесенная в темную комнату, создает стулья и столы, которые до того были невидимы. Все свойства треугольника существуют независимо от фигуры и существовали раньше, чем был начерчен какой либо треугольник или был в уме человека. Человек участвует в образовании этих свойств или принципов не больше, чем в делании закона движения небесных тел,

Точно также, как говорят, что человек может сделать треугольник, можно сказать, что он может сделать механический рычаг. Но принцип действия рычага вещь отличная от самого инструмента — рычага и будет существовать, не будь даже инструмента. Он привходит в инструмент после того, как последний сделан; инструмент, поэтому, не может действовать иначе, чем он действует. Не могут переменить его действия также все попытки человеческого изобретения. То, что человек назвал действием, есть не что иное, как сам принцип, в доступном для органов чувств виде.

Значит, раз человек не может делать принципов, откуда он черпает свое знание о них, чтобы быть в состоянии применять их не только к земным предметам, но и для определения движения тел, находящихся от земли на таком далеком растоянии — откуда, я спрашиваю, он мог почерпнуть то знание, как не от изучения истинной теологии?

Само устройство вселенной дало это знание человеку. Это устройство является вечно существующим проявлением каждого принципа, на котором основана всякая часть математической науки. Механика является ветвью этой науки, так как она есть не что иное, как практически приложенные принципы науки. Человек соразмеряющий несколько частей мельницы, пользуется теми же научными принципами, как если бы он имел силу построить вселенную. Но так как он может внести в вещи то невидимое, благодаря которому все составные части необ'ятной машины вселенной влияют одна на другую и действуют вместе в движущемся унисоне

без какого либо очевидного соприкосновения, — то, что человек назвал тяготением и отталкиванием, он вставляет вместо того "нечто" с помощью простой имитации зубцов и кулаков. Все части человеческого организма должны чувствовать зрительно, но может ли он получить от этого знания что-либо, чтобы быть в состоянии применить его на практике. Вот тогда мы бы могли сказать, что открыта другая каноническая книга слова божьего.

Если бы человек мог изменять свойства рычага, то он также мог бы изменять свойства треугольника, так как рычаг в движении образует треугольник. Линия из которой он исходит (одна точка этой линии — точка опоры), линия к которой он нисходит и хорда, которую описывает конец рычага при этом, образуют три стороны треугольника. Другой конец рычага описывает также треугольник и соотвествующие стороны этих двух треугольников, расчитанные научно, или измеренные геометрически, а также синусы, тангенсы и секанты, образующиеся из углов и измеренные геометрически, находятся в одинаковой пропорции одна к другой, как разные тяжести, которые будут балансировать одна другую на рычаге, исключая при этом вес самого рычага.

Можно также сказать, что человек может сделать колесо и ось, может установить вместе колеса разной величины и соорудить мельницу. И все же все дело возвращается к той же точке, то есть, что он не сделал принципа, который дает колесам их силу. Этот принцип неизменен, как и в первом случае, или скорее, это тот же принцип, только под различным видом для глаза.

Сила, которую имеет одно колесо над другим, разной величины, находится в той же пропорции, как если бы полудиаметры обоих колес были соединены вместе и составлены в только что описанный рычаг, висящий в части соединения полудиаметров, так как оба колеса, рассматривая их научно, являются ни чем иным, как двумя окружностями, образовавшимися посредством движения составного рычага.

Только от изучения истинной теологии получается все наше знание о науке и только от этого знания происходят все искуства.

Всесильный лектор, проявив принципы науки в устройстве все-

ленной, пригласил человека к изучению и подражению. Как будто он сказал жителям этого шара, называемого нашим: “Я сделал землю для того, чтобы человек был на ней и я представил звездные небеса видимыми, для того чтобы научить его науке и искусствам. Он теперь может обеспечить себе удобства и научиться быть добрым к другим от моей щедрости ко всем.”

Какая польза от этого, если не учить человека чему нибудь, что его глаз имеет силу видеть на непостижимом расстоянии необ‘ятность миров, вращающихся в океане пространства? Или какая польза от того, что эта необ’ятность миров видима для человека? Что имеет общего человек с Плеядой, Орионом, Сириусом, Северной Звездой, с движущимися светилами, называемыми Сатурном, Юпитером, Марсом, Венерой и Меркурием, если от их видимости не последует никакого использования. Для человека достаточно была бы меньшая сила зрения, если бы та необ’ятность, которою он обладает, была бы только бесполезной тратой.

Только потому, что человек рассматривает т. н. звездные небеса как книгу и школу науки, он и может открывать в их видимости пользу для себя. Но когда он рассматривает предмет в этом свете, он имеет лишний повод сказать, что ничто не было сделано лишним, так как была бы бесполезной эта сила зрения, если бы она ничему не учила человека.

Христианское учение произвело переворот как в теологии, так и в области образования вообще. То, что теперь называется учением, первоначально не было таковым. Образование не состоит в знании языков, как это стараются сделать школы теперь, а в знании вещей, которым язык дает названия.

Греки были ученым народом, но ученость их не состояла в умении говорить по гречески больше, чем, положим, римлянин говорил на латинском, француз на французском и англичанин на английском языке. Из того, что мы знаем о греках, не видно, чтобы они знали или изучали чей либо язык, кроме своего, и в этом состояла одна причина их учености. Это предоставляло им больше времени для лучших предметов. Школы Греции были школами науки и философии, а не языков, а наука и философия учат знанию

вещей и в этом состоит ученость.

Почти все существующее в настоящее время научное знание дошло до нас от греков, или народов, говоривших на греческом языке. Поэтому для других народов, говоривших на других языках, было необходимо, чтобы кто нибудь из них научился греческому языку для того, чтобы ученость греков могла стать известной и среди их наций, путем перевода греческих научных и философских книг на родной язык каждой нации.

Поэтому изучение греческого (а также и латинского) языка было ничем иным, как докучливым занятием лингвиста, и этот язык был не более как средство для приобретения той учености, которая была у греков. Изучение языка не представляло из себя части самих знаний, а было настолько отлично от них, что делало вполне вероятным то, что лица, изучавшие греческий язык в достаточной мере для перевода трудов, как например, Эвклидовых Основ, не понимали самого содержания этих трудов в этих мертвых языках.

Так как все полезные книги были переведены, и в этих мертвых языках ничему новому нельзя более научиться, они становятся бесполезными и время, употребленное на проповедывание и изучение их, — напрасной потерей. Поскльку изучение языков может способствовать прогрессу и распространению знания (так как оно ничего общего не имеет с созиданием знания), новое знание может быть найдено только в живых языках. Известно, вообще, что юноша может успеть в живом языке за один год более, чем в мертвом за семь лет, и очень редко даже сам учитель знает о нем достаточно. Трудность изучения мертвых языков возникает не из какой либо высшей непонятности самих языков, а исходит из самого факта их, как мертвых, при том же, способ произношения их совершенно утерян. То-же самое было бы со всяким другим мертвым языком. Самый лучший ныне знаток греческого языка понимает его хуже грека пахаря или молочницы того времени. То же самое и относительно латыни, в сравнении с римским пахарем или молочницей. Поэтому для пользы учения было бы предпочтительно отменить изучение мертвых языков и ограничить учение научными знаниями, как это и было первоначально.

ВЕК РАЗУМА

Извинение, которое делается иногда в пользу продолжения изучения мертвых языков то, что они якобы преподаются, когда ребенок не способен еще развить никакой другой умственной способности, кроме памяти. Это совершенно ошибочно. Человеческий ум имеет естественную склонность к научному знанию и предметам, связанным с этим. Первая и любимая забава ребенка, прежде чем он начинает играть — подражание работам человека. Он начинает строить дома из карт и палочек, он плавает по океану чашки воды с бумажной лодочкой или строит запруды в ручейках вымоин, стараясь сделать нечто вроде мельницы. При всем этом он вникает в судьбу своих работ с заботой похожей на страсть. После он идет в школу, где его талант убивается бесполезным изучением мертвого языка, и философ теряется в лингвисте.

Но извинение, приносимое теперь в пользу продолжения изучения мертвых языков, не могло бы быть всецело причиной урезывания образования до узкой и маловажной сферы лингвистики. Причину, значит, следует искать в чем нибудь другом. Во всех изысканиях этого рода, самое лучшее свидетельство, которое можно выставить, это внутреннее свидетельство, заключающееся в самой вещи, а также и свидетельство условий, связанных с этим, каковые в данном случае не трудно открыть.

Итак, оставляя в стороне насилие над нравственностью бога предположением, что он заставляет страдать невинного за виновного, а также и расплывчатую мораль и низкую выдумку, что он переменил свой образ и явился в виде человека для оправдания себя за то, что не привел в исполнение своего предполагаемого приговора над Адамом; оставляя, я говорю, эти вещи в стороне, ясно, что так называемое христианское учение веры, включая в него причудливый рассказ о творении, странную историю Евы, змею и яблоко, двусмысленную идею о боге-человеке, идею о телесной смерти бога, мифологическую идею семьи богов и христианское учение арифметики, что три есть один и один есть три, —расходится не только с божественным даром разума, данного богом человеку, но и с знанием, которое черпает человек в силе и мудрости бога с помощью наук и изучения устройства создан-

ной богом вселенной.

Поэтому основоположники и защитники христианского учения не могли не предвидеть, что непрерывно прогрессирующее знание, приобретаемое человеком с помощью науки о силе и мудрости бога, восстанет против и поставит под сомнение истину их учения о боге. Таким образом, для них стало необходимым урезать образование до менее опасных размеров и это было проделано ими путем ограничения идеи образования в пределах мертвого изучения мертвых языков.

Они не только изгнали изучение науки из христианских школ, но даже преследовали его, и только в течение последних двух столетий это изучение ожило снова. Не далее, как в 1610 году, Галилей, флорентиец, открыл и ввел в употребление телескопы. Применяя их к наблюдению движения и наружности небесных тел, он дал дополнительные средства определения истинного устройства вселенной. Вместо почета за эти открытия, он был приговорен к отречению от них или от взглядов, явившихся следствием из них, как от проклятой ереси. А до этого Виджилий был осужден к сожжению за утверждение антиподов, или другими словами, что земля имеет шарообразную форму и обитаема во всякой части, где только есть почва. Однако истинность этого теперь слишком хорошо известна, чтобы даже говорить о нем.

Если вера в ошибки, не худые нравственно—не зло, то она не составляет части нравственного долга человека противодействовать им и уничтожать их. В том, что люди верили в плоскость земли, нет зла большего, чем нравственной добродетели в веровании в то, что она кругла, как шар. Не было также нравственного зла в вере, что создатель не создал других миров, кроме нашего, больше, чем, положим, нравственной добродетели в вере, что он сделал их миллионы и что бесконечность пространства заполнена мирами. Но когда выращивают систему религии из предполагаемой и не истинной системы творения и связывают ее неразрывно с последней, дело принимает совершенно другой оборот. Здесь ошибки, нравственно не худые, становятся полными того же зла. Следовательно, истина, будучи сама по себе безразлична в других условиях, ста-

новится здесь существенной тем, что является мерилом, которое или подтверждает действительность самой религии с помощью положительного свидетельства или опровергает ее путем отрицательного свидетельства. Однако, против этого непрестанно восставали защитники и сторонники христианского учения, как бы боясь результата. Они, поэтому, не только отвергали науки, но преследовали ученых. Если бы Ньютон и Декарт жили 3 или 4 столетия тому назад и продолжали бы свои исследования, как они это делали, то весьма вероятно, что они не дожили бы до их конца. И если бы Франклин добыл молнию из облаков в те же времена, он мог бы поплатиться за это жизнью в пламени костра.

Последующие времена взвалили всю вину на готов и вандалов. Но как бы сильно не отказывались приверженцы христианского учения верить или признать, одно надлежит принять за истину, что век невежества начался с христианского учения. До этого периода в мире было больше знаний, чем через много столетий после начала христианского учения. Что же касается религиозного знания, то христианское учение, как раньше было сказано, было только особой разновидностью мифологии и мифология, которую она наследовала, была подтасовкою древнего учения о деизме. *)

Только благодаря долгому перерыву науки и ничему другому, следует приписать то, что нам приходится смотреть через бездну многих столетий к почтенным людям, называемым нами древними. Если бы развитие знания шло пропорционально имевшемуся тогда запасу их, то эта пропасть была бы заполнена людьми, более возвышенными в знании, и эти, сильно почитаемые нами, древние, были бы у нас теперь далеко на заднем плане. Но христианское учение опустошило все. И если мы остановимся на начале 16-го века, то глядим обратно, через долгую пропасть времени ко временам древних, как через сплошную песчаную пустыню, в которой нет ни одного кустика, видного нашему взору, смотрящему далеко вдаль

*) Невозможно сказать в наше время, когда именно началась языческая мифология. Из внутреннего содержания ее известно одно, что она не началась в том состоянии, в каком закончилась. Все боги этой мифологии, кроме

за пределы ее на плодоносные холмы.

Невозможно и бессмысленно верить во что-либо, называемое религией, которое считает не религиозным изучение и размышление об устройстве вселенной. Но факт этот слишком хорошо установлен, чтобы отрицать его. Случай, который разбил больше всего первое звено этой длинной цепи деспотического невежества, известен под названием реформации Лютера. С того времени, хотя без какого либо видимого намерения самого Лютера, или реформаторов вообще, стали оживать науки, а также и свободный дух, всегдашний естественный спутник наук. Это — единственное добро, принесенное реформацией, так как, что касается религиозного добра, то было бы лучше, если бы реформации вовсе и не было. Мифология попрежнему продолжалась и в результате падения христианского папы выросло множество государственных пап.

Показав таким образом, посредством внутреннего содержания вещей, причины, которые произвели перемену в состоянии знаний и мотивы для изучения мертвых языков вместо наук, я перехожу к сравнению того свидетельства , какое имеет строение вселенной в пользу христианского учения. Но самое лучшее, чем я могу начать эту часть, это — мысли, которые приходили мне в голову в юности, также, как они приходили, я не сомневаюсь, в известной степени почти всем людям в то или другое время их жизни. Я изложу эти идеи, как они были, сделав к ним неболь-

---

Сатурна, были изобретением позднейших времен. Предполагаемое царство Сатурна было раньше т. н. языческой мифологии и было разновидностью деизма, допуская веру в одного только бога. Сатурн, как предполагается, отрекся от престола в пользу трех сыновей и дочери: Юпитера, Плуто, Нептуна и Юно. После этого, были созданы тысячи других богов и полу-богов, и список их увеличивался также быстро, как список святых в последнее время. Весь обман, который имел место в теологии и религии, является следствием так называемой религии откровения. Мифологи претендовали на большую степень религии откровения, чем христиане Они имели своих оракулов и жрецов, которые, предполагалось, получали от бога слово и передавали его других почти во всех случаях жизни.

шое предисловие.

Отец мой был квакерского вероисповедания и на мое счастье, поэтому, я получил исключительно хорошее нравственное воспитание и некоторый запас полезных знаний. Хотя я и ходил в школу грамоты, но не учился латыни, не только потому что не имел склонности к изучению языков, но из-за ненависти квакеров к книгам, в которых преподается язык. Это, однако, не предотвратило моего знакомства с предметами всех латинских книг, употребляемых в школах.

Естественная склонность моего ума была к наукам. Кроме того, я имел некоторые дарования и в поэзии, но это я скорее подавлял в себе, нежели поощрял, за то, что она слишком много направляет ум в сторону воображения. Я купил пару глобусов и стал посещать философские лекции Мартина и Фергюзона, а потом познакомился с доктором Бевисом из так называемого Королевского Общества, который жил тогда при церкви и был превосходным астрономом.

Я не имел никакой склонности к так называемой политике. Она представлялась моему уму ничем иным, как жокейством. Поэтому, когда я столкнулся в мыслях с вопросом о правительстве, то должен был сформировать для себя целую теорию, соответствовавшую моральным и философским принципам, в которых я был воспитан. Я видел, или по крайней мере думал, что видел, широкую переспективу, которая открывалась миру в событиях Америки, и мне казалось, что если американцы не изменят отношения к правительству Англии и не провозгласят себя независимыми, то они не только вовлекут себя во множество новых недоразумений и трудностей, но и утеряют всю благоприятную возможность, которая представляла себя через них человечеству. Именно из этих соображений я выпустил книгу, известную под заглавием "Здравый Рассудок," первая работа, напечатанная мною, и поскольку могу судить сам, я бы никогда не был известен миру в качестве автора по какому либо предмету, если бы не обстоятельства в Америке. Я написал "Здравый Рассудок" в конце 1775 года и

напечатал его в январе 1776 году. Независимость была провозглашена в июле следующего года.

Каждый, кто только производил наблюдения над состоянием и развитием человеческого ума путем наблюдения над своим собственным, не мог не заметить, что существует два рода мыслей — одни те, что мы производим в себе путем размышления и другие, что воспринимаются нашим умом сами собою. По отношению к этим добровольным посетителям я всегда держался особого правила — вежливости, исследуя их внимательно, как только мог, касательно того, стоят ли они того, чтобы заниматься ими вообще, и только от них я получил почти все то знание, которое я имею. Что же касается знаний, которые получает каждый школьник от школьного воспитания, то, оно служит только в качестве небольшого капитала, дающего ему возможность начать заниматься впоследствии. Каждый ученый в конце концов является своим собственным учителем, потому что принципы, являясь отличительным качеством в отношении обстоятельств, не могут быть уложены в памяти. Их место умственного жительства есть понимание, они никогда не бывают такими постоянными, если не начинаются концепцией. Это все, что касается вступительной части.

С того времени, как я стал способным воспринимать идею и действовать на основании ее, я или сомневался в истинности христианского учения или думал, что это по меньшей мере странная вещь. Я едва мог различать, что именно это было, но помню прекрасно случай, когда в возрасте семи или восьми лет от роду, слыша молитву, которую читал мой родственник, сильный поклонник церкви, о так называемом искуплении грехов смертью сына божьего. После окончания молитвы я пошел в сад и спускаясь по лестнице (я хорошо помню это место), во мне родилось чувство возмущения от воспоминания того, что я слышал и говорил сам себе, что всемогущий бог действует, как злой человек, который убил своего сына за то, что не мог отомстить иначе. И так как я был уверен, что за такой поступок человек будет повешен, то не понимал, почему собственно эти люди возносят к нему молитвы. Эта мысль не имела в себе ничего детского, во мне была серьезная

мысль, возникшая из той идеи, что бог был слишком добрым, чтобы быть способным на такой поступок и в то же время слишком всемогущ, чтобы сделать это по какой либо необходимости, которая заставила бы его. Я и сейчас верю точно также, как в тот момент. Больше того, я верю, что всякое религиозное учение, имеющее в себе что либо, что ударяет по уму ребенка, не может быть истинным учением.

Повидимому родители христианских профессоров стыдились сказать своим детям что либо о принципах своей религии. Они иногда наставляют их в правилах нравственности и рассказывают им о добродетели того, что они называют провидением, ибо христианская мифология различает пять божеств: бога отца, бога сына, бога духа святого, бога провидения и богиню природы. Но христианская история бога отца, убивающего своего сына или заставляющего других привести это в исполнение (ибо таково подлинное содержание рассказа), не может быть рассказываема родителями своим детям, говоря в то же время, что это было сделано с целью осчастливить и облагородить человечество. Это еще более ухудшает рассказ, так как говорит за то, что якобы человечество могло стать лучше от примера убийства. Говорить же ребенку, что все это — тайны, так это только извинение в том, что рассказ поистине невероятен.

Как сильно это разнится от чистой и простой веры в деизм. Истинный деист имеет только одно божество и его религия состоит в сознании мощи, ума и красоты его трудов и в стремлении подражать ему в нравственном, научном и механическом отношениях.

Единственной религией, которая ближе всех других подходит к деизму в отношении нравственности и кротости, это та, которую исповедуют квакеры. Но они навязали себе слишком многое, оставив божественные труды вне своего учения. Преклоняясь пред их филантропией, я, однако, не могу удержаться от улыбки при мысли о том, какой безмолвной и темной вещью представилось бы творение, если бы в этом участвовал хоть сколько либо квакерский вкус. Ни единому цветочку не было бы дано возможности распуститься в самое веселое его время и ни единой пташке не позволено

было бы распевать песенки.

Оставляя эти мысли, однако, я перехожу к другим вещам. После того, как я стал управляться с глобусом и планетником, и постиг идею безконечности пространства и вечной делимости вещества, получив по меньшей мере, общее знание того, что называют философией природы, я начал сравнивать, или как я сказал раньше, сопоставлять неизменное содержание этих вещей с теорией христианской веры.

Хотя понятие о том, что мир, населяемый нами, является единственным обитаемым творением, и не является непосредственной частью христианского учения, все же, оно так запутано в этой так называемой моисеевской передаче творения, истории Евы и яблока, смерти сына божьего и того, что бог создал множество миров, по крайней мере столько же, сколько звезд на небе, что все это низводит теорию христианской веры до смешного и разносит ее в уме, как пух в воздухе. Обе веры не могут совместиться в одном уме, и тот, кто полагает, что верит в обе, чрезвычайно мало думал о каждой из них.

Хотя вера во множество миров и была знакома древним, однако, только в течение последних трех столетий выяснились размеры и протяжение нашего земного шара. Несколько судов, следуя океаническим течениям обошли вокруг земного шара подобно человеку, обходящему вокруг окружности. Размеры окружности нашего земного шара в самой широкой части ее, все равно, как если бы кто нибудь смерил самую толстую окружность яблока или шара, составляют только 25.020 английских миль, оставляя 69½ миль для экваториального градуса. Это расстояние можно проехать приблизительно в 3 года.*)

Мир такого протяжения на первый взгляд может показаться нам огромным. Но если мы сравним его с бесконечностью пространства, в котором этот мир висит, как пузырек или шар в воздухе, то выйдет, что он бесконечно меньше по размеру, чем мельчайшая песчинка по отношению к земному шару. Кроме того, земной шар представляет из себя всего-на-всего один из целой системы миров, из которых состоит мироздание.

ВЕК РАЗУМА

Не трудно составить себе некоторое представление о всеоб'емлимости пространства, в которое входят как наш, так и все другие миры, если только мы проследим за процессом идей.

Когда мы думаем о размерах комнаты, наши мысли ограничиваются стенами, за пределы которых они не простираются. Но когда наш взор или наше воображение проникает в пространство, то есть, когда оно смотрит вверх в открытое воздушное пространство, то мы не можем представить себе каких либо стен или границ. И если мы предполагаем границу для того, чтобы остановить на чем нибудь наши мысли, то снова в нас возникает вопрос о том, что находится за этой границей, за следующей и т. д. до тех пор, пока уставшее воображение не возвращается и говорит, что нет конца.

Если мы производим обследование нашего собственного мира (земного шара), то находим, что каждая его часть — земля вода и воздух, окружающие нас, заполнены жизнью от крупнейших зверей и мельчайших насекомых, какие только может видеть невооруженный глаз, и от них, до еще меньших и совершенно невидимых без микроскопа животных.

Каждое дерево, каждое растение, каждый листок служит не только в качестве живущего, но и как целый мир для какой нибудь многочисленной расы.

Таким образом ни одна часть нашей земли не остается не заселенной. Так почему же предполагать, что всеоб'емлющее пространство является голой пустотой, лежащей в безвоздушном пространстве. Есть место для миллионов миров такой величины, как наш или даже больше, и каждый из них находится на расстоянии миллионов миль один от другого.

Та часть вселенной, которая называется солнечной системой (т. е. система миров, к которой принадлежит и наш, и в центре каковой системы находится солнце), состоит, кроме солнца, из 6

*) Если пустить судно (парусное) при обыкновенной скорости, делая три мили в час, то оно об'едет вокруг света меньше чем через год, держа курс по прямой линии.

определенных сфер или светил, помимо второстепенных небесных тел, которые называются лунами, и из которых и наша земля имеет одну около себя.

Солнце находится в центре, вокруг его расположены эти шесть планет, которые вращаются на различных расстояниях от него и концентрируются в отношении одного к другому.

Каждый из миров или планет держится в отношении солнца постоянно одного и того же расстояния и направления и продолжает, в то же время, вращаться вокруг своей оси, в почти вертикальном положении, склоняясь несколько на бок.

Благодаря именно этому склонению земли в сторону (23½ градуса) и вызывается лето и зима и разница в длине дней и ночей. Если бы земной шар вращался вокруг своей оси в вертикальной плоскости или ровно по окружности в направлении своего вращения вокруг солнца, то дни и ночи всегда были бы одинаковой длины, т. е. 12 часов день и 12 часов ночь, и времена года также были бы одинаковы в течение круглого года.

Каждый раз, когда известная планета (например, наш земной шар) поворачивается вокруг своей оси, она делает то, что мы называем сутками, т. е. день и ночь; и каждый раз, когда она совершает круговорот вокруг солнца — мы имеем то, что называют годом. Следовательно, наша планета оборачивается вокруг своей оси 365 раз, пока она сделает один круг вокруг солнца. *)

Названия, которые древние дали шести планетам, и которые по настоящее время сохранили те же названия, суть: Меркурий, Венера, Земля (наша планета), Марс, Юпитер и Сатурн. Эти планеты представляются глазам большими в размерах, чем звезды, будучи во много миллионов раз ближе к нашей земле, чем какая либо из звезд. Венера, это та, которая называется вечерней звездою, а иногда и утреннею, так как она видима после захода и до восхода солнца, каждый раз не дольше 3 часов.

Ближайшей планетою к солнцу (центру всей системы), является Меркурий; он находится от солнца на расстоянии тридцати четырех миллионов миль и движется всегда вокруг солнца на одном и том же расстоянии. Второй мир (планета) — это Венера, находя-

щаяся на расстоянии пятидесяти семи миллионов миль от солнца и, следовательно, в своем вращении делающая круг гораздо большего радиуса, чем Меркурий. Третий мир, — это земля, на которой обитаем мы, она отстоит от солнца на расстоянии восьмидесяти восьми миллионов миль и, следовательно, в свою очередь, вращается в радиусе большем, чем Венера. Четвертый мир — Марс, отстоящий от солнца на сто тридцать четыре миллиона миль и совершающий больший круг, чем Земля. Пятая планета — Юпитер — пятьсот пятьдесят семь миллионов миль от солнца, двигается в кругу большем Марсового. Шестой мир — Сатурн, отдален от солнца на семьсот шестьдесят три миллиона миль и, конечно, вращение его совершается в кругу, который замыкает все остальные круги или орбиты всех других планет.

Таким образом, огромное воздушное пространство, которое занимает наша солнечная система, служащее для вращения нескольких миров, из которых каждый вращается вокруг солнца, измеряя его по прямой линии, равно диаметру орбиты или круговорота Сатурна, движущегося вокруг солнца, то есть 1.256,000.000 миль; измеряя же его по длине окружности — около 5.000.000.000 миль, и наконец, в сферическом отношении — около 3.500.000.000 помноженное на 3.500.000.000 квадратных миль. *)

Однако, не смотря на всю огромность, это одна из систем миров. Далеко за ее пределами, на протяжении огромнейшего пространства, не поддающегося никаким подсчетам, находятся звезды. Они называются неподвижными, так как не вращаются как шесть миров которые я только что описывал. Эти неподвижные звезды находятся всегда на одном и том же расстоянии одна от другой, всегда в одном и том же месте, как солнце посреди нашей системы. По всей вероятности, поэтому, каждая из этих звезд представляет из себя солнце, т. е. центр, вокруг которого, существует своя система

*) Те, кто предполагал, что солнце оборачивается вокруг земли каждые 24 часа (сутки) делали ту же ошибку, какую мог бы сделать повар, если бы он предположил, что огонь вертится вокруг мяса, а не то, чтобы мясо вертелось около огня.

миров или планет, невидимая для нас.

Таким образом всеоб'емлющее пространство представится нам заполненным системами миров, при чем ни одна часть пространства не пустует более, чем, скажем, земной шар, заполненный землей и водой.

Попытавшись передать в популярной и легкой форме идею об устройстве вселенной, я возвращаюсь к об'яснению того, что я пытался сделать ранее, а именно — насколько велика польза для человека в самом факте многочисленности миров, похожих на наш —состоящий из центрального светила (солнца) и шести планет, помимо комет.

Я никогда не могу отрешиться от той мысли, что все наше научное знание берется из доступного для нашего глаза вращения этих нескольких планет, составляющих нашу солнечную систему.

Если бы, положим, все вещество, составляющее эти шесть миров, было заключено в один шар, то отсюда вытекало бы для нас то следствие, что не существовало бы вращательного движения или его было бы недостаточно для того научного знания, какое мы имеем теперь. А из наук только и вытекают все механические

---

*) Если кто спросит, откуда человек знает обо всем этом, то я отвечу очень просто: человек знает, как расчитать элипсис и также, до минуты время, когда планета Венера, в своем вращении вокруг солнца подходит в положение прямой линии между нашей землей и солнцем и кажется нам величиной с горошек, проходящий по лицу солнца. Это случается только два раза в сто лет с промежутком между обоими—около восьми лет, и в наше время имело место два раза, при чем, оба случая были заранее известны по расчету. Можно также знать и на будущее время, когда это опять случится. Следовательно, факт вычисления элипсиса или пути Венеры, является доказательством в пользу существования знания, так как человек не был бы в состоянии делать всего этого, не понимая солнечной системы и способа вращения некоторых планет или миров. Разница в несколько тысяч или даже миллионов миль, при этом, едва ли составляет какую либо чувствительную разницу при таких огромных расстояниях.

искуства, имеющие такое значение для нашего земного счастья и удобства.

Раз, таким образом, создатель не сделал ничего лишнего, то и мы должны верить в то, что он организовал строение вселенной в самом благоприятном для человека смысле. И так как мы видим и чувствуем по опыту, что польза, получаемая нами от такого устройства вселенной не существовала бы, будь вселенная устроена в виде одного одинокого шара, — мы найдем по крайней мере одну причину того, почему существует множество миров, и эта причина вызывает чувство благодарности человека, а также и его восхищение.

Однако, польза, вытекающая из факта множественности миров, не ограничивается только нами, жителями этого шара. Жители каждого из других миров нашей солнечной системы имеют те же преимущества знания, как и мы. Они видят вращающееся движение нашей земли также, как мы видим движение их планет. Все планеты вращаются на виду одной в отношении к другой и, следовательно, для всех представляется одна и та же универсальная школа науки.

При чем, познание этим не ограничивается. Система миров, соседняя с нашей, в своем вращении проявляет жителям своих планет те же принципы и систему науки, что дает нам наша, и то же самое во всей необ'ятности пространства. Идея об одиноком мире, катящемся или стоящем в необ'ятном океане пространства, уступает место радостной идее об обществе миров, так счастливо составленных для назидания человеку, хотя бы только фактом движения их. Нашу собственную землю мы видим полной изобилием; но при этом забываем о том, как много из этого изобилия зависит от научного знания огромнейшего механизма вселенной.

Что мы можем сказать теперь в пользу христианской теории веры, в виду всех этих размышлений? Той веры, которая основывается на принципе существования одного только мира и то

совсем небольшого, а именно, в двадцать пять тысяч миль протяжения? Той веры, которая основывается исключительно на существовании одного мира, вокруг которого человек может обойти менее чем в два года, при скорости трех миль в час, шагая двенадцать часов ежедневно. Увы! что это значит в сравнении с огромностью пространства?!

Откуда тогда могла появиться та однобокая и странная вера, по которой создатель должен забросить все остальные миры, сосредоточить все свое внимание непременно на нашем и умереть в нашем мире потому именно, что мужчина и женщина с'ели яблоко? С другой стороны, должны ли мы обязательно предположить, что каждый из миров в безконечном пространстве должен иметь свою Еву, свое яблоко, землю и искупителя? Если это так, то лицу, которое называлось сыном божьим, а иногда и богом, ничего более не оставалось бы делать, как путешествовать из одного мира в другой при безконечной последовательности смертей при самом небольшом промежутке жизни.

Именно потому и было сфабриковано так много диких и несуразных религиозных систем, что было отклонено свидетельство деяний бога, доступных нашим чувствам и нашему разуму. Возможно существование многих религиозных систем нравственно доброкачественных, но возможна только одна как искупительная, и эта необходимо должна быть и всегда будет в соответствии с вечно существующим словом божьим, видимым для нас в его деяниях. Но такова странная христианская система религии, что всякое свидетельство, предоставляемое небесами человеку, или прямо противоречит или делает ее бессмысленной.

Возможно верить, и я всегда чувствую радость в поощрении себя в вере тому, что бывали в мире люди, которые убедили себя, что так называемый **богоугодный обман**, при определенных условиях может принести доброе. Но раз обнаруженный обман никогда не может быть об'яснен, так как с богоугодным обманом, как и со всяким скверным действием, связана необходимость следования раз начатому.

Лица первые, проповедывавшие христианскую веру и привнес-

шие в нее до известной степени и ту мораль, которую проповедывал Иисус Христос, очень возможно, могли уверить себя, что их учение лучше языческой мифологии, бывшей в то время самой обыденной. Так, от первых проповедников этот обман переходил ко вторым и третьим, и т. д. до тех пор, пока самая мысль об обмане не сменилась верою в истинность его. Кроме того, вера в это поощрялась и теми лицами, которые сделали проповедь средством своего существования.

Но если даже и возможно, что такая вера могла стать общей среди приверженцев христианства, все же совершенно нельзя об'яснить себе того продолжительного и свирепого гонения, которое церковь в продолжении нескольких сот лет вела против науки и ее представителей, если бы сама церковь не имела в прошлом какого нибудь доказательства того, что это — грубый обман.

Показав, таким образом, непримиримые противоречия между истинной теорией существования вселенной и так называемым "словом божьим" напечатанном в таком виде, что каждый может это сделать, — я перехожу к трем важнейшим средствам, которые употреблялись во все века и может быть во всех странах, чтобы навязать человеку это "слово божье."

Эти три средства суть: тайна, чудо и пророчество. Первые два несовместимы с религией, а к третьему необходимо всегда относиться с сомнением.

Что касается тайны, то все, что мы видим, представляет для нас в известном смысле тайну. Наше собственное существование есть тайна. Весь растительный мир — тайна. Мы не знаем, как зерно, засеваемое нами, распускается, размножается и возвращается к нам с такой прибылью.

Самый факт этого, однако, помимо причины, вызывающей его, не является для нас тайною, так как мы видим и знаем употребляемые нами средства, т. е. посадку зерна в почву. Поэтому мы знаем, столько, сколько нам нужно.

Хотя каждая вещь, в смысле причины появления ее, является тайною, все же, мировая тайна не совместима с моральной истиной, так же, как темнота не совместима со светом.

Тайна является противоположностью истине. Только туман человеческого измышления затемняет истину и представляет ее в искаженном виде. Истина никогда не облекает себя в тайну.

Поэтому, религия, будучи верою в бога и осуществлением нравственной истины, не может иметь ничего общего с тайною. Вера в бога, будучи сама по себе свободна от какого либо содержания в ней таинственности, самая легкая из всех видов верований, ибо появляется в нас в виду необходимости. Что же касается осуществления нравственной истины, или другими словами, практического подражания нравственной добродетели бога, то это не что иное, как наше отношение друг к другу также, как он относится к нам. Мы не можем служить богу так, как думаем это по отношению тех, кто не может обойтись без такой службы. Поэтому, единственной идеей служения богу является привнесение счастья в живое творение бога. Этого нельзя делать путем ухода из мира и предавшись уединенной личной жизни.

Самый характер религии, а также и самая идея ее, если я могу так выразиться, доказывают наглядным путем, что она должна быть свободной от какой бы то не было таинственности и примеси всего, что является тайной. Религия, как долг, возлагается на всякую живущую душу одинаково и поэтому должна быть в пределах понимания всеми. Человек не изучает религии, как делает он это при изучении хитростей и тайн ремесла. Он научается теории религии путем размышления. Она возникает из действия его собственного ума в отношении предметов, которые он видит, о которых он слышит и читает, а к этому еще присоединяется практика.

Когда люди основали системы религии, несовместимые с словом бога и противные человеческому разуму, они были перед необходимостью измышления или принятия слова, которое служило бы препятствием для всех вопросов, изысканий и умозрения. Слово **тайна** отвечало этой надобности и, таким образом, религия не содержащая в себе никакой тайны, была искажена в тумане тайн.

Также, как тайна отвечала всем общим надобностям, ей сле-

довало чудо в качестве случайного пособника. Первая служила для удивления ума, а последнсе для того, чтобы озадачивать чувства. Одно было своего рода жаргоном, в то время, как другое было фокусничеством.

Однако, раньше чем идти дальше, выясним, что такое чудо?

В таком же смысле, в каком все может быть тайною, — все может быть и чудесным. И нет одной вещи более чудесной, чем другая. Слон, хотя и крупнее по размерам, не представляет из себя большого чуда, чем атом. Для всемогущей силы не труднее сделать одно, чем другое и не труднее сделать миллионы миров, чем один. Следовательно, каждая вещь является чудом в одном смысле, тогда как в другом нет совершенно ничего чудесного. Вещь является чудом при сравнении с нашей силой и пониманием, и в то же время она не тайна в сравнении с силой, ее производящей. Но так как в этом описании нет ничего, что бы давало идею, закрепленную за словом чудо, то необходимо дальнейшее расследование.

Человечество восприняло в себя определенные законы, по которым, как оно предполагает, должна действовать природа. Чудо является противоположностью тому, что делается по этим законам. И до тех пор, пока мы не познаем полностью сферу действия этих законов и то, что обычно называют силами природы, мы не в состоянии судить о чем либо, кажущемся нам чудесным в себе, является ли это чудесное согласно или против естественной силы.

Вознесение человека в воздухе на несколько миль имеет в себе все признаки чудесного, если только мы не знаем, что можно произвести род воздушного тела в несколько раз легче по весу обычного атмосферного воздуха, и при том, обладающего достаточно упругостью, для того, чтобы оно не было сдавлено в маленький комочек окружающей атмосферою. Точно также может иметь видимость чуда извлечение пламени или искры из человеческого тела, как от удара кремня о сталь, или движение железа или стали без какой-либо видимой причины, если бы мы не были знакомы с электричеством и магнетизмом. Таковыми могут казаться также многие эксперименты в изучении природы тем, кто не знаком с этим предметом. Восстановление к жизни лиц, кажущихся мертвыми, как

это делается с утопленниками, также было бы чудом, если бы мы не знали, что жизнь способна приостановиться временно, не прекращаясь окончательно.

Кроме того, есть явления, устраиваемые фокусниками и кажущиеся чудом, если только принимать эти явления просто и без рассуждений. Есть также обманы механического и оптического характера. Таким образом, не зная пределов того, что может делать природа или искусство, нет положительного мерила для определения чуда, и человечество, веря в идею чудесного по кажущейся видимости, последовательно эксплоатируется.

Но если кажущееся так способно ввести в обман и недействительные вещи могут иметь сильное сходство с действительными, то нужно предположить, что создатель, который может делать все, никогда бы не задумал проявлять себя такими средствами, как чудо, ибо это навлекает на лицо, совершающее чудо, подозрение в подделке, в обмане, и лицо, передающее об этих чудесах, сочтут лгуном, а самую теорию, поддерживаемую такими средствами, — измышлением досужего ума.

Из всех способов свидетельства, сочиненных когда либо и кем либо для привлечения верующих к какому либо учению или мнению, называемому религией, чудотворство является самым бестолковым, не смотря на то, что оно может быть обставлено самым совершенным образом. Так как, прежде всего, когда дело доходит до самого факта, каковой в этом случае необходим для завлечения верующих, тут же сразу и обнаруживается самая слабость учения, действующего этими средствами. Во вторых, этим способом из самого предполагаемого создателя делают посмешище, ставя его в положение лица, которое должно показывать свою силу, свою хитрость для того только,чтобы на него дивился народ, как на циркового фокусника. Кроме того, это самый двусмысленный способ свидетельства, какой только можно себе представить, так как вера не может положиться на чудо, а на доверие к тому лицу, которое сообщает о нем. Поэтому, если бы даже вещь и была истинною, то не имела бы большего успеха как предмет веры, чем если бы эта вещь была обыкновенной ложью.

Предположим, я бы сказал, что когда я засел за писание этой книги — рука явилась в воздухе, взяла ручку с пером и написала каждое слово, какое здесь содержится. Поверил бы мне кто-либо? Конечно, нет! А поверили бы мне хоть сколько либо более, если бы даже это и было фактом? Конечно, нет! Следовательно, действительное чудо, если бы оно даже и могло случиться, постигла бы та же участь, но при этом, бестолковость того, что создатель мог бы пользоваться таким средством, становится еще более ясной.

Если мы предполагаем, что чудо есть нечто выходящее из обычного течения вещей природы, что чудо должно обязательно выйти из рамок жизни природы, и мы видим лицо, утверждающее, что оно видело это, то в нашем уме быстро встает вопрос о том, кто из двух вышел из рамок, природа—или человек, который повествуя нам об этом просто лжет? Мы никогда не видели, чтобы природа выходила из рамок своего течения, и наоборот, мы имеем достаточное основание верить, что миллионы лжи рассказываются ежедневно.

История о ките, который проглатывает Иону, граничит сильно с чудесным, хотя кит и велик настолько, чтобы проглотить человека. Однако эта история скорее походила бы на чудо, если бы Иона проглотил кита. В этом случае само дело, как мы сказали раньше, решило бы все, так как было бы вероятнее, что Иона—лжет, чем то, что он проглотил кита.

Однако предположим, что Иона в самом деле проглотил бы кита и унес бы его в своем животе в Ниневию и для того, чтобы уверить народ в истинности этого происшествия, выставил бы его на показ во всю длину и размеры кита. Разве они не поверили бы, что это дьявол, а не пророк? Или если бы кит унес Иону в Ниневию и выбросил бы его в каком нибудь публичном месте, разве они не поверили бы, что кит не кит, а дьявол, и Иона один из чертенят?

Самым необычайным из всех так называемых чудес, относящихся к Новому Завету, является чудо о дьяволе, улетающем с Иисусом Христом и возносящем его на вершину горы и на купол самого

высокого храма, показывающего и обещающего ему все царства мира. Как это так случилось, что он не открыл Америки, раз он говорил обо всем мире. Или быть может его хитрое величество (дьявол) имело определенные интересы только с **царствами?**

Я слишком сильно уважаю нравственный облик Иисуса Христа, чтобы верить, что он сам рассказал об этом ките-чуде. Нельзя определенно сказать для какаой надобности это было сочинено, если только не для того, чтобы повлиять на самих знатоков чудес, как иногда практикуется подобное же с знатоками монет королевы Анны и вообще собирателями древностей. Или же для того, чтобы выставить чудеса в смешном виде, чтобы превзойти чудо, как Дон Кихот превзошел любезность. Или же, наконец, для того, чтобы повредить вере в чудеса путем привнесения сомнения в то, кто совершил чудо, дьявол или бог. Как бы там не было, но требуется слишком много веры в дьявола, чтобы поверить в это чудо.

Со всех точек зрения, с которых эти т. н. чудеса могут быть рассматриваемы, реальность их невозможна и существование их ненужно. Они не служат полезным надобностям, если бы даже и были истинными, так как труднее поверить в чудо, чем в явно нравственное начало без чуда. Нравственные начала во всех отношениях и при всех случаях говорят сами за себя. Чудо могло бы быть делом одного момента и может быть предметом наблюдения только немногих, и кроме того еще необходима передача веры от бога—человеку, чтобы поверить в чудо со слов человека.

Следовательно, вместо того, чтобы принять сказания о чудесах, в качестве доказательства истинности какой бы то не было религии, эти представления чудесного должны рассматриваться, как показатель сказочности такой религии. Полная и прямая правда отвергает кривду и только сказка может прибегать к помощи того, что отвергается истиною. Это вот пока все, что касается чуда и тайны.

Также как тайна и чудо заняли все прошлое и настоящее, пророчество заняло все будущее. Было недостаточно знать только то, что было раньше, необходимо было знать, что будет в будущем. Мнимый пророк был мнимым историком грядущих времен и если ему случалось стрельнуть в цель далеко на тысячу лет в пределах

тысячи миль, простодушие последующих времен могло сказать, что он попал в мишень, а если бы этого совсем не случилось, следовало только предположить, как в случае с Ионой и Ниневией, что бог передумал и изменил свое намерение. Какого однако дурака строят из человека эти легендарные учения!

В первой части этого труда было указано, что первоначальный смысл слов **пророк** и **пророчествование** был изменен и что пророк в современном смысле этого слова — дитя современного изобретения, и благодаря этому изменению смысла слов, образы и метафоры еврейских поэтов, а также и фразы и выражения, ставшие ныне малопонятными в виду нашего незнакомства с местными обстоятельствами, к которым они прилагались во время пользования ими, — были возведены в пророчества и приспособлены к вольным об'яснениям и диким фантазиям толкователей веры. Все непонятное было пророческим и все незначительное типичным. Ошибка могла служить как пророчество, а кухонная тряпка как символ.

Если считать пророка за человека, которому всемогущий сообщал какое нибудь событие, долженствующее произойти в будущем, то таковые люди могли быть, но могли и не быть. Если они были, следует верить, что таким образом сообщенное событие должно было быть сказано понятными словами, а не в темном и расплывчатом виде вне возможности понимания теми, кто слышал это и не в таком двусмысленнов виде, чтобы потом можно было подвести к этому какое угодно событие последующего времени. Очень непочтительно предполагать о всемогущем, что он действовал в отношении человечества таким образом, и однако, все так называемые пророчества, содержащиееся в библии, подходят под эту характеристику.

С пророчеством тоже самое, что и с чудом: оно не отвечает надобности, если бы даже и было действительно. Те, для кого нужны были пророчества, не могли сказать, пророчествовал ли человек или лгал, было ли ему дано это откровением или он просто выдумал это. И если его предсказание могло случиться или случилось что нибудь похожее на это среди множества событий, происходящих ежедневно, никто не знал бы о том, знал ли пророк об

этом раньше, угадал ли он, или же совпадение было просто случайное. Поэтому пророк является лицом бесполезным и ненужным и самое лучшее-не придавать никакого значения пророчеству.

В общем, тайна, чудо и пророчество являются, атрибутами сказочной, а не истинной религии. Они являются средствами, с помощью которых так много "Вот здесь," "Вот там!" были распространены по всему миру и религия была превращена в торговлю. Успех одного мошенника подбодрял другого и лицемерные увертки, что они делают доброе дело, поддерживая набожное мошенничество, защищали их от угрызений совести.

Я не беспокоюсь относительно будущей жизни. Я довольствуюсь верою даже до положительного убеждения, что сила, которая дала мне жизнь, способна продолжить ее в какой либо форме по желанию, с телом или без тела. И мне кажется более вероятным то, что я буду жить и после этого, чем то, что должен был жить и раньше, как теперь, до начала моей жизни.

Известно, что все нации на земле и все религии согласны в одном, — все верят в бога. Вещи, в которых они расходятся, это излишества, привнесенные в эту веру и поэтому если только когда либо восторжествует всеобщая религия, то не путем веры во что либо новое, а путем освобождения от этих излишеств и возврата к первоначальной вере человека. Адам, если только когда либо был такой человек, был сотворен деистом, а пока что—пусть каждый следует по праву той религии и пусть поклоняется тому, что он предпочитает.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ТОМАС ПЕЙН.

ВЕК РАЗУМА

часть вторая

ТОМАС ПЭЙН

Очень часто говорится, что по библии можно доказать все, но прежде чем можно признать что-либо доказанным библией, необходимо доказать истинность самой библии. Так как, если библия не истинна, или истина, содержащаяся в ней, может быть подвергнута сомнению, то она перестает быть авторитетом и не может быть принята в качестве доказательства чего либо.

Все христианские толкователи библии, равно как и христианские попы и проповедники старались навязать миру библию, как истину и как божье слово. Они спорились, бранились и предавали друг друга анафеме касательно понимания отдельных частей и выражений библии; один настаивал на том, что такое го место библии означает то-то, тогда как другой понимал под этим же прямо противоположное, а третий, что место это не означало ни то, ни другое, а нечто совершенно отличное от первых двух. И это они называют пониманием библии!.

Все ответы, относящиеся к первой части этой книги, были написаны попами. Эти благочестивые мужи, как и их предшественники, бранятся и заявляют претензии на понимание библии; каждый из них понимает ее разно и каждый, при этом, понимает ее лучше всех. При всем том, они ни на чем решительно не сходятся, кроме того, что Томас Пейн не понимает ее.

Теперь, вместо того, чтобы терять свое время и горячиться споря по поводу отдельных мелочей религиозных пунктов, взятых из библии, эти мужья должны знать, что первым делом, которое следует уразуметь, это — существует ли достаточный авторитет для доказательства того, чтобы поверить, что библия слово божье, или же такового не существует.

ТОМАС ПЭЙН

В этой книге (в библии) есть вещи, которым приписывают, что они являются **непосредственным выражением** воли бога; эти вещи являются настолько ужасными для всего человечества и для всякого нашего представления о нравственной справедливости, что ни Робеспьер, ни Каррьер, ни Иосиф ле Бон во Франции, ни английское правительство в Индии и никакие другие убийцы последних времен не могли превзойти их. Когда мы читаем в книгах Моисея, Исаии и других, что они (сыны Израиля) нападали тайком на другие народы, не причинившие им никакого зла, как показывает история; что **они предавали все народы огню и мечу без различия возраста, что они совершенно истребляли мужчин, женщин и детей; что они не оставляли ни одной живой души,** — выражения, которые повторяются сплошь и рядом в этих книгах с злорадным торжеством, — можно ли быть уверенным в том, что создатель человека послал их в качестве своих представителей, чтобы проделывать все это? И можем ли мы, наконец, поверить, что книги, повествующие нам об этом, были написаны под его руководством.

Древность сказки вовсе не составляет какого-либо свидетельства ее истинности, наоборот, это обстоятельство как раз является признаком ее выдуманности. Так как, чем древнее представляется себя данная история, тем более у нее сходства с легендою. Происхождение каждой нации закопано в гущу легендарных традиций и евреи не составляют какого-либо исключения из этого. Приписывать всемогущему богу деяния, которые как по самой природе своей, так и с точки зрения всякого правила нравственности являются преступлением, каковы все убийства, в особенности же убийства младенцев, — дело весьма серьезное. Библия говорит нам, что эти истребления были произведены по **специальному велению бога.** Поэтому, прежде чем поверить тому, что библия истинна, мы должны **разувериться** совершенно в нравственной справедливости бога. Ибо кого могли обидеть плачущие или улыбающиеся младенцы? И для того, чтобы быть в состоянии прочесть библию без ужаса, мы должны убить все чувства нежности, сочувствия и доброжелательства

в сердце человеческом. Говоря за себя, если бы я не имел другого свидетельства о том, что библия легендарна, чем то, что я должен заставить себя поверить ее искренности, одного этого было бы достаточно для решения моего выбора в ту или другую сторону.

Вдобавок к приведенному свидетельству против библии, я приведу в дальнейшем в этом труде другое свидетельство, которое не будет в состоянии отрицать даже и поп, и покажу также, что не следует полагаться на то, что библия — слово божье.

Однако, прежде чем я перейду к рассмотрению этого, я покажу в чем библия отличается от всех других писаний древности в связи с характером свидетельства, необходимого для установления ее подлинности; и это собственно надлежит сделать, так как защитники библии, в своих ответах на первую часть этого труда, берутся доказать, подчеркивая, что подлинность библии также хорошо установлена, как подлинность всякой другой древней книги; как будто наша вера в подлинность одной может стать правилом нашей веры в отношении других. Как бы там не было, но я знаю одну древнюю книгу, которая авторитетно вызывает всеобщее согласие и веру, это-Эвклидова книга "Элементы Геометрии."*) Причина здесь та, что сама книга является собственной свидетельницей совершенно независимо от ее автора и всего, касающегося времени, места и обстоятельств. Вещи, содержащиеся в этой книге, имели бы ту же авторитетность, если бы они были написаны другим лицом или весь труд был бы анонимный, или же сам автор остался бы совершенно неизвестным, так как самая достоверность того, кто был автором, не составляет части нашей веры в то, что содержится в книге. Совершенно другое дело в книгах, приписываемых Моисею, Иисусу Навину, Самуилу и другим; это — книги **показания**, они свидетельствуют о вещах естественно невероятных, и поэтому вся наша вера в подлинность этих книг держится, во первых, на **доподлинности** того, что они были написаны Моисе-

---

*) Эвклид, согласно хронологической истории, жил за 300 лет до Христа и около 100 лет до Архимеда. Он был жителем города Александрии, в Египте.

ем, Иисусом Навином и Самуилом. Во вторых, наша вера в их подлинность держится на доверии, которое мы оказываем их показаниям. Мы можем верить в первое, т. е. в подлинность авторства и все же можем не верить в показание. Точно таким же образом, мы можем верить, что данное лицо дало показание по определенному делу и в то же время совершенно не верить в суть того, что он показал. Если только откроется, что книги приписанные Моисею, Иисусу и Самуилу не были написаны ими, то всякая авторитетность и подлинность этих книг сразу улетучивается, так как не может быть поддельного или вымышленного доказательства; не может быть также и анонимного показания, тем более, о вещах естественно не вероятных, как например, разговор лицом к лицу с богом, или приостановление солнца и луны по команде человека. Большая часть всех других древних книг является трудами гения, к каковым принадлежат книги, приписываемые Гомеру, Платону, Аристотелю, Демосфену, Цицерону и др. Здесь опять авторство книг не составляет сути их, так как являясь произведением гениев, они имеют те же качества, как если бы авторы были анонимны. Никто не верит в Троянскую историю, переданную Гомером, нужно сказать правду, но тут ценится поэт и его ценность останется, хотя сама история легендарна. Но если мы не верим в вещи, передаваемые авторами библии (например, Моисеем), как мы не верим в вещи, передаваемые Гомером, то в нашем мнении от Моисея ничего и не остается, кроме того, что он шарлатан. Древним историкам, Геродоту и Тациту, мы верим постольку, поскольку они повествуют о вещах возможных и вероятных, но не дальше, так как если мы верим, в одно чудо, то должны поверить и в два, передаваемые Тацитом и сделанные якобы Веспасьяном, когда он вылечил одного хромого и другого слепого, точно таким же образом, как рассказывают об Иисусе Христе его историки. Мы тогда должны поверить также и в чудо, явленное Иосифу, что море Памфилии открылось и пропустило Александра и его армию, точно также, как это передается о переходе евреев через Красное Море. Эти чудеса столь-же подлинны, как и чудеса, передаваемые в библии, и все же мы не верим в них. Следовательно, требование доказательства, не-

обходимо для нашей веры в вещи естественно невероятные, передаваемые библией или другим источником, гораздо большее, чем то, когда наша вера устанавливается на естественных и вероятных вещах. Поэтому, защитники библии не могут иметь никаких притязаний на нашу веру в библию потому, что мы верим в дела, передаваемые в других древних писаниях, так как мы верим в них постольку, поскольку они в границах возможного и вероятного. Мы верим в них, так как они сомоочевидны, как Эвклидовы писания; мы любуемся ими, потому что они изящны, как писания Гомера; мы обожаем их, так как они положительны, как произведения Платона или справедливы, как писания Аристотеля.

Дальше я перехожу к подлинности библии и начинаю с так называемых пяти книг Моисея: "Бытие," "Исход," "Левит," "Числа" и "Второзаконие."

Мое намерение показать, что эти книги поверхностны и что Моисей не автор их, и дальше, что они не были написаны во время Моисея, ни даже несколько столетий спустя; что они не представляют из себя ничего, кроме попытки написать историю жизни Моисея и периода его жизни вообще, равно и времени до него; что эти книги написаны очень невежественными и глупыми, с притязаниями на авторство, людьми уже спустя несколько столетий после смерти Моисея, точно также, как пишут в настоящее время разные истории происходившего, или возможно происходившего, несколько сот или тысяч лет тому назад.

Доказательство, которое я намерен привести в этом случае, взято из тех самых книг и я ограничусь только этим доказательством. Если бы мне пришлось обратиться за доказательством к кому нибудь из древних писателей, которых защитники библии называют нечестивыми писателями, то эти защитники библии стали бы отрицать такие авторитеты также, как я отрицаю их первоисточники. Поэтому я принимаю бой на их собственном поле и буду сражаться с ними их же собственным оружием, библией.

Во первых, нет утвердительного свидетельства того, что автором этих книг был Моисей, и самое представление о том, что он

был писателем, является совершенно не основательным мнением, неизвестно откуда и как возникшим. Стиль и характер, которым написаны эти книги, совершенно не позволяют верить или даже предположить, что они были написаны Моисеем, ибо здесь говорит стиль и характер другого лица за Моисея. В книге "Исхода", "Левита" и "Чисел" (т. к. в книге "Бытия" все относится ко временам предшествовавшим времени Моисея и нет ни малейшего намека на него), все здесь, я говорю, в третьем лице. Всегда говорится: "господь сказал **Моисею," или "Моисей сказал богу," "Моисей сказал народу," "народ сказал Моисею;"** а это стиль и характер писания историков, говоря о лицах, жизнь и деятельность которых они описывали. Можно сказать, что человек может говорить о себе в третьем лице, поэтому можно предположить, что и Моисей делал то же самое, но предположение ничего не говорит; и если защитники веры в то, что Моисей сам написал эти книги, не могут выдвинуть ничего лучшего, чем предположение, то они лучше молчали бы.

Но, представив им граматическое право, что Моисей мог говорить о себе в третьем лице, так как каждый другой может говорить таким образом, нельзя все же признать за факт в этих книгах, что в них говорит Моисей, не выставляя Моисея поистине смешным и бестолковым. Например, в книге "Чисел," глава 12, стих 3, говорится: "Моисей же был кротчайшим из всех людей на земле." Если Моисей сказал это сам о себе, то вместо кротчайшего человека, он был одним из тщеславнейших и высокомернейших нахалов; и защитники этих книг могут взять теперь ту сторону, какую им желательно, так как обе стороны говорят против них: если Моисей не был автором, то книги неавторитетны; если же он был автором их, то этот автор не может иметь к себе никакого доверия, так как хвастовство является противным кротости, и есть **внутренняя ложь.**

Во "Второзаконии" стиль и характер писания имеет еще больше признаков того, что автором этих книг не был Моисей. Здесь употребляется драматический стиль; автор приступает к предмету коротким предисловием и затем представляет Моисея в роли говорящего. Когда же он заставляет Моисея заканчивать свое ора-

торство, он (автор) берется за свою собственную часть и говорит до тех пор, пока не выводит снова Моисея вперед и, наконец, закрывает сцену рассказом о смерти, погребении, равно как и о характере Моисея.

Это вмешательство ораторов повторяется в этой книге четыре раза. С первого стиха первой главы до конца пятого стиха говорит сам автор, после этого он представляет Моисея в качестве оратора и заставляет его говорить до конца 40-го стиха 4-й главы. Здесь автор отставляет Моисея в сторону и повествует исторически о том, что было сделано, и о чем Моисей будто бы говорил при жизни, и это все разыгривается автором драматически.

В первом стихе 5-й главы автор снова открывает предмет простым заявлением, что Моисей созвал вместе народ израильский. После этого он, как и раньше, вводит Моисея и заставляет продолжать его, снова о р а т о р с т в о в а т ь до конца 26-ой главы. Он делает тоже самое в начале 27-ой главы и заставляет Моисея говорить до конца 28-ой главы. В 29-ой главе автор снова заговаривает в первом стихе и первой линии второго стиха, после чего вводит Моисея в последний раз и заставляет его говорить до конца 33-й главы.

Закончив роль Моисея, автор появляется сам на сцену и говорит во всей последней главе. Он начинает рассказывать читателю о том, что Моисей взошел на вершину Пизга и увидел оттуда землю, которая (говорит автор) была обещана Аврааму, Исааку и Якову; что он, Моисей, умер там, в земле Моабитской, и никто не знает могилы его до сего дня, то есть до того времени, когда жил автор книги "Второзакония." Автор после этого говорит нам, что Моисей умер 110 лет от роду, что его взор не притупился и его природные силы не были поколеблены, и заканчивает, говоря, что с тех пор не было в Израиле такого пророка, как Моисей, которого (повествует анонимный автор) господь знал лицом к лицу.

Показав таким образом, поскольку применимо грамматическое свидетельство, что Моисей не был автором этих книг, я, после нескольких замечаний относительно противоречий автора книги "Второзаконие," перейду к историческому и хронологическому доказатель-

ству того, что нет никакого основания верить, что безчеловечные и ужасные избиения мужчин, женщин и детей о которых говорится в этих книгах, действительно имели место, как утверждают эти книги, по велению самого бога. Прямой долг каждого истинно верующего в бога найти нравственную справедливость бога против злостных клевет библии.

Автор книги "Второзаконие," кто бы он не был (т. к. это анонимный труд), пишет туманно и противоречит сам себе в рассказе о Моисее.

После заявления, что Моисей взошел на вершину Пизга (нельзя заключить ни откуда, что он когда либо сошел обратно вниз), он сообщает нам, что Моисей умер там в земле Моабитской и что он похоронил его в длине в земле Моабитской, но не говорит— кто был этот "он," который п о х о р о н и л его. Если автор думал, что он (бог) похоронил его, то как же он (автор) знает об этом? Или почему мы должны ему верить, раз не знаем, кто был автор, который говорит так. Ведь в самом деле, Моисей не мог сам сказать, где он был погребен.

Автор уверяет нас также, что никто не знает местонахождения могилы Моисея и **по сей день**, имея в виду время, когда жил сам автор. Откуда же он знает, что Моисей был похоронен в долине Моабитской? Ибо вне всякого сомнения, что он не был на похоронах Моисея, раз употребляет выражение "по сей день," означающее огромный промежуток времени после его смерти. С другой же стороны, совершенно невозможно, чтобы Моисей сам мог сказать, что "никто не знает и по сей день, где лежит его могила." Заставить Моисея говорить и здесь, значит, превзойти игру ребенка, который прячется и затем кричит с места, что никто его не может найти! Никто не может найти Моисея!

Этот автор не говорит нам о том, откуда он взял речи, которые он вложил в уста Моисея; поэтому мы имеем право заключить, что он или сочинил их сам, или же скопировал с словесной передачи. И то и другое столь же в е р о я т н ы раз он дает в 5-ой главе таблицу заповедей, в которой четвертая заповедь

отличается от четвертой же заповеди в 20-ой главе "Исхода".

Соблюдение седьмого дня (субботы) в этой книге "Исхода" об'ясняется тем, что "бог сотворил небо и землю в 6 дней, а на седьмой отдыхал." Однако в книге "Второзакония" то же обстоятельство об'ясняется тем, что это был день выхода детей Израилевых из Египта, и поэтому, говорит заповедь, "господь бог твой заповедал тебе соблюдать день субботний." Здесь нет и намека на сотворение мира, или на выход из Египта. В этой книге есть также много вещей, выдаваемых за Моисеевы законы, которые нельзя найти в других книгах; между ними и тот безчеловечный и лютый закон, гл. 21, ст. 18, 19 и 20, который велит родителям, отцу и матери, приводить собственных детей для побития камнями за одно только упрямство.

Но попы всегда были большими охотниками проповеди "Второзакония," так как оно учит платить подати. Именно из этой книги, гл. 25, ст. 4, они взяли известное выражение применительно к налогам, которое гласит: "Не заграждай рта волу, когда он молотит."

И для того, чтобы это не прошло незамеченным, они поместили его в тексте на верху, в начале главы, хотя это всего на всего один стих, состоящий из двух линий. Эх, попы, попы! Из-за десятин вы не прочь быть похожими на волов.

Хотя и невозможно установить личность автора "Второзакония," однако не трудно видеть по роду его занятия. что он был какой-то еврейский поп, живший, как я ниже покажу, по меньшей мере 350 лет спустя после смерти Моисея.

Теперь я перехожу к историческому и хронологическому доказательству. Я буду пользоваться хронологией библии, так как не хочу выходить в поисках доказательства за пределы библии; наоборот, я хочу, чтобы библия сама доказала исторически и хронологически, что Моисей не был автором книг, которые ему приписывают. Поэтому будет кстати, если я сообщу читателю (который может быть не имел случая узнать об этом), что в больших библиях, а также и в некоторых из меньших, содержится хронологи-

ческая таблица на полях каждой страницы для того, чтобы показать в хронологическом порядке, когда происходили различные исторические происшествия или когда они должны были произойти еще до Р. Х. и, следовательно, разницу времени между одним и другим историческими событиями.

Я начну с книги "Бытия." В 14-ой главе "Бытия" автор рассказывает о Лоте, взятом в плен в битве между четырьмя царями, с одной стороны и 5-ю, с другой. Когда же, будто бы, эта весть дошла до Авраама, то последний вооружил всю свою челядь и отправился с нею отбивать Лота от похитителей, и что он гнал их до земли Дан (стих 14).

Для того, чтобы показать как именно относится это выражение **преследования их до Дан** к указанному случаю, я сошлюсь на обстоятельства, одно в Америке, другое во Франции. Город, называемый теперь Нью Иорком, в Америке, первоначально назывался Нью Амстердамом, а французский город, недавно названный Гавр Марат, назывался раньше Гавр де Грас. Нью Амстердам был изменен в Нью Иорк в 1664 году; Гавр де Грас в Гавр Марат в 1793 году. Если, поэтому, будет найдена какая нибудь рукопись, хотя бы и без пометки числа и года, но с пометкой Нью Иорк, то одно это будет дстаточным доказательством того, что такая рукопись не могла быть написанной раньше, чем Нью Амстердам был переименован в Нью Иорк, и следовательно, не ранее 1664 года, или по меньшей мере втечение этого года. И точно также, всякая рукопись без пометки числа и года с названием Гавр Марата должна быть достаточным доказательством того, что эта рукопись должна была быть написана после того, как Гавр де Грас стал Гавр Маратом, то есть, не ранее 1793 года или по крайней мере втечение того года.

Посмотрим, как относятся эти случаи к упомянутому библейскому рассказу. Мы увидим, что не существовало и такой местности как "Дан" до момента долгое время спустя после смерти Моисея и следовательно, Моисей не мог быть автором книги "Бытия," в которой и приводится самый рассказ о преследовании до земли Дан.

Местность, называемая Дан в библии была первоначально городом (не-еврейским) Лаис. Его захватило племя Дан и назвало именем родоначальника этого племени, пра-правнука Авраама.

Чтобы установить это, следует сослаться на 18-ую главу ''Книги Судей.'' Здесь (стих 27) говорится, что ''они (данаиты) пошли против народа спокойного и беспечного и побили его мечем, а город сожгли огнем и построили город и поселились в нем (стих 28). И нарекли имя городу: Дан, по имени отца своего Дана, который был сыном Израиля; а прежде имя городу тому было Лаис.'' (стих 29).

Этот рассказ о взятии данаитами города Лаиса и переименовании его в Дан, помещен в ''Книге Судей'' непосредственно после смерти Самсона. Смерть Самсона, говорят, произошла в 1120 году до Р. Х., а Моисея в 1451 до Р. Х.; поэтому, согласно историческому распределению, место не называлось Даном до времени 331 года спустя после смерти Моисея.

В ''Книге Судей'' наблюдается поразительная путаница между историческим и хронологическим распределением содержания. Последние 5 глав, как они находятся в книге, 17, 18, 19, 20 и 21, помещены хронологически ранее всех предшествующих глав; они составлены на 28 лет раньше 16-ой главы, 266 лет раньше 15-ой, 195 лет раньше 9-ой, 90 лет раньше 4-ой и 15 лет раньше 1-ой главы. Это доказывает неопределенное и легендарное состояние библии. Согласно хронологическому распределению покорение Лаиса и переименование его в Дан должно было произойти спустя 20 лет по смерти Иисуса Навина, который был преемником Моисея. А по историческому порядку в книге, это событие должно произойти 306 лет спустя после смерти Иисуса Навина и 331 год спустя после смерти Моисея. Обе справки, и хронологическая и историческая, исключают Моисея как автора ''Бытия'', так как согласно каждой из этих справок во времена Моисея не существовало Дана. Отсюда следует, что автор ''Бытия'' должен был быть лицом, которое жило после того, как город Лаис был переименован в Дан: кто же именно был этот автор, не знает никто и, следовательно книга ''Бытия'' анонимна и без какой либо авторитетности.

Теперь я перейду к другому случаю исторического и хронологического свидетельства, чтобы показать, как и в предыдущем случае, что Моисей не автор книги "Бытия".

В 36-ой главе "Бытия" приводится родословная сынов и потомков Исава, которые называются Едомитами, а также и поименной список царей Едома, при чем, в перечислении их, говорится (ст. 31): "И вот цари, царствовавшие в земле Едома, прежде царствования царей у сынов Израилевых".

Во всякой рукописи, без пометки числа и года, но поветствующей о прошедших событиях, если автор говорит, что известные события произошли ранее, например, какого либо Конгресса в Америке или раньше Национального Собрания во Франции, то это уже одно служит доказательством того, что эта рукопись не могла быть написана ранее, а была написана обязательно только после учреждения Конгресса в Америке или Национального Собрания во Франции. Следовательно, она никак не могла быть написана лицом, умершим ранее учреждения Конгресса или Национального Собрания.

И в истории и в обыкновенном разговоре чаще всего люди ссылаются на факт, происшедший в определенное число. Это, вопервых, естественее всего, так как самый факт лучше фиксируется в памяти, чем число; и во вторых, факт включает число и одновременно же возбуждает в нас две мысли; и этот способ разговора обстоятельствами столь же положителен в смысле происшествия факта, как если бы он был выражен непосредственно Когда лицо говорит о каком либо деле, и заявляет при этом, что это дело было ранее, чем, он женился или ранее, чем у него родился сын, то это уже предопределяет совершенно, что он был женат, что он имел сына. Язык не допускает другого смысла этого выражения; и если кто либо находит когда либо такое выражение, то оно может быть понятно только в том смысле, в каком оно было выражено.

Поэтому выдержка, которую я привел—"что эти цари царствовавшие в земле Едома, прежде царствования какого либо царя над сынами Израилевыми"—могла быть написана только после царствования первого царя и, следовательно, книга "Бытия", бу-

дучи далека от того, чтобы быть написанной Моисеем, не могла быть написана, по крайней мере, до царя Саула. Это положительный смысл выдержки; но выражение, какого-либо царя, предполагает царей более одного, по крайней мере двух, и это доводит дело до Давида. Если же принять эту фразу в общем смысле, то она означает все время Иудейской монархии.

Если бы мы встретили эту выдержку в какой либо части библии, содержащей заявление о том, что она была написана после начала царствования в Израиле, то было бы невозможно не заметить этого. Следовательно, обе книги написаны фактически после начала Иудейской монархии; выражение, приведенное мною, а равно и остальные стихи 36-ой главы "Бытия", имеются слово в слово в первой главе книги "Паралипоменона", начиная с 43 стиха.

Именно тогда и имело смысл сказать автору, как он говорит в 1-ой книге "Паралипоменона", гл. 1, стих 43: "И вот цари которые царствовали в земле Едома, прежде царствовали у сынов Израилевых", так как он собирался привести и привел список царей, царствовавших в Израиле. И так как невозможно, чтобы тоже самое выражение могло быть употреблено ранее этого периода,-верно, как только можно доказать что либо из исторического писания, что эта часть "Бытия" взята из "Паралипоменона" и что книга "Бытия" более позднего происхождения, чем "Паралипоменон" и вероятно более позднего происхождения, чем книга Гомера или "Сказки Эзопа," допуская, что Гомер, как показывают хронологические таблицы, является современником Давида или Соломона и что Эзоп жил в конце Иудейской монархии.

Отнимите от книги "Бытия" веру в то, что Моисей был автором ее, на чем только и зиждется странная вера, что все это слово божье, — и от книги "Бытия" ничего не остается, кроме анонимной книги рассказов, басен и всяких вымышленных легенд и бестолковщины, вплоть до самой грубой лжи. История о Ное и его ковчеге нисходит до уровня арабских сказок, без какого либо качества занимательности, а история о людях, живших от 800 до 900 лет становится такою же сказкою, как и бессмертие гигантов языческой мифологии.

Помимо того, библия рисует нам характер Моисея таким ужас-

ным, какой только можно себе представить. Если только эти рассказы верны, то он является самым первым негодяем, который когда либо родился, который под маскою религии, совершил зверства самые беспримерные в истории какого либо народа.

Например, когда Иудейская армия вернулась из одного из своих разбойных набегов, передается следующий случай ("Числа" гл. XXXI. ст. 13):

"И вышли Моисей и Елеазар, священник и все князья общества на встречу им из стана. И прогневался Моисей на военачальников, тысяченачальников и стоначальников, пришедших с войны, и сказал им Моисей: вы оставили в живых всех женщин? И вот, они, по слову Валаамову, были для сынов Израилевых поводом к отступлению от господа ради Фегора; оттого и поражение было в обществе господнем".

"И так убейте всех детей мужеского пола, и всех женщин, познавших мужа на мужеском ложе, убейте. А всех детей женского пола, кторые не познали мужеского ложа, оставьте в живых для себя".

Среди самых отвратительных негодяев, которые когда либо в истории человечества оскверняли имя человека, не возможно найти большего, чем Моисей, если только этот рассказ верен. Здесь есть приказ о резне мальчиков, массовых истреблениях матерей и насилии над дочерьми.

Пусть каждая мать поставит себя в положение тех матерей; один ребенок убит, другой предназначается для изнасилования и сама находится в руках палача. Пусть каждая дочь поставит себя в положение тех дочерей, предназначеных в жертву убийце матери и брата и каково будет ее чувство.

Тщетно мы пытаемся навязать природе свое, тогда как природа имеет свой путь и религия, искажающая ее общественные узы, является фальшью.

После этого отвратительного приказа следует подсчет уворованного добра и его дележ; и именно здесь циничность двуличных и фальшивых попов увеличивает картину преступлений. Стих 37 — 40: "Была дань господу из мелкого скота шесть сот семьдесят пять, а из крупного скота тридцать шесть тысяч, и дань из них

господу семьдесят два. И ослов тридцать тысяч пять сот, и дань из них господу шестьдесят один, а людей шестнадцать тысяч, и дань из них господу тридцать две души".

Короче говоря, все что содержится в этой главе, как и во многих других частях библии, слишком ужасно для человечества, чтобы читать или слышать о нем, так как из 31-го стиха этой главы видно, что число детей женского пола предназначавшихся для изнасилования по приказу Моисея было 32.000.

Люди вообще не представляют себе всей той порочности, которая содержится в этом притворном слове божьем. Воспитанные в суеверии, они просто принимают библию как истину и как нечто хорошее. Они не дают себе труда сомневаться в ней и переносят идеи, которые сформировались у них о добродетели всевышнего, на книгу, в которую их учили верить, как в высший авторитет. Это— книга лжи, порока и хулы. Ибо, что может быть большей хулой, чем приписывать человеческие пороки воле создателя.

Но вернемся к предмету, к доказательству того, что Моисей не автор книг, приписываемых ему и что библия является сплошной фальшью. Оба случая, приведенные мною, вполне достаточны без какого либо доказательства для того, чтобы уничтожить подлинность какой либо книги, претендующей на то, что она появилась на 400 или 500 лет раньше, чем события, о которых в ней говорится или факты, которые она передает, так как случаи "преследования их до Дана" и "царей, которые царствовали над сынами Израиля" не допускают возможности даже самого глупого пророчества.

В этих книгах разбросано много заявлений, подтверждающих только что приведенное доказательство. В книге "Исхода" (тоже приписываемой Моисею), гл. 16, ст. 35, говорится: "И сыны Израилевы ели манну сорок лет, до прихода их в землю обетованную; манну ели они до прихода их к пределам земли ханаанской.

Ели-ли сыны Израилевы манну или нет, или что именно была это за манна, может быть это был просто род мелких грибов или другое какое-нибудь растительное вещество, которым изобиловала та часть страны, — не составляет никакой разницы в связи с моим утверждением. То, что я хочу показать здесь, это— что Моисей не мог написать этого рассказа, так как самый пред-

мет рассказа относится ко времени, когда Моисея уже не было в живых. Моисей, согласно библии, умер в пустыне и никогда не достиг границ земли Ханаанской, следовательно, он не мог говорить о том, что делали сыны Израилевы или что они ели, когда пришли туда. Этот рассказ об употреблении в пищу манны, приписываемый Моисею, доходит до времени Иисуса Навина, преемника Моисея, как это видно из повествования о жизни Иисуса Навина, после того, как они перешли реку Иордан и подошли к границе земли Ханаанской. См. Иисуса Навина, гл. 5, ст. 12: **и манна перестала падать на другой день после того, как они стали есть произведения земли; и не было больше манны у сынов Израилевых, но они ели плоды земли Ханаанской в тот год**".

Еще более замечательный случай происходит в книге "Второзакония," которая, хотя и свидетельствует о том, что Моисей не мог быть автором этой книги, показывает в то-же время сказочные представления, господствовавшие в умах тогдашних людей о гигантах. В 3-ей главе "Второзакония", среди других завоеваний приписываемых Моисею, приводится рассказ о взятии Ога, царя Васанского: "Потому, что только Ог, царь Васанский, оставался от остатка Рефаимов. Вот одр его, одр железный, вот он в Раббе, у сынов Аммоновых: длина его 9 локтей, а ширина его четыре локтя, локтей мужеских". Локоть равен 1 футу и 988—1000 дюйма; следовательно, длина его одра была 16 футов 4 дюйма, а ширина 7 футов 4 дюйма. Это—что касается одра гиганта. Что же касается исторической части, то ее доказательства, хотя и не столь прямого и положительного свойства, как в прежних случаях, во всяком случае, более положительны, чем самые "верные" свидетельства противной стороны.

Автор старается доказать существование этого гиганта ссылкою на его ложе, как на древнюю реликвию. Однако Моисей не мог сказать ничего о Раббе, так как он не мог знать ничего об этой стране или о том, кто там жил. Рабба не была городом, принадлежавшим этому гиганту царю, не была она также и одним из городов взятых Моисеем. Следовательно, сообщение о том, что это ложе было в Раббе, а равно и подробности его размеров, должны быть отнесены ко времени взятия Раббы, которое было не раньше,

чем 400 лет по смерти Моисея. Об этом см. кн. Самуила, гл. 12, ст. 26. "Иоав (полководец царя Давида) сражался против Раббы, сынов Аммоновых и взял их столицу".

Так как я не берусь отмечать всех противоречий во времени, месте и обстоятельствах, которыми изобилуют эти книги, приписываемые Моисею и доказывающие, что они не могли быть написаны Моисеем или вообще в период жизни Моисея, я перейду к книге "Иисуса Навина", чтобы показать, что Иисус не является автором этой книги и что сама книга анонимна и без всякой авторитетности. Доказательства, которыми я буду пользоваться, будут взяты мною из самой книги, я не выйду из пределов библии в изобличении ее подлинности, ибо ложное свидетельство годно только против себя. Иисус Навин, согласно первой главе книги Иисуса, был прямым преемником Моисея. Более того, он был военным человеком (тогда как Моисей не был таковым) и продолжал быть главою народа Израильского втечение 25 лет, то есть со смерти Моисея, которая, согласно хронологии библии, произошла в 1451 до Р. Х., и до 1426 года до Р. Х., когда, согласно той же хронологии, умер Иисус. Поэтому, если в этой книге, написанной, якобы Иисусом, мы найдем факты, происшедшие после его смерти, то это будет служить доказательством того, что он, Иисус, не мог быть автором этой книги. Кроме того, книга не могла быть написана раньше происшествия самого последнего события, упоминаемого в ней. Что же касается содержания книги, то оно ужасно; это история войны, история грабежа и убийств, таких же диких и жестоких, какие отмечены за его предшественником Моисеем.

Во первых, книга Иисуса, как и предыдущие книги, написана в третьем лице. Тут говорит историк Иисуса, ибо было бы абсурдом и тщеславием со стороны Иисуса говорить о себе, например, как говорится в последнем стихе 6-ой главы: "И слава его гремела по всей земле". Теперь я перехожу к самому доказательству.

В 24-ой главе, ст. 31, говорится: "И служил Израиль господу во все дни Иисуса и во все дни старейшин, которых жизнь продлилась после Иисуса."

Во имя здравого смысла, мог-ли Иисус поветствовать о том, что делали люди после его смерти? Этот рассказ должен был быть

написан каким-нибудь историком, жившим не только после Иисуса, но и после старейшин, которые пережили Иисуса.

В книге Иисуса разбросано несколько замечаний общего характера касательно того времени, когда она была написана. Согласно этим замечаниям — она была написана в период времени после Иисуса, но без указания какой либо определенной даты, как и в только что приведенном заявлении. В том заявлении промежуток времени между смертью Иисуса и смертью старейшин абсолютно исключен, а свидетельство устанавливает, что книга не могла быть написана ранее смерти последнего из старейшин.

Хотя заявления, на которые я ссылаюсь и которые я намерен привести и не определяют точно какое либо особенное время, тем не менее доказывают период времени, отстоящий от времени Иисуса гораздо дальше, чем промежуток времени между его же смертью и последним из старейшин. Таково место, гл. 10 ст. 14, где, после рассказа о том, что солнце остановилось над Гаваоном, а луна — над долиною Аиалонской по команде Иисуса (сказка, годная разве только для потехи детей). В книге говорится дальше: "И не было такого дня прежде и после того, в который бы господь так слушал голоса человеческого".

Эта сказка, об остановившемся солнце над горою Гаваоном и луне в долине Аиалонской, является одной из тех сказок, которые разоблачают сами себя. Такое происшествие не могло случиться, чтобы о нем не знал весь свет. Одна половина света удивлялась бы,—почему солнце не взошло, а другая—почему оно не зашло, и предание об этом было бы всемирно, тогда как во всем мире нет ни одной нации, имеющей об этом какое либо представление. Но почему бы остановилась луна? И какая надобность была собственно в лунном освещении днем, да еще при полном сиянии солнца? В качестве поэтического образа все это было бы ничего, но по характерности выражения уступает характерному заявлению Магомета лицу, пришедшему к нему с упреками за его упорную настойчивость в своих методах: "Если бы вы даже пришли ко мне с солнцем в правой руке и с луной в левой, то и это бы не изменило бы моей деятельности". Чтобы превзойти Магомета, Иисус

Навин должен был бы положить солнце и луну в каждый из своих боковых карманов и носить их, как Гюи Фаукес носил свой темный фонарь.

Возвышенное и смешное так часто передаются одинаково, что бывает трудно разграничить их. Один только шаг выше возвышенного делать вещь смешной и один шаг ниже смешного превращает вещь снова в возвышенное. Рассказ же сам по себе, без поэтических красот, показывает только невежество Иисуса Навина, так как он должен был приказать остановиться не солнцу и луне, а земле. Вообще, когда говорят "после того", то есть разграничивают от времени, которое прошло "до того", то это означает большой промежуток времени. Например, было бы смешно сказать так-на следующий день или на следующей неделе, или даже год спустя; для того, чтобы придать смысл этому месту, оно должно означать сотни лет, при чем, не меньше двух.

В 8-ой главе также выражается отдаленное, но общее время. Здесь, после передачи рассказа о взятии города Гай, говорится, гл. 28: "И сжег Иисус Гай, и обратил его в вечные развалины, в пустыню, до сего дня", а также и в стихе 29, где, говоря о Гайском царе, которого Иисус повесил и похоронил у входа в ворота, говорится: "А царя Гайского повесил на дереве; и оставался он на дереве до вечера; по захождении же солнца, приказал Иисус, и сняли труп его с дерева и бросили его у ворот городских, и наметали на него большую груду камней, которая осталась до сего дня", то есть до дня или времени, когда жил автор книги Иисуса. И еще, в 10ой главе, где, после рассказа о 5 царях, которых повесил Иисус на 5 деревьях и потом бросил в яму, говорится: "И положили большие камни на отверстие пещеры, которые остаются до сего дня". . . . .

Перечисляя несколько походов Иисуса, при этом и племена и местности, которые они покорили или пытались покорить, говорится (гл. 15, ст. 63): "Но Иевусеев, жителей Иерусалима, не могли изгнать сыны Иудины, и остались Иевусеи с сынами Иудиными в Иерусалиме до сего дня". Здесь возникает вопрос, когда же Иевусеи и сыны Иудины жили вместе в Иерусалиме? Но так как это же

повторяется снова в первой главе книги "Судей", то я пока отложу свои наблюдения до того места.

Показав, таким образом, из самой книги "Иисуса", без каких либо вспомогательных свидетельств, что Иисус не автор этой книги, и что она анонимна и, следовательно, без какой либо авторитетности,—я перехожу к книге "Судей".

Книга судей определенно анонимна и поэтому не может даже претендовать на название— слова божьего; книга совершенно безымянная.

Она начинается таким же выражением, как и книга Иисуса, см. кн. Иисуса гл. 1, ст. 1. "И было по смерти Моисея" и т. д., в книге Судей, гл. 1: "И было по семрти Иисуса" и т. д. Это выражение, а также и тождественность стиля в обеих книгах указывают на то, что это работа одного и того же автора, совершенно неизвестного. Единственно, что эта книга доказывает, так это то, что автор ее жил долгое время спустя после Иисуса, так как, хотя она и начинается как будто немедленно после смерти Иисуса, вторая глава представляет из себя сокращенное содержание всей книги, которая согласно библейской хронологии простирается чрез промежуток времени в 306 лет, т. е. со смерти Иисуса, 1426 года до Р. Х. до смерти Самсона—1120 лет до Р. Х. и только на 25 лет до того времени, когда Саул отправился в поисках за ослами своего отца и был сделан царем. Есть одно веское основание предполагать, что книга не была написана по крайней мере ранее периода Давида и что книга Иисуса была написана в его время.

В первой главе книги "Судей", автор, после заявления о смерти Иисуса, приходит к повествованию того, что случилось между детьми Иудейскими и местными жителями земли Ханаанской. В этом заявлении, автор, упоминая отрывисто и внезапно о Иерусалиме в 7-ом стихе, немедленно вслед за этим говорит, в 8-ом стихе, в виде пояснения: "И воевали сыны Иудины против Иерусалима, и взяли его, и поразили мечем, и город предали огню"; следовательно, эта книга не могла быть написана ранее, чем был взят Иерусалим. Читатель припомнит выдержку, которую я взял из 15-ой главы книги Иисуса, ст. 63, где говорится, что Иевусеи жили с сынами

Иудиными в Иерусалиме до сего дня, т. е. до того времени, когда была написана книга Иисуса.

Свидетельство, приведенное уже мною доказывает, что книги, о которых я до сих пор говорил, не были написаны теми лицами, кому они приписываются, ни даже много лет спустя после их смерти, если они когда либо жили. Согласно библии Иерусалим не был взят вплоть до времени Давида, следовательно, книги "Иисуса" и "Судей" не были написаны до начала царствования Давида, которое было 370 лет после смерти Ииссуса.

Название города, который потом был назван Иерусалимом, первоначально было Иевус или Иевузи, и был он стопицей Иевусеев. Рассказ о взятии города Давидом приводится в 2-ой книге Судей, гл. 5, ст. 4 и др.; тоже в 1-ой книге Паралиноменона, глава 14, ст. 4 и др. Ни в одной другой части библии не говорится, что город был взят раньше и ни один рассказ не упоминает что либо согласное такому мнению. Ни в кн. Самуила, ни в Паралипомено-не не говорится, что они поголовно истребили мужчин, женщин и детей; что они не оставили ни одной живой души, как говорится про другие завоевания. И молчание, которым обходится здесь это обстоятельство, означает, что город прямо сдался на капитуляцию и что Иевусеи, местные жители, продолжали жить на том же месте и после взятия города. Поэтому рассказ, приведенный в книге Иисуса, что "Иевусеи жили с сынами Иудиными в Иерусалиме до сего дня", не соответствуют никакому другому моменту времени, кроме того, когда город был взят Давидом.

Показав, что каждая книга в библии, от "Бытия" и до "Судей" не содержит никакой подлинности, я перехожу к книге "Руфь", к праздной, аляповато состряпанной истории, в которой говорится глупо и не известно кем, о шляющейся деревенской девушке, которая ловко подползает на кровать к своему близкому родственнику. Поистине прекрасная вещь, чтобы называться словом божьим! Книга эта, однако, одна из самых лучших, так как она свободна от убийств и грабежа.

Далее я перехожу к двум книгам Самуила, чтобы показать, что и эти книги не были написаны Самуилом, ни даже долгое

время спустя после его смерти. Эти книги, как и все рассмотренные раньше, анонимны и не авторитетны.

Чтобы убедиться в том, что эти книги были написаны гораздо позднее времени Самуила и, следовательно, не им, стоит только прочесть рассказ автора о поисках Саула за ослами своего отца и его разговор с Самуилом, которого Саул пошел расспрашивать о пропавших ослах, как некие дураки нашего времени ходят к ворожеям гадать об утерянных ими вещах.

Авотр, рассказывая историю о Сауле, Самуиле и ослах, не говорит о событии так, как будто оно только что произошло, а передает его в виде древней истории, бывшей значительно ранее времени автора. Он передает это таким языком и в таких выражениях, которые употреблялись во время Самуила и это обстоятельство заставляет автора пояснять историю в выражениях и вообще языком современным автору.

Самуил, в расказе о нем, в первой из этих двух книг, гл. 9, называется прозорливцем, и так о нем спрашивал Саул, ст. 11: "Поднимаясь на холм в город, они (Саул и его слуга) встретили, девиц, вышедших черпать воду, и спросили их: не здесь ли прозорливец?" Тогда Саул пошел по направлению, указанному девицами и встретил Самуила, не зная его и сказал ему: "Укажи мне пожалуйста где тут дом, прозорливца? И Самуил отвечал Саулу, и сказал: Я этот провидец, иди предо мною на высоту".

Так как автор книги Самуила передает эти вопросы и ответы на языке того времени когда этот разговор происходил и так как такой оборот речи не практиковался во время автора, то он и нашел необходимым, для понятности передаваемого им рассказа, — об'яснить значение этих вопросов и ответов. Автор делает это в 9-ом стихе, когда говорит: "Прежде у Израиля, когда кто шел вопросить бога, то он так говорил: "прийдите, пойдем к прозорливцу, ибо что ныне пророк, то в старину назывался прозорлицем." Это именно доказывает, что то, что пишется о Сауле, Самуиле и ослах, было древней историей для времени автора книги и, следовательно, Самуил не писал этой книги, и поэтому книга не авторитетна.

А если мы вчитаемся в книги несколько глубже, то положительное свидетельство того, что Самуил не писал их, становится более веским; так как книги эти не передают никаких событий, кроме тех, что могли произойти некоторое время спустя после смерти Самуила. Самуил умер раньше Саула, т. к. первая книга Самуила, гл. 28, говорит, что Саул и гадалки Ендорские вызывали Самуила после того, как он уже умер. и не смотря на это, история повествуемых событий, растягивается в этих книгах, через всю остальную часть жизни Саула и до конца жизни Давида, преемника Саула.

Рассказ о смерти и похоронах Самуила (вещь, которую он сам не мог бы написать) приводится в 25 главе первой книги Самуила. Хронологическая дата помеченная в этой главе, показывает 1060 лет до Р. Х. Все же история этой первой книги низведена до 1056 до Р. Х., т. е. до смерти Саула, которая произошла не ранее, чем 4 года после смерти Самуила.

Вторая книга Самуила начинается рассказом о происшествии, которое имело место только четыре года спустя после смерти Самуила, так как начинается с царствования Давида, который был преемником Саула и доходит до конца царствования Давида, бывшее в свою очередь 43 года после смерти Самуила. Поэтому книги сами доказывают, что не были написаны Самуилом.

Итак, я рассмотрел все книги первой части библии, которым приданы имена определенных личностей, как их авторов, и которые церковь, величающая себя христианскою, заставила принять, как писания Моисея, Иисуса Навина и Самуила. Я подметил и доказал фальшь этой подделки. А теперь, вы, попы всех родов, которые проповедывали и писали против первой части "Века Разума", что вы можете сказать? Будете-ли вы, при всей этой массе свидетельств против вас, бьющих вам в глаза, будете ли еще иметь смелость всходить на амвоны и продолжать навязывать их вашим прихожанам, как труды вдохновенных писателей и слово божье, когда из всего очевидно, что те лица, которых вы называете авторами, не авторы и вы сами не знаете, кто были авторы. Какое об'яснение вы можете привести для предположения вашего циничного обмана? Если бы кто-либо доказал ложность обвинений против по-

читаемых вами друзей, которым приписывались зверские приказы об убийствах, которыми заполнена библия, и бесчисленные казни и пытки мужчин, женщин и детей, вы бы восславили их опороченные имена. Только потому, что вы утонули в грубом суеверии или не чувствуете никакого интереса к чести вашего создателя, вы внемлете ужасным сказкам библии или слушаете их с циничным безразличием. Доказательства, приведенные мною и которые будут приводиться в дальнейшем в этом труде, чтобы показать, что библия не авторитетна, — хотя и будут наносить раны упрямству попов,— дадут облегчение и просветление умам миллионов людей. Эти доказательства освободят их от тех тяжелых мыслей о всемогущем, которые поповство и библия внедрили в их умы.

Я перехожу дальше к двум книгам Царств и двум книгам Паралипоменона. Это книги всецело исторические и посвящены, главным образом жизни и деятельности Иудейских царей, которые были, в общем, сбродом негодяев, но это интересует нас не более, чем римские императоры или Гомеровская история Троянской войны.

Кроме того, раз названные книги анонимны и мы ничего не знаем о их авторе, или о его характере, то не возможно установить и то, в какой степени мы должны оказать доверие описываемым в них фактам. Как и все другие древние истории, они представляют смесь мифического с фактами и возможного с невозможным, и утеряли весь свой интерес и стали негодными за такой огромный промежуток времени и места, а также и крупных изменений в условиях жизни мира с тех пор.

Все, что я могу сделать с ними,—это сравнить их одну с другой и с другими частями библии, чтобы показать, мешанину, противоречия и грубость в этом, так называемом ”слове божьем“.

Первая книга царств начинается с царствования Соломона, которое, согласно библейской хронологии, было за 1015 лет до Р. Х.. Вторая книга заканчивается за 588 лет до Р. Х., т. е. несколько позднее царствования Зедекии, которого увез пленником в Вавилон Навуходоносор после взятия Иерусалима и покорения Иудеев. Обе книги занимают промежуток времени в 427 лет.

Обе книги ”Паралипоменона“ являются историей тех же вре-

мен и, в общем, тех же самых лиц, но написаны другим автором, ибо было бы абсурдом предположить, что один и тот же автор написал два раза одну и ту же историю. Первая книга "Паралипоменона" (приводя генеалогию с Адама до Саула, занимающую 9 первых глав), начинается с царствования Давида. Последняя же книга начинается, как и последняя книга "Царств", вскоре после царствования, Зедекии, около 588 лет до Р. Х. Последние два стиха последней главы переносят историю вперед еще на 52 года, то-есть до 536 года до Р. Х. Эти стихи, однако, не принадлежат к книге, как я это покажу, когда коснусь книги Эзры.

Обе книги "Царств", помимо истории Саула, Давида и Соломона, который царствовал над всем Израилем, содержат также и выдержку о жизни 17-ти царей и одной царицы, величаемых как цари иудейские, а также и 19-ти величаемых, как цари Израильские, так как иудейская нация, немедленно после смерти Соломона распалась на две партии, которые избирали отдельных царей и вели самые жестокие войны одна против другой.

Эти две книги представляют из себя немного больше чем историю убийств, предательства и войн. Жестокости, которые привыкли применять сами евреи над хананеянами, страну которых они дико захватили под предлогом особого дара от бога, после они практиковали, столь же неистово, у себя, одни над другими. Едва-ли половина всего числа их царей умерла естественной смертью, а в некоторых случаях уничтожились целые семьи для того, чтобы захватить власть для преемника, которого, после каких нибудь нескольких лет, а иногда только и месяцев, и даже меньше, постигала такая же участь. В 10-ой главе второй книги "Царств" приводится рассказ о двух корзинах с 70-ю детскими головками, выставленных у входа в город. Это были дети Ахава и были они умерщвлены по приказу Иегу, которого предполагаемый представитель бога—Илья, помазал в цари над Израилем, с целью совершить это кровавое дело и убить своего предшественника. В рассказе же о царствовании Минаима, одного из царей Израильских, убившего Селлума, царствовавшего только один месяц,—говорится, 2 книга Царей, гл. 15, ст. 16, что Минаим поразил город Гипсох за то, что город не отворил ворот

сиу, и изрубил там всех беременных женщин.

Если бы мы могли себе представить, что всемогущий выделил какую либо нацию, как свой избранный народ, мы должны были бы предположить, что этот народ был предназначен к тому, чтобы быть образцом для всего остального мира в смысле чистоты, сочувствия и гуманности, а не нацией убийц и горлорезов, каковыми были древние евреи; народ, который следовал таким чудовищам и обманщикам, как Моисей и Аарон, Самуил и Давид, отличилися более других на всем земном шаре в варварстве и порочности.

Если мы только не станем упорно закрывать наши глаза, то невозможно не видеть, что не смотря на давно установленный в нашем уме предрассудок, лестное название избранного народа есть ничто иное, как ложь, сочиненная попами и лидерами евреев, дабы покрыть этим свою низость и лицемерно принятую христианскими попами, иногда не менее продажными и очень часто более грубыми.

Обе книги Паралипоменона являются повторением тех же преступлений. Но здесь история обрывается автором в нескольких местах, где он выпускает царствование какого нибудь из царей. При этом, и в этих книгах, как и в книге "Царей", так часто повторяется переход от царей Иудеи к царям Израилевым и наоборот, что рассказ становится очень туманным для чтения. В одной и той же книге иногда история противоречит сама себе. Например, во второй книге "Царей", гл. 1, ст. 17, нам говорят, что после смерти Ахаза, Иехорам или Иорам, царь Израильский (из дома Ахаба) царствовал вместо него, во второй год Иорама —сына Иосафата, царя Иудейского, а также в гл. 8, ст. 16 той же книги говорится: "в пятый год Иорама, сына Ахаба, царя Израильского, т. е. в одной главе сказано, что Иорам начал свое царствование в Иудее во второй год царствования Иорама, царя израильского, за Иософатом, царем Иудейским, воцарился Иорам, царь Иудейский", а в другой главе говорится, что Иорам Израильский начал царствовать в пятом году царствования Иорама Иудейского.

Несколько самых чрезвычайных происшествий передаются в одной истории, как происшедшие во время царствования какого нибудь определенного из царей и в то же время их нельзя найти

в другой истории, когда описывается царствование этого самого царя. Например, первые два соперничающих царя после смерти Соломона, были Ровоам и Иеровоам. В 1 книге "Царей", гл. 12 и 13 приводится рассказ о том, как Иеровоам делал приношение курением ладана и некто, бывший при этом и назвавшийся божьим человеком, восклицал: "Жертвенник, жертвенник! Так говорит господь: вот родится сын в доме Давидовом; имя его: Осия; он на тебе заколет священников высот, совершающих на тебе курение, и человеческие кости будут сожжены на тебе." Стих 4: "А когда царь услышал слово человека божьего, произнесенное к жертвеннику в Вефиле, то простер Иеровам руку свою от жертвенника, сказав: Возьмите его; и одеревенела рука его, которую он простер на него, и не мог он обратить ее к себе."

Следовало бы предполагать, что такой чрезвычайный случай, как этот, происшедший с главою одной из партий в самое первое время раскола израильтян на две нации, был бы, будь то правда,— занесен в обе истории. Однако, хотя люди последующих времен и верили всему тому, что говорили им пророки, не видно, чтобы эти пророки и историки особенно верили один другому, ибо слишком хорошо знали один другого.

В книге "Царей" приводится длинный рассказ об Илие, заполняющий несколько глав и заканчивающийся так; 2 кн. "Царей," гл. 2, ст. 2: "И было, когда они шли (Илья и Елисей) и, идучи, разговаривали, и вот, явилась колесница огненная и кони огненные, и разлучили их обоих; и понесся Илия в вихре на небо." Ну и штука! А автор Паралипоменона, не смотря на всю чудесность истории, об этом умалчивает, хотя и упоминает Илью по имени. Он не упоминает ничего также о происшествии, приведенном во 2-ой главе той же самой книги "Царей," о толпе детей, кричавших на Елисея: "Иди, иди, плешивый" и о том, что этот божий человек (стих 24), "оглянулся и увидел их, и проклял их именем господним. И вышли две медведицы из леса и растерзали из них 42 ребенка.

Историк обходит также молчанием рассказ, передаваемый в 2 книге "Царей", гл. 13, что когда хоронили кого-то в могиле, где был похоронен раньше Елисей, случилось так, что мертвец когда его опу-

скали, коснулся костей Елисея и "ожил и встал на ноги". Рассказ не говорит нам о том, похоринили-ли все же этого человека, не смотря на то, что он ожил и встал на ноги, или же его вытащили из могилы. Обо всех этих рассказах автор Паралипоменона умалчивает, как всякий писатель наших дней, который не рискует быть обвиненным во лжи, или, по крайней мере, в сочинениях такого же сорта.

Но как бы эти два историка не разнились один от другого касательно мифов, передаваемых каждым из них, они оба хранят одинаковое и полное молчание относительно людей, величавшихся пророками и писания которых заполняют последующую часть библии. Исаия, живший во время Иезекила, упоминается в книге "Царей", затем в Паралипоменоне, когда эти историки описывают царствования того времени. Однако, за исключением одного или, самое большее, двух случаев, и то только слегка, ничего не говорится о них и не упоминается даже о их существовании, не смотря на то, что согласно библейской хронологии, они жили как раз в те времена, когда писались эти истории, некоторые из них жили даже гораздо ранее.

Чем можно об'яснить то, что ни один из этих историков ничего не упоминает о них, если только они, эти так называемые пророки, были людьми такой важности в свое время, какими представляют их составители библии, попы и толкователи.

В книгах "Царей" и в "Паралипоменоне" история доводится до 588 года до Р. Х. Было бы кстати, в таком случае, рассмотреть, кто из этих пророков жил до этого времени.

Ниже приводится список пророков с указанием хронологической даты, за сколько лет они жили до Р. Х., а также и с указанием числа лет, которые они прожили до времени написания книг "Царей" и "Паралипоменона".

Этот список или далеко не служит к чести библейских историков, или же он в одинаковой мере не лестен для библейских пророков; и я оставляю за попами и толкователями вопрос об этике между двумя группами, а также указание п р и ч и н ы того почему авторы книг "Царей" и "Паралипоменона" обходят

пророков таким унизительным молчанием, как всякий историк нашего времени обходится с Петром Пиндаром.

Список пророков.

Имена	До Р. Х.	До книг Цар. и Пар.	Замечания
Исаия	760	172	Упоминается
Иеремия	629	41	Упоминается только в последней главе Паралип.
Иезекиил	595	7	Не упоминается.
Даниил	607	19	Не упоминается.
Осия	785	97	Не упоминается.
Иоиль	800	212	Не упоминается.
Амос	789	199	Не упоминается.
Авдия	789	199	Не упоминается.
Иона	862	274	См. примечание*)
Михей	750	162	Не упоминается.
Наум	713	125	Не упоминается.
Аввакум	620	38	Не упоминается.
Софония	630	42	Не упоминается.
Агей, Захария и Малахия		после 588 года до Р. Х.	

Я хочу сделать еще одну заметку о книге Паралипоменона, после чего перейду к остальным книгам библии.

При обследовании книги "Бытия" я привел место из 36 главы, ст. 31, которое относится очевидно к тому времени, когда цари начали править сынами Израиля. Я показал, что так как этот стих тот же самый, слово в слово, что и стих 43, гл. 1 книги "Паралипоменона", где он согласуется с ходом истори, в противовес книге "Бытия", то, очевидно, что этот стих книги "Бытия" и большая часть 36-ой главы, взяты из Паралипоменона. Что же касается самой книги "Бытия", то она хотя и помещена в библии первой и приписывается Моисею,—была сфабрикована неизвестными

---

*) Во второй кн. царей, гл. 14, ст. 25, упоминается имя Ионы по случаю возвращения земельного участка Иеровоамом. Дальше ничего не говорится о нем и даже нет никакого намека на книгу Ионы или его поездку в Ниневию, ни даже о его происшествии с китом.

лицами после того, как был написан "Паралипоменон", а это было не ранее 860 лет после Моисея, по крайней мере.

Свидетельство, которым я хотел подкрепить это—самое обыкновенное и состоит из двух частей. Во первых, я уже заявил, что упомянутое место из книги "Бытия" само ссылается в отношении времени на "Паралипоменона", во вторых, сама книга "Паралипоменона", на которую ссылается это место, не была писана ранее, чем по меньшей мере — 860 лет спустя после времени Моисея. Для того, чтобы убедиться в этом, следует только прочесть 13-й стих 3-ей главы первой книги "Паралипоменона", где автор, приводя генеалогию предков Давида, упоминает о Зедекии. Навуходоносор покорил Иерусалим во время Зедекии, 588 лет до Р. Х. и, следовательно, 860 лет спустя после Моисея. Те, кто полон предрассудков, хвастаются древностью библии и в особенности, книгами Моисея, делая это без какой-либо проверки. Что же касается исторической и хронологической стороны доказательств, то библия не более чем на 300 лет древнее книги Гомера и появилась приблизительно в одно время с "Сказками Эзопа."

Покончив с книгами "Царей" и "Паралипоменона", я перехожу дальше к книге Езры.

Для того, чтобы убедиться в том, как беспорядочно была собрана библия и насколько не определенны личности авторов, стоит только посмотреть на три первые стиха книги Ездры и два последние "Паралипоменона". Какая должна была быть подтасовка, чтобы первые три стиха Езры оказались двумя последними стихами Паралипоменона или наоборот? Или сами авторы не знали своих трудов, или же составители не знали авторов.

Последний стих "Паралипоменона" обрывается сразу и кончается посредине фразы. Этот внезапный обрыв и факт присутствия тех же самых стихов в других книгах, указывают, как я уже сказал, на беспорядок и невежество в составлении библии. Кроме того, составители не имели никакого понятия в том, что они делали, точно также, как и мы не имеем никакого основания верить в то, что они сделали.*)

Два последних стиха "Паралипоменона".

Ст. 22. "А в год первый Кира, царя Персидского, когда исполнилось слово господне, сказанное устами Иеремии, возбудил господь дух Кира, царя Персидского; и он повелел об'явить по всему царству своему, словесно и письменно, и сказать:

Ст. 23. "Так говорит Кир, царь Персидский: все царства земли отдал мне господь, бог небесный; и он возложил на меня построить ему дом в Иерусалиме, что в Иудее. Кто из вас, из всего народа его желает, господь, бог его, да будет с ним, и пусть он идет"

Три первых стиха Езры.

Ст. 1. "В первый год Кира, царя персидского, когда исполнилось слово господне, сказанное устами Иеремии, возбудил господь дух Кира, царя Персидского и он повелел об'явить по всему царству своему, словесно и письменно, и сказать:

Ст. 2. "Так говорит Кир, царь Персидский, все царства земли отдал мне господь, бог небесный; и он возложил на меня построить ему дом в Иерусалиме, что в Иудее."

Ст. 3. "Кто из вас, из всего народа его, желает, да будет бог его с ним, и пусть он идет в Иерусалим, что в Иудее, и строит дом господа, бога Израилева, (он есть бог), который в Иерусалиме.

---

*) Просматривая библию, я заметил несколько оторванных и бессмысленных абзацев и не ввел в текст книги из-за их маловажности; так, 1-й кн. Самуила, гл. 13, ст. 1, где говорится: "Прошел год по воцарении Саула, а два года уже был он царем над Израилем; и выбрал себе Саул три тысячи из Израиля, так что две тысячи состояли при Сауле в Михмасе и на горе Вефиле, а тысяча была с Ионафаном в Гавае Вениаминовой". Первая часть стиха, о том, что Саул царствовал один год, не имеет смысла, раз она не говорит, что он именно делал или что случилось в конце этого одного года. Кроме того, бессмысленно говорить, что он царствовал один год, когда непосредственно последующая фраза говорит, что он царствовал два года, так как если он царствовал два года, было бы невозможно не царствовать одного года.

Другой случай приводится в книге Иисуса Навина, гл. 5, где автор говорит нам об ангеле, который явился Иисусу. Рассказ обрывается сразу, без заклю-

Единственная вещь, имеющая некоторый вид определенности в книге Езры, это время, когда она была написана. Это было непосредственно после возвращения евреев из Вавилонского плена, около 536 лет до Р. Х. Езра, (который согласно еврейским толкователям является тем же лицом, что и Ездра, упоминающийся в Апокрифе), был одним из вернувшихся из плена и, который, возможно, описал этот случай. Неемия, книга которого следует за книгой Езры, был также один из вернувшихся из плена, и вероятно, описал этот же случай в книге, носящей его имя. Но эти описания не представляют решительно ничего ни для нас, ни для кого бы то не было, кроме евреев, часть истории которых они представляют. И здесь столько же "слова божьего", сколько, на-

---

чения. Рассказ таков ст. 13: "И было, когда находился Иисус близь Иерихона; взглянул и видит, и вот, стоит перед ним человек, и в руке его обнаженный меч.. И подошел к нему Иисус, и сказал ему: наш ли ты, или из неприятелей наших?" Ст. 14: "И он сказал; нет; но я вождь воинства господня, теперь пришел. И пал Иисус лицом своим на землю, и поклонился, и сказал ему: что господин мой скажет рабу своему?" Ст. 15: "И сказал вождь воинства господня Иисусу: сними обувь твою с ног твоих; потому что место, на котором ты стоишь, свято . Иисус так и сделал." А что потом? Ничего, так как здесь рассказ оканчивается вместе с главой.

Рассказ или оборван на средине, или же это творение какого нибудь еврейского юмориста для того, чтобы выставить в смешном виде божественную якобы миссию Иисуса Навина; а составители библиии, не поняв сути рассказа, приняли его в серьез. В качестве юмора и смешного этот случай меток, так как он торжественно вводит ангела в виде человека, с мечом в руке, перед которым Иисус падает ниц и молится (что противоречит второй их заповеди), а после, этот сиятельный посланник с неба заканчивает обращением к Иисусу Навину снять сапоги. Он мог бы сказать ему с одинаковым успехом снять штаны.

Известно, однако, что евреи не верили всему тому, что говорили им их главари, это видно по дерзкому тону, каким они говорили о Моисее, когда он ушел на гору: "Что же касается этого человека Мойсея, то мы не знаем, что с ним случилось". Исх., гл. 32, ст. 1.

пример, в историях Франции или Рапена: "История Англии", или же вообще какой либо другой нации.

Но даже и в делах исторической достоверности нельзя положиться ни на одного из этих авторов. Во второй главе Езры, автор приводит список племен и семейств с точным числом душ каждого из тех, что вернулись из Вавилона в Иерусалим; и это перечисление вернувшихся лиц является одной из главных целей для написания книги. Здесь, однако, есть ошибка, которая уничтожает все намерение предприятия.

Автор начинает свое перечисление следующим образом, гл. 2, ст. 3: "Сыновей Парота две тысячи сто семьдесят два", ст. 4. Сыновей Сафатии,— триста семьдесят два, в таком порядке он перечисляет все семейство до конца, и в 64 стихе подводит итог и говорит: "все общество вместе состояло из сорока двух тысяч трехсот шестидесяти человек".

Но тот, кто полюбопытствовался бы мелочью и подсчитал,— получил бы итог всего в 29,818 т .е. тут ошибка на 12,542. Какая может быть достоверность, после этого, в библии?

В таком же порядке Неемия приводит список вернувшихся из плена семейств и числа душ каждой семьи. Он начинает, как и в книге Езры, заявлением (гл. 7, ст. 8) "Сыновей Парота 2172" и так далее. Этот список разнится от списка Езры в нескольких подробностях. В 66 стихе Неемия подводит итог и говорит, так же как и Езра: "Все общество вместе состояло из 42.360 человек." В то же время, подсчитывая детали, выходит 31.089, т. е. допущена ошибка на 11.271. Эти авторы могут быть добрыми "библеедельцами", но не годятся ни на что, где необходима истина и точность.

Следующая по порядку—книга Есфири. Если госпожа Есфирь думала, что есть какая-то честь в том, чтобы предложить себя в качестве любовницы, то это дело исключительно ее и Мардохая. Мы к этому не имеем никакого отношения; по крайней мере, это дело меня не касается. Кроме же этого, книга сильно выглядит сказочною, к тому же она анонимна. Я, поэтому, перехожу к книге Иова.

Книга Иова по характеру разнится от всех книг, рассмотрен-

ных раньше. Здесь нет ни предательства, ни убийств; книга эта представляет из себя размышления ума, на который превратности человеческой жизни произвели сильное впечатление. Это прекрасно обработанное произведение, изображающее примерение между добровольным подчинением и невольным протестом и рисует момент и состояние человека, когда он склонен скорее сдаться, чем быть способным на бытие. Терпение является только незначительной долей в характере лица, о котором эта книга говорит. Наоборот, его печаль бывает часто буйной, но все таки он пробует ее обуздать, и кажется готовым, среди все возрастающих бедствий, наложить на себя тяжелую обязанность — быть довольным.

В первой части "Век Разума" я отзывался о книге Иова почтительно, но это было в то время, когда я не знал того, что узнал потом. А именно, судя по всем доказательствам, которые можно собрать о книге Иова, выходит, что книга не принадлежит Иову.

Я видел об этой книге мнение двух еврейских толкователей. Абенезры и Спинозы. Оба они говорят, что книга Иова не содержит в себе никакого внутреннего свидетельства того, что она—еврейская книга; что авторский гений этого произведения и сама его драма не являются еврейскими; что она была переведена на еврейский с другого языка и что автор книги был не-еврей (джентайл); что характер представленный под именем Сатаны (это имя в первый и единственный раз встречается в библии) не соответствует еврейской идее и что два собора, которые, якобы созвало божество из тех, кого поэма называет сынами бога, и близость этого Сатаны с божеством, как это представлено в содержании, представляют один и тот же случай.

Следует также отметить, что книга представляет собою произведение высоко развитого в науке ума, которого у евреев, бывших очень далеко от этого, не было. Ссылки на натур-философию очень часты и сильны и совершенно другого склада, чем что либо в известных еврейских книгах. Астрономические названия Плейяды, Ориона и Арктуруса—греческие, а не еврейские имена и нет никакого указания или намека в библии на то, что евреи знали что-либо по астрономии или занимались изучением таковой. Они не

имеют перевода этих названий на своем языке, а приняли их в таком виде, в каком нашли их в поэме.

Не подлежит сомнению, что иудеи переводили произведения не-семитских наций на еврейский язык и смешивали их с своими. Доказательством этому служит 31-ая глава "Притчей Соломона", где говорится: "Изречение царя Лемуила, учение, которое преподавала ему его мать." Этот стих стоит в качестве предисловия к последующим притчам, которые вовсе не являются притчами Соломона, а Лемуила. Лемуил же не был ни Израильским, ни Иудейским царем, а какой то другой страны, следовательно, он был не еврей. Однако, евреи приняли его притчи, и так как они не могут сказать кто был автором книги Иова, или как она к ним попала или почему она по характеру разнится от еврейских писаний и стоит в библии совершенно вне какой либо связи с другими книгами, то все это говорит за то, что книга не еврейского происхождения.*)

Составители библии и те, кто устанавливали время, (хронологи), повидимому, не знали как быть и где расположить книгу Иова, так как она не содержит ни одного исторического происшествия, или ссылки на что-либо, устанавливающее ее место в библии. В интересы этих людей вовсе не входило огласить на весь мир свое невежество и поэтому, они отнесли ее происхождение ко времени

*) Молитва, известная под именем Агуровой, в 30-ой главе "Притчей", как раз перед притчами Лемуила, и являющаяся единственно хорошо продуманной и прекрасно выраженной молитвою во всей библии, очень похожа на молитву, перенятую от не-евреев. Первый стих 30-ой главы говорит: "Изречения Агура, сына Иакеева, пророческое изречение." Здесь слово пророчество применяется в таком же смысле, что и в следующей главе Лемуила и не связано ни с каким либо предсказанием. Молитва Агура находится в 8 и 9 стихах: "Ложь и обманчивое слово удали от меня, нищеты и богатства не давай мне, питай меня моею долею хлеба, чтобы пресытившись, я не отверг истины и не сказал: "Кто господь?" И чтобы, сделавшись бедным, я не воровал и не сделалася преступником против имени бога моего". В этой молитве нет никаких признаков еврейской молитвы, так как евреи молились только в моменты несчастья и никогда не молились ни о чем, кроме победы, мести и богатства.

за 1520 лет до Р. Х., времени, когда евреи были в Египте и относительно которого они авторитетны не более меня, если бы я, положим, сказал, что это было 1000 лет до того времени.

По всей вероятности, однако, эта книга стариннее, чем какая либо другая книга библии, и при этом, единственная, которую можно читать без отвращения.

Мы ничего не знаем о том, что представлял из себя не еврейский (джентайл) мир до появления евреев на исторической сцене, и только из их рассказов научились называть их язычниками. Отличительною же чертою евреев было оговаривание и очернение характеров других народов. Однако, поскольку нам известно, язычники, наоборот, были справедливыми нравственными народами. Повидимому, у них был обычай олицетворять как добродетель, так и порок в виде статуй и изображений, как это делается в настоящее время скульптурою и живописью. Однако, отсюда вовсе не следует, что они обоготворяли их более, чем мы.

Я пропускаю мимо книгу "Псалмов", к которой нет необходимости делать каких либо заметок. Некоторые из псалмов нравственны, другие же очень мстительны, большая же часть занята пересказом известных местных событий Иудейской нации того времени и с этим мы не имеем ничего общего. Однако, называть их псалмами Давида, является или ошибкою или же подлогом. Они представляют сборник, вроде песенников наших дней, разных авторов песней, живших в разное время. 137-ой псалом не мог быть написан ранее, чем 400 лет спустя после Давида, так как он написан в ознаменование пленения евреев в Вавилоне, которое имело место именно тогда. **"При реках Вавилонских, там сидели мы и плакали, вспоминая о Сионе. На ивах среди его повесили наши арфы, потому что там пленившие нас требовали от нас песней, и насмехавшиеся над нами—веселия: "спойте нам из песней Сионских".**

Эта заметка, касательно времени когда этот псалом был написан, приведена лишь для того, чтобы показать в каком заблуждении вообще был мир, относительно авторов библии. Не обращалось никакого внимания на время место и обстоятельсва: к нескольким книгам библии были прилеплены имена лиц, которые могли быть авто-

рами их не более, чем человек мог бы участвовать в своей собственной похоронной процессии.

Притчи Соломона. Эти также, как и "Псалмы" представляют из себя сборник из произведений авторов, причем, и других народов кроме евреев, как я уже показал в моей заметке о книге Иова. Кроме того, некоторые притчи, приписываемые Соломону, не появились ранее 250 лет после смерти Соломона; что видно из 1-го стиха 25 главы: "И это притчи Соломона, которые собрали мужи Езекии, царя Иудейского". Со времени Соломона до Езекии прошло 250 лет. Когда человек становится знаменитостью, то становится мнимым отцом вещей, которых он никогда не делал, и это, вполне возможно, произошло в данном случае с Соломоном. Повидимому, модою тогдашнего времени было — сочинять притчи и крестить их именами тех, которые никогда их не видели.

Книга "Екклезиаста" также приписывается Соломону, при том, с большим основанием, если только не с правдою. Книга представляет из себя уединенные размышления износившегося распутника, каким был Соломон, который, оглядываясь назад на сцены жизни, не доставляющие ему более никакого наслаждения, вздыхает: "Все есть суета". Огромная доля метафор и сентенций не ясны по всей вероятности, благодаря переводу. Все же там остается достаточно, чтобы показать, как сильно они были выражены в оригинале. Из того же, что дошло до нас о характере Соломона, видно, что он был остроумен, тщеславен, распутен и наконец, меланхолик. Он жил бурно и умер, усталый от мира, еще в возрасте 55 лет.

Иметь семьсот жен и триста наложниц хуже, чем не иметь ни одной, и каким бы видимым повышенным наслаждением не сопровождалось это, тут убивается всякое счастье любовной привязанности, так как нет определенного предмета ее. Любовь, которая разделяется на многих, никогда не бывает счастливой. Это было с Соломоном, и если он при всей его предполагаемой мудрости не мог открыть это заранее, то и заслужил, без сожаления, ту скорбь, которую переживал впоследствии. С этой точки зрения его проповедь не нужна, так как, чтобы знать последствия, необходимо только знать причину. 700 жен и 300 наложниц могли занять

целую книгу. Бесполезно, после этого, говорить, что все есть одна суета и огорчение, ибо невозможно получить счастье от общения с теми, кого мы лишаем счастья.

Для того, чтобы быть счастливым на старости лет, необходимо, чтобы мы привыкали к предметам, сопровождающим наш разум через весь путь нашей жизни. Любители наслаждений в старости представляют из себя жалкую картину, тогда как натур-философия, математика и механические науки представляют собою продолжительный источник спокойного наслаждения и вопреки мрачным догматам попов и суеверию, изучение этих вещей и составляет истинную теологию.

Тот, кто знал Беджамена Франклина, вспомнит, что его разум был вечно молод, его темперамент вечно спокоен; никогда не седеющая наука была его любовницей. Он никогда не был без предмета интереса, так как в тот момент, когда в нас теряется интерес, мы становимся инвалидами, ожидающими своей смерти в госпитале.

Песни Соломона любовны и довольно глупы, но фанатизм назвал их небесными.

Составители библии поместили эти песни после книги Екклезиаста, а хронологи определили их ко времени за 1014 лет до Р. Х., когда, согласно той же хронологии, Соломону было всего 19 лет, когда он уже составлял целый гарем жен и наложниц. составители библии и хронологи должны были, собственно говоря, обделать это дело несколько лучше или должны были бы выбрать более подходящее время для этих, будто бы божественных песней, так как Соломон справлял тогда свой медовый месяц с тысячью распутниц.

Им также должно было придти на ум, что Соломон, который, предполагается, написал книгу Екклезиста значительно позднее этих песен и в которой он восклицает, что все есть суета,—включил также и эти песни под это название. Это более вероятно, так как он (Соломон), или кто нибудь за него, говорит в Екклезиасте, гл. 2, ст..8: "Я завел у себя певцов и певиц и наслаждения сынов человеческих, и разные великолепные покои; и вот (стих 2) все это суета и затеи ветренные". Составители, однако, выполнили свой

труд только на половиму, так как раз они дали песни, они должны были дать и музыку их, чтобы мы могли их петь.

Вся остальная часть библии заполнена так называемыми книгами "Пророков". Их всего 16, начиная с Исаии и кончая Малахией, о котором я заметил уже в моих замечаниях о книге "Паралипоменона". Из всех этих 16 пророков, живших, за исключением последних трех, в период написания книги Царей и Паралипоменона, только двое—Исаия и Иеремия упоминаются в истории этих книг. Я начну с этих двух, оставляя пока все, что хотел бы сказать в связи с общим характером людей, называвшихся пророками, до другой части книги.

Кто только даст себе труд прочесть книгу приписываемую Исаии, найдет ее одним из самих диких и беспорядочных произведений, которые когда либо были написаны. Она не имеет ни начала, ни средины, ни конца, и за исключением короткой исторической части и нескольких исторических набросков в двух-трех первых главах, представляет одну сплошную напыщенную чушь, полную чрезмерных метафор без предмета приложения и бессодержательную по смыслу. Было бы непростительно даже школьнику писать такую чепуху. Эта книга (по крайней мере, в переводе) представляет из себя такой сорт произведения и фальшивого вкуса, что следовало бы ее назвать бешенной прозою.

Историческая часть начинается с 36-ой главы и продолжается до 39-ой. В ней говорится о событиях, происшедших в царствовании Езекии, царя Иудеи, когда жил Исаия. Этот отрывок истории начинается и заканчивается внезапно, не имея ни малейшей связи с предыдущей главою, ни с последующей, ни даже с какой либо другой всей книги. Очень возможно, что Исаия писал этот отрывок сам, так как он был участником описываемых происшествий, но за исключением этой части, едва-ли есть во всей книге пара глав, имеющих какую либо связь одна с другой; одна озаглавлена в начале первого параграфа, как "Бремя Вавилона", другая—"Бремя Моаба", следующая—"Бремя Дамаска" и т. д.

В случае с последними двумя стихами Паралипоменона и первым 3-й книги Езры я уже показал, что составители библии смеша-

ли и спутали произведения различных авторов, и одно это обстоятельство, не будь там никаких других,—достаточно уничтожить подлинность какого либо воспроизведения, так как это более чем предполагаемое доказательство того, что составители были в неведении того, кто были авторы. Очень разительный пример мы находим в книге, приписываемой Исаии: последняя часть 44 главы и начало 45, будучи далекими от того, чтобы быть написанными Исаией, могли быть написаны лицом, жившим по меньшей мере 150 лет после смерти Исаии.

Эти главы являются восхвалением Кира, который разрешил евреям вернуться в Иерусалим из Вавилонского плена и восстановить Иерусалим с храмом, как говорится об этом в книге Езры. Последний стих 44 главы и начало 45 выражаются следующими словами: "Который говорит о Кире: он пастырь мой, и он исполнит все мои желания, говоря Иерусалиму: "ты будешь вновь устроен", и храму: "ты будешь восстановлен". "Так говорит господь помазаннику своему Киру: я держу его за правую руку, чтобы низвергнуть народы перед ним, и я распояшу чресла царей, чтобы двери были открыты перед ним и ворота были не заперты; я пойду перед тобою и уровняю холмы, сломаю медные двери и сокрушу железные запоры."

До чего должна была дойти наглость церкви и невежество попов, чтобы навязать миру эту книгу, как писание Исаии когда он, согласно их собственной хронологии, умер вскоре после смерти Езекии, которая произошла в 693 г. до Р. Х. а указ Кира о возвращении евреев в Иерусалим, согласно той же хронологии, в 536 году до Р. Х., что составляет разницу во времени на 162 года. Я собственно не склонен предполагать, что эти книги были написаны составителями библии, скорее всего, что они подхватили какие нибудь безымянные произведения и собрали их вместе под именем авторов, которые больше всего подходили под их намерения. Они поощряли подделку.

Когда мы видим ученый цех составителей св. писания работающих с восторженностью школьника над сочинением каждой части этой сказочной книги, подверженных чудовищной идее появления

сына бога из чрева девственницы посредством духа, тут никак нельзя не заподозрить в подделке. Каждая фраза и каждый случай носит отпечаток суеверной пытки варварской рукой и искусственного старания придать им смысл, вопреки возможному. Начало каждой главы и верх каждой страницы пестрят именами Христа и церкви, дабы неосторожный читатель успел всосать их, прежде чем он начнет читать.

Место "Вот дева зачнет, и родит сына", книга Исаии, гл. 7, ст. 14, истолковали в том смысле, что это означало Иисуса Христа и мать его, Марию, и об этом звонили они посредством христианства на протяжении более 1000 лет. И таково было бешенство этого учения, что в нем едва ли где либо найдется место, незапятнанное кровью и неознаменованное полнейшим опустошением. Хотя в мое намерение и не входят споры по таким предметам, я, ограничиваясь всецело тем, чтобы показать подложность библии и, таким образом, сняв фундамент, опрокинуть сразу воздвигнутое на нем здание суеверия,—все же, остановлюсь на момент, чтобы изобличить лежность применения этой выдержки.

Сыграл-ли Исаия злую шутку над Ахазом, царем Иудеи, которому приведенное выражение было сказано, не мое дело. Я думаю только показать ложное применение выдержки и то, что она не имеет большего отношения к Христу и его матери, чем, положим, ко мне и моей матери. История просто такова: царь Сирии и царь Израильский об'явили вместе войну Ахазу, царю Иудеи и направили свои армии к Иерусалиму. Ахаз и его народ сильно испугались, по поводу чего в стихе 2-ом говорится: **"И всколебалось сердце его и сердце народа его, как колеблются от ветра деревья в лесу."**

При таком стечении обстоятельств, Исаия обращается к Ахазу и уверяет его именем господа, что эти два царя ничего не сделают ему, и чтобы убедить в этом Ахаза предлагает ему испросить знамение. Ахаз, однако, как говорится, отклонил это предложение под предлогом того, что он не хотел пытать господа; поэтому Исаия, которому принадлежит здесь речь, говорит (ст. 14): **"Поэтому господь сам даст тебе знание: и вот дева зачнет и родит сына"; а в**

16 стихе: "Но прежде чем отрок приобретет знание отвергать злое и избирать доброе, будет покинута та земля, от которой ты отвращаешься из-за двух царей ее".

Обязав себя таким образом, Исаие было необходимо принять меры к тому, чтобы это знамение появилось; иначе он оказался бы лжепророком и должен был бы понести связанные с этим последствия. Ни в какое время не представляло особенной трудности найти девицу с ребенком, или сделать ее таковою заранее. Вероятно Исаия имел даже в виду такой пример, ибо я не предполагаю, что пророки тех дней были более надежными, чем попы нашего времени. Как бы там не было, в следующей главе он говорит, ст. 2: "И я взял себе верных свидетелей, Урию, священника, и Захарию, сына Варахиина. И приступил я к пророчице, а она зачала, и родила сына."

Таким образом, тут мы имеем всю историю с сыном и матерью, как бы глупа эта история не была. И только на основании голого извращения этой истории, книга Матвея и наглые и низкие интересы попов позднейших времен сочинили теорию, названную евангелием, и применили эту историю к лицу, которое они называют Иисусом Христом, зачатым, как они говорят, святым духом во чреве женщины, уже обрученной и потом вышедшей замуж и которую они называют девой, спустя семь сот лет после того, как появилась эта глупая история.*)

Для того, чтобы показать фальшь Исаии, мы должны только обратить наше внимание на финал этой истории, которая, хотя и проходится молчанием в книге Исаии, приводится в 28 главе второй книги Паралипоменона, где говорится, что упомянутые два царя, вместо поражения, как предсказал Исаия от имени господа, одержали победу. Ахаз был побежден и уничтожен и 120.000 его народа были истреблены, Иерусалим был разграблен и 200.000 женщин, сыновей и дочерей уведены в плен. Это все, что относится

*) В 14-ом стихе 7-ой главы говорится, что ребенок должен называться Эммануилом. Но это имя никому не давалось иначе, как с обыкновенным значением самого слова. Ребенок, о котором говорила пророчица, назывался Махершалал Хаш — вас, а ребенок Марии назывался Иисусом.

к этому лгущему пророку и обманщику Исаии в книге лжи, носящей его имя.

Я перехожу к книге Иеремии. Этот, будто бы пророк, жил в то время, когда Навуходоносор осадил Иерусалим, в период царствования Зедекии, последнего царя Иудеи. Против этого пророка существовало сильное подозрение, что он был предателем в пользу Навуходоносора. Все, что рассказывается о времени, характеризует его как человека двухсмысленного характера. В его метафоре о горшке и глине, гл. 18, он так искусно оберегает свои предсказания, что всегда оставляет для себя лазейку на случай, если выйдет что либо обратное тому, что он предсказывал.

В 7-ом и 8-ом стихах той же главы он заставляет говорить всеведущего следующими словами: "Иногда я скажу о каком нибудь народе и царстве, чтобы удалить, сокрушить и погубить его; но если этот народ раскается в своих злодеяниях, за которые это я назначил ему, то и мне жаль совершить бедствие, которое я думал сделать ему." Это против одной стороны дела, а теперь идет другая сторона.

Стих 9 и 10: "А иной раз я скажу о каком нибудь народе и царстве, чтобы устроить и укоренить его; но если он будет делать зло перед очами моими, не слушая гласа моего, то и я отменяю добро, которым я думал бы осчастливить его." Это против другой стороны; и согласно этому плану пророчествования, пророк никогда не мог быть не правым, какое бы множество ошибок не делал всемогущий господь. Этот сорт бестолковой увертки и этот способ разговора о всемогущем, как если бы кто говорил о человеке, как нельзя лучше характеризует глупость библии.

Что же касается подлинности книги, то следует ее только прочесть, чтобы решить, что хотя некоторые выдержки, приведенные в ней и могли быть сказаны Иеремией, сам он отнюдь не является автором книги. Исторические части книги, если только они могут быть так названы, находятся в самом запутанном состоянии; одни и те же события повторяются несколько раз, на различный лад, а иногда и противоречат одно другому, и эта путаница доходит до последней главы, где начинается сызнова история большей части

книги и внезапно обрывается. Эта книга имеет все внешние признаки мешанины бессвязных анекдотов о лицах и вещах того времени, собранных вместе самым грубым образом, как если бы мы нашли связку газет нашего времени с различными противоречивыми рассказами о лицах и вещах, собранных вместе без числа, порядка или каких либо об'яснений. Я приведу два или три примера такого рода.

Из содержания 37 главы видно, что армия Навуходоносора, называемая армией Халдеев, осаждала Иерусалим уже некоторое время и, услышав, что армия египетского фараона идет против нее, сняла осаду и на некоторое время отступила. Здесь следовало бы заметить для удобства понимания этой запутанной истории, что Навуходоносор осадил и взял. Иерусалим в царствование Иоакима, предшественника Зедекии и что Навуходоносор возвел Зедекию в цари или, скорее, в наместники, и что эта вторая осада, о которой говорится в книге Иеремии, случилась вследствие восстания Зедекии против Навуходоносора. Это об'яснит до известной степени подозрение в измене в пользу Навуходоносора, павшее на Иеремию; Навуходоносора, которого Иеремия в 43 главе, ст. 10, называет слугою бога.

В 11 стихе этой главы говорится: "**Когда же войско халдейское, страшась войска Фараонова, отступило от Иерусалима; то Иеремия вышел из Иерусалима, чтобы уйти в землю Вениаминову,** ускользая оттуда среди народа. Но когда он был у ворот Вениаминовых, тут были и начальник стражи, по имени Ирепя, сын Селемия, сына Ананиева; и взял Иеремию, пророка, говоря: ты хочешь перебежать к халдеям. И сказал им Иеремия: это ложь: я не хочу перебежать к халдеям." Задержанный при таких условиях, Иеремия был допрошен и заключен в тюрьму по подозрению в измене, где он остался, как заявляет последний стих этой главы.

Следующая глава содержит историю его заключения в тюрьму, которая не имеет никакой связи с приведенным рассказом, и приписывает его заключение другому обстоятельству, о котором говорится в 21 главе. Здесь в ст. 1, говорится, что Зедекия послал Пасхора, сына Малхиина и Софонию сына Маасиева, священника, к

Иеремии распросить его о Навуходоносоре, армия которого осаждала Иерусалим; Иеремия ответил им, (ст. 8 и 9): "Вот я предлагаю вам путь жизни и путь смерти: кто останется в городе сем, тот умрет либо от меча, либо от голода, либо от язвы; а кто выйдет отсюда и передастся халдеям, осаждающим вас, тот будет жив, а душа его будет для него вместо добычи".

Этот разговор внезапно обрывается в конце 10 стиха 21 гл., дальше же идет такой беспорядок, что мы должны пройти 16 глав посвященных разным предметам, прежде чем дойдем до продолжения этого разговора, который заводит нас до 38-ой главы, как я уже заметил.

38-ая глава начинается словами: "И услышали Софония, сын Матфанов, и Годолия, сын Пасхаров, и Иоахил, сын Селемиев, и Пасхор, сын Малхиев, слова, которые Иеремия произносил всему народу, говоря: "Так говорит господь: кто останется в городе сем, тот умрет от меча, голода и язвы; а кто выйдет к халдеям, тот будет жив, и душа его будет ему вместо добычи, и он останется жить. Поэтому они обращаются по адресу Иеремии с словами: "Да будет умерщвлен этот человек за то, что он ослабляет руки воинов, оставшихся в этом городе, и руки всего народа, говоря им такие речи; ибо этот человек не благоденствия желает народу сему, а бедствия". А в 6-ом стихе говорится: "Тогда взяли Иеремию и бросили его в яму Малхия."

Эти два рассказа различны и противоречивы. Один рассказ приписывает заключение Иеремии в тюрьму его попытке убежать из города, тогда как другой,—его проповеди и предсказанию в городе. Один рассказ передает, что он был арестован стражей у ворот, другой—что он был обвинен его же сообщниками перед Задекией.

В следующей главе 39-ой мы имеем другой пример путаницы в книге. Не смотря на то, что осада Навуходоносором Иерусалима была предметом описания нескольких предыдущих глав, особенно же 37-ой. и 38-ой, 39-ая глава начинается так, как будто до того времени не было сказано по этому предмету ни одного слова, и как будто читатель должен быть снабжен каждой подробностью этой истории, так как она начинается словами, см. 1 ст."В 9ый год Зедекии, царя

Иудейского, в 10-ом месяце пришел Навуходоносор, царь Вавилонский со всем войском своим к Иерусалиму и обложил его“. .. ..

Пример приводимый в последней (52-ой) главе еще более разителен, так как хотя рассказ передавался снова и снова, эта глава предполагает, что читатель ничего о нем не знает, и потому начинается следующими словами (ст. 1.); ”Зедекии было 21 год, когда он воцарился; царствовал же 11 лет в Иерусалиме; имя матери его: Амуталь, дочь Иеремии, из Довны. (ст. 4). И было, что в 9-й год его царствования, в 10-й месяц и в десятый день месяца, пришел Навуходоносор, царь Вавилонский, сам и все войска его, к Иерусалиму, и обложили его, и устроили вокруг него насыпи“..

Невозможно, чтобы один человек, а в особенности Иеремия, мог быть автором этой книги. Ошибки здесь таковы, что не могли быть сделаны одним лицом, засевшим за сочинение этого труда. Если бы я, или кто другой, должен был написать что либо в таком запутанном виде, то никто не стал бы читать написанного, и всякий подумал бы, что писатель был в состоянии безумия. Поэтому, единственное об'яснение путаницы то, что книга представляет из себя мешанину бессвязных, безличных анекдотов, собранных вместе под именем Иеремии, каким нибудь глупым книгоиздателем

Из 38 главы видно, что во время пребывания Иеремии в тюрьме, Зедекия послал за ним и в этом частном разговоре—Иеремия горячо убеждал Зедекию сдаться врагу. “Если,” говорил он тонко, ”ты выйдешь к вельможам царя Вавилонского, то душа твоя будет жива, и город сей не будет сожжен огнем, и станешь жить ты и дом твой“. Зедекия опасался того, чтобы предмет его разговора с Иеремией не получил огласки и потому он говорил ему: ст. 25) ”И если вельможи (Иудейские) услышат, что я разговаривал с тобою, придут к тебе и скажут тебе: расскажи нам, что ты говорил царю, не скрывай от нас, чтобы мы не умертвили тебя, и что говорил тебе царь, тогда отвечай им: я повернул мою просьбу перед царем, чтобы меня не возвращали в дом Ионофана, чтобы меня не умертвить там.“ И пришли все вельможи к Иеремии и стали спрашивать его; и он отвечал им согласно с теми словами, какие заповедал ему царь; и они молча отошли от него, ибо дела не услыша-

ли“. Таким образом, этот представитель бога, как его называют, мог говорить ложь, или сильно кривить душою при надобности, так как известно, что он пошел к Зедекии не для показания, которого он и не делал, а пошел потому, что его позвали, и использовал этот момент на то, чтобы убедить Зедекию сдаться Навуходоносору.

В 34-ой главе приводится предсказание для Зедекии в словах (ст.2): ”Так говорит господь бог; если я отдаю сей город в руки царя Вавилонского, и он сожжет его огнем; и ты не избавишься от руки его, но непременно будешь взят и предан в руки его, и твои глаза увидят глаза царя Вавилонского, и уста его будут говорить с твоими устами, и ты пойдешь в Вавилон. Однако, выслушай слово господне, Зедекия, царь Иудейский! Так сказал тебе господь: ты не умрешь от меча; ты умрешь в мире, и, как над отцами твоими, прежними царями, которые были до тебя, сжигали благовония, так сожгут и над тобою, и оплачут тебя: ”Увы государь!“ Я сам сказал это слово, говорит господь“.

На самом деле, вместо встречи Зедекии с царем Вавилонским и разговора с ним, и мирной смерти Зедекии при благоуханных запахах, как заявил ему Иеремия от имени господа, согласно 52 главе, случилось как раз обратное: (ст 10) ”И заколол царь Вавилонский сыновей Зедекии перед глазами его, и всех вельмож Иудейских заколол также в Ривле. И ослепил глаза Зедекии, и велел оковать его двойными цепями; и царь Вавилонский отвел его в Вавилон, и отдал его в дом стражи до дня смерти его“. Что же мы, после этого, можем сказать об этих пророках, кроме того, что они лжецы и обманщики?

Что касается Иеремии, то он не испытал ни одного из этих бедствий. Он попал в милость к Навуходоносору, который дал ему в качестве служителя капитана стражи (гл. 39, ст. 12): ”Возьми его и обрати на него внимание твое, и не делай ему ничего худого, и поступай с ним так, как он скажет тебе.“ Впоследствии Иеремия пристал к Навуходоносору и стал делать ему предсказания против египтян, которые шли на помощь осажденному Иерусалиму. Это все, касательно другого пророчествовавшего лжеца и книги, которая носит его имя.

Я останавливался более подробно на книгах, приписываемых Исаие и Иеремии, так как оба эти лица упоминаются в книгах Царей и Паралипоменона, тогда как о других не говорится ничего. Остальные книги, приписываемые людям, именовавшимся пророками, не стоят особенного внимания и я остановлюсь только на общей характеристике людей, величавшихся пророками.

В первой части этой книги я сказал, что слово пророк на языке библии означало—поэт и что из художественных полетов мысли, из метафор еврейских поэтов было сделано то, что теперь глупо называют пророчеством. Это мое мнение достаточно оправдывается не только тем, что т. н. пророчества написаны поэтическим языком, но и тем, что во всей библии нет ни одного слова, которое бы иначе называло поэта, как словом пророк. Я сказал также, что это слово означало и музыканта, и привел несколько примеров для доказательства, как например—группу пророчествовавших, с псалтырями, арфами, дудками, барабанами и др., с которыми участвовал Саул, кн. 1, Самуила гл. 10, ст. 5. Из этой выдержки, а также и из других частей книги Самуила видно, что "пророчествованием" называли поэзию и музыку, а человек, который предполагалось, обладал силою ясновидения того, что было скрыто в вещах, назывался не пророком, а ясновидцем. (См. кн. 1, Самуила, гл. 9, ст. 9). И только после того, как слово "ясновидец" вышло из употребления, занятие ясновидца или искусство ясновидения вошло в слово пророк.

Согласно современному пониманию, слова—пророк или пророчествовать, обозначают предсказание событий вперед, на большое протяжение времени. Сочинителям евангелия необходимо было придать этому слову именно этот смысл, чтобы перенести т. н. "пророчества" Ветхого Завета—в Новый. Согласно Ветхому Завету, предсказания ясновидца, а впоследствии и пророка, относились только к событиям их времени, или же к тем из них, которые были тесно связаны с этим временем, так напр. к происходившей, или имевший тогда произойти, войне, путешествию, или к какому нибудь предприятию и т. д., но отнюдь не к событиям далекого будущего. Такой род предсказания соответствует тому, что мы на-

зываем гаданием,—о богатстве, о счастливой или несчастливой будущности брака и проч. Только подделки христианской церковью, а не евреями и невежество вместе с суеверием более поздних времен, а не древних,—возвели этих музыкантов, поэтов, гадателей, мечтателей и бродячих шарлатанов в тот чин, который они с тех пор носят.

Кроме этого общего характера всех "пророков", они имели еще и особые признаки. Они принадлежали к определенным партиям и предсказывали за или против, смотря по партийной принадлежности, как литературные и политические писатели нашего времени пишут за партию, к которой они принадлежат и против другой.

После того, как евреи разделились на две нации, Иудейскую и Израильскую, каждая из них имела своих пророков, которые клеветали и обвиняли, одни других, в лжепророчестве, обмане и т. д.

Пророки Израильской партии предсказывали против пророков Иудейской партии и наоборот. Это партийное пророчество показало себя немедленно же после раз'единения, между двумя соперниками-царями, Ровоамом и Ировоамом. Пророк проклинавший и предсказывавший против храма, построенного в Вефиле Иеровоамом, был из партии Иудейской, где царем был Ровоам. По пути домой этого пророка встретил пророк из Израильской партии, который спросил его (1 кн. Царей, 21 гл.): "**Ты ли человек, пришедший из Иудеи? И сказал, тот: я**". Тогда израильский пророк сказал ему: "**И я пророк такой же как и ты; и ангел изрек мне по повелению господа, сказав: вороти его к себе в дом; пусть поест он хлеба и напьется воды. Он солгал ему.**"

Однако, согласно рассказу, случилось так, что иудейский пророк никогда более не вернулся в Иудею, так как был найден на дороге мертвым. Об этом позаботился израильский пророк, который, несомненно, был назван своей партией истинным пророком, в то время как иудейский — лжепророком.

В третьей главе второй книги "Царей" приводится пророчество или гадание, характеризующее несколько подробнее пророка или гадальщика. Иесофат, царь Иудеи и Иеровоам, царь Израильский, на время прекратили между собою вражду и вошли в союз,

и оба вместе с царем Едома пошли войною против царя Моабитского. На пути в эту страну союзные армии терпели сильный недостаток в воде, по поводу чего Иесофат сказал: "Нет здесь пророка господня, чтобы нам вопросить господа через него? И отвечал один из слуг царя израильского и сказал: Здесь Елисей, сын Сафатов, который возливал воду на руку Илии. И сказал Иесофат: Есть у него слово господне." Рассказ передает, что все три царя отправились к Елисею и когда последний (будучи пророком Иудеи) увидел царя Израильского, то обратился к нему: "Что тебе до меня? Поди к пророкам отца твоего и к пророкам матери твоей. И сказал ему царь Израильский: ни; потому что господь созвал трех царей сих, чтобы предать их в руки Мааба," имея в виду отсутствие воды. На это Елисей ответил: "Жив господь Саваоф, пред которым я стою, если бы я не уважал Иософата, царя Иудейского, то не взглянул бы на тебя и не видел бы тебя." Здесь видна вся вульгарность и злоба партийного пророка. Теперь мы посмотрим на самое предсказание, ст. 15: "А теперь подайте мне гусляра. И когда гусляр играл на нем была рука господня." Это фарс знахарства. А само предсказание говорит (под тон музыкального инструмента и д. б. на распев): "Делайте на этой долине рвы за рвами, ибо так говорит господь", что посоветовал бы всякий земледелец без какой либо музыки или фарса для того, чтобы добыть воды из ямы.

Но так как не всякий гадальщик пользовался одинаковой с другими словами за сходные деяния, то и у пророков имелись свои различия; ибо хотя все они—лгали, но некоторые особенно отличились чрезмерностью своих проклятий.
Елисей был как раз один из этой группы пророков. Это он проклял 42 мальчика во имя господа, котоых растерзали две медведицы. Следует предположить, что эти мальчики были Израильтяне. Но так как проклинающий должен лгать, то и рассказу Елисея об этих 2-х медведицах не следует оказывать большого доверия.

Были еще и другого сорта люди, называвшиеся пророками. Они забавлялись мечтами и видениями, неизвестно, однако, днем или ночью. Эти люди если и не были вредными, были тем не менее сеятелями обмана. К этому сорту пророков относится Езекииль и Даниил.

В отношении книг, носящих их имена возникает тот же вопрос, что и раньше: были-ли они доподлинно авторами этих книг.

Хотя доказательств никаких нет, лично я скорее склонен верить, что да, они авторы этих книг. Во первых эти книги не содержат внутреннего доказательства того, что они написаны не Езекиилом и Даниилом, как книги Моисея, Иисуса, Самуила и др. Во вторых, эти книги не были написаны до начала Вавилонского плена и есть много оснований верить, что ни одна из книг библии не была написана до этого времени. В третьих, самый характер писаний, приписываемых Езекиилу и Даниилу соответствует тогдашнему состоянию этих людей.

Эти две книги отличаются от всех других тем, что они заполнены мечтаниями и видениями, и это различие возникло из разницы в положении этих авторов—они были военнопленными в чужой стране, что заставляло их передавать даже самые ничтожные по характеру сообщения или поэтические произведения в самых темных и иносказательных выражениях. Они притворялись, что видели сны или привидения, так как им было небезопасно говорить о действительности обыкновенным языком. Однако, мы должны предположить, что лица, которым они писали, понимали их писания. Езекиил и Даниил были уведены пленниками в Вавилон в первое пленение, во время Иоакима, за 9 лет до второго пленения, которе было уже при царе Зедекии.

Евреи тогда еще были многочисленны и располагали значительной силой в Иерусалиме, и вполне естественно предполагать, что Езекиил и Даниил, мечтая об освобождении как своей страны, так и себя лично, путем этих иносказаний облегчали свою переписку,—это служило для них шифром или тайным алфавитом. Помимо же этого, все их писания—одни сказки и бессмыслица.

Езекиил начинает свои книги описанием видения,—херувимов и колеса в колесе, которое явилось ему у реки Хебар, в Вавилоне. Разве нельзя предполагать, что этим он подразумевал Иерусалимский храм, где имелись фигуры херувимов? А колесом в колесе (которое всегда обозначало политические неурядицы) план освобождения Иерусалима?

В последующей части этой книги он видит себя перенесенным в Иерусалим, в храм.

И возвращаясь к видению на реке Хебар, говорит (гл. 43, ст. 37, что оба эти видения однозначущи. Это указывает на то, что эти воображаемые видения и сны имели своей целью освобождение Иерусалима и ничего больше.

Было бы абсурдом предположить, что люди в положении Езекиила и Даниила, страна которых была опустошена и захвачена врагами и все друзья и родные которых были в плену далеко от родины или в рабстве, дома — не нашли никакого другого занятия себе, кроме размышления о том, что могло случиться с другими нациями за тысячу лет или две после их смерти. В то же время нет ничего более естественного, как то, что они должны были думать о восстановлении Иерусалима и освобождении их самих из плена; и это, видимо, было единственным предметом всех их туманных и заведомо неистовых писаний.

В этом смысле, форма изложения употребляемая в этих двух книгах, будучи навязанной необходимостью — безупречна. Если же принять их в качестве предсказаний, то они ложны. В 29 главе Езекиил, говоря о Египте (ст. 11), пишет: "**Не будет проходить по ней нога человека, и нога скотов не будет ходить по ней, и не будет обитать на ней сорок лет**". Этого никогда не произошло и следовательно — это ложь, такая же, как и в других, уже рассмотренных мною, книгах.

В первой части этой книги я говорил об Ионе и его истории с китом. Это-подходящая история для осмеяния, если она только была написана для того, чтобы ей верили, или для смеха — если этим думали испытать, как много может проглотить легковерие; так как, если оно могло проглотить Иону и кита, то могло проглотить и все что угодно.

Но как и раньше было показано в заметках о книге "Иова" и "Притчей", неясно, какие книги в библии были оригинально еврейскими и какие-переводами из не-еврейских книг на еврейский язык. Книга Ионы, будучи далека от описания дел евреев, ничего не говорит по этому предмету, а занята описанием не-евреев (джен-

тайл) и была написана как сказка, чтобы выставить бессмыслицу и осмеять порочный и злостный характер библейского пророка или предсказывающего попа.

Вначале Иона представлен как непослушный пророк, убегающий от своей миссии и находящий приют на судне язычников (джентайлс), направляющихся из Иопии в Фарсис, как будто он мог по неведению предположить, что можно скрыться туда, где бы его не мог найти бог. Судно на пути потерпело крушение и все моряки, язычники, полагая, что это случилось по вине кого нибудь из находящихся на судне решили бросить жребий, чтобы найти виновника. И жребий пал на Иону. Но раньше этого они выбросили весь свой товар через борт, чтобы облегчить судно, в то время как Иона, как дурак, спал крепким сном внутри судна.

После того как жребий определил Иону как преступника, моряки устроили ему допрос, кто он и что он. Иона же сказал им, что он еврей, и рассказ намекает на то, что он сознался в вине. Однако эти язычники, прежде чем принести его немедленно же в жертву, без сожаления, как это сделала бы компания библейских пророков с язычником, в подобном случае, пытались спасти его, рискуя собственной жизнью, о чем рассказ и говорит: "Не смотря на это эти люди стали было усиленно грести, чтобы возвратиться на сушу; но не могли, потому что море все продолжало бушевать против них." И все же они не хотели привести в исполнение решение жребия и взывали к богу, говоря (ст. 14): "Молим тебя, господи, да не погибнем за душу человека сего, да не обратишь на нас кровь невинного, ибо ты, господи, можешь совершить все, что благоугодно тебе," понимая под этим, что они не предполагали осуждать его, так как он был н е в и н е н, но смотрели на жребий, как на решение выпавшее ему от бога, или по его желанию. Обращение этой молитвы показывает, что язычники поклонялись единому высшему существу, и что они не были идолопоклонниками, какими их представляли евреи. Но буря все продолжалась, страх увеличивался и они привели решение жребия в исполнение и сбросили Иону в море, где, согласно рассказу, его целого и живого проглотила огромная рыба.

Теперь мы перенесемся к Ионе, который безопасно устроился в животе кита. Нам говорят, что он здесь молился. Но молитва эта сбор из разных псалм без всякой связи и смысла, соответствуя отчаянию, вовсе не соответствовала тому положению, в котором очутился Иона.

Это такая молитва, которую мог скопировать всякий язычник, понимавший что нибудь в псалмах. Одно это обстоятельство, если нет других, достаточно показывает искусственный характер рассказа. Молитва, однако, видимо отвечала надобности и рассказ далее говорит: "И повелел (по английски—"сказал") господь рыбе, и она извергла Иону на сушу."

После этого Иона получил новую миссию в Ниневию, куда он и направился; и мы должны смотреть на него, как на проповедника. Бедствие, будто бы пережитое им, воспоминание о своем непослушании, как причина этого и чудесное его будто бы избавление, были достаточны, можно думать, для того, чтобы он проникся сочувствием и ревностью к исполнению своей миссии. Вместо этого он входит в город с обличениями и проклятиями, крича (стих 4): "Еще сорок дней, и Ниневия будет разрушена."

Теперь мы должны рассмотреть этого будто-бы миссионера в последнем действии его миссии. И здесь то обнаруживается во всей черноте злостный дух библейского пророка или попа-предсказателя.

Окончив свои публичные предсказания, Иона, переселился в восточную часть города, в ожидании разрушения Ниневии. Но согласно рассказу, Ниневия исправилась и бог оставил, по словам библии, то зло, которое он намеревался учинить ей. "Это сильно разгневало Иону," говорится в первом стихе последней главы. Его жестокое сердце желало скорее разрушения Ниневии, чтобы каждая душа, молодая или старая, погибла в ее развалинах, нежели неисполнения его предсказания. Чтобы испытать характер пророка, ночью вырастает клещевина, укрывает его тенью листьев от знойного солнца; и на следующее утро засыхает.

Тут гнев пророка выходит за все пределы и он готов покончить с собою. "Мне лучше умереть, чем жить, говорит он. Это его восклицание вызывает взаимные упреки между богом и пророком, при

чем, первый говорит: "Ужели ты так сильно огорчился за клещевину? Он отвечал: Очень огорчен я. Даже до смерти. Тогда сказал господь: Ты жалеешь клещевины, над которой ты не трудился и которой ты не растил, которая в одну ночь выросла и в одну же ночь и пропала. А мне ужели не пожалеть Ниневии, града великого, в котором более 120,000 человек, не умеющих отличить правой руки от левой, и притом множество скота."

Здесь переплетены и сатира и мораль сказки. Как сатира, она бьет по характеру библейских пророков и всяких несправедливых осуждений мужчин женщин и детей, которыми заполнена эта лгущая книга (библия), вроде Ноевского потопа, уничтожения Содома и Гоморы, поражения Хананеян, вплоть до грудных младенцев и беременных женщин. Выдержка осмеивает также не равное отношения создателя к нациям, так как одни нации им любимы более, чем другие.

Как мораль, выдержка говорит против злостного духа предсказания, так как если человек предсказывает зло, то он склонен желать того же. Желание, чтобы его осуждение оправдалось, заставляет костенеть его сердце до тех пор, пока он не увидит к удовольствию своему или огорчению, исполнение или неисполнение предсказания.

Что касается поэтических частей библии, называемых пророчествами, то я говорил о них в первой части этой книги, а отчасти и в этой, где отмечал, что слово "пророк" это блилейское название поэта.

Вавилонская блудница была общей блудницей всех попов, и каждый из них обвинял другого в содержании ее; так хорошо они сходятся в своих об'яснениях.

Остается несколько книг, так называемых малых пророков. Но так как я показал уже, что т. н. великие пророки были обманщиками, то было бы с моей стороны трусостью беспокоить покой малых. Пусть они спят в об'ятиях своих нянек, попов и да будут они забыты.

Я прошел через библию, как человек прошел через лес с топором, рубя деревья. Они могут закопать их в землю, но никогда им более не вырости.

НОВЫЙ ЗАВЕТ.

Нам говорят, что Новый Завет основан на пророческих предсказаниях Ветхого. Если это так, то его должна постигнуть участь его же основания.

Нет ничего необычайного в том, что женщина может иметь ребенка раньше чем выйти замуж. Нет ничего удивительного и в том, что сын, рожденный от нее, мог быть несправедливо казненным. Я не вижу оснований для того, чтобы не поверить, что такая женщина, как Мария, или такой человек как Иисус или Иосиф—существовали. Собственно факт их существования совершенно безразличен и в это можно в одинаковой степени верить и не верить, вообще это подходит под выражение: а может быть и так; но что же из этого?

Я не интересуюсь совершенно установлением того факта, существовал или не существовал Иисус Христос. То, что интересует меня здесь, это повествование о нем, написанное в Новом Завете и та дикая теория, которая выросла в связи с ним. Вот это то я и оспариваю. История эта по Новому Завету повествует о молодой, помолвленной женщине. Еще до замужества у нее, просто говоря, произвел дебош дух под нечестивым предлогом (см. Ев. Луки гл. 1. ст. 35).—"Дух святый найдет на тебя и сила всевышнего осенит тебя". Не смотря на это Иосиф женится на ней, сожительствует с ней, как с женой и в свою очередь соперничает с духом. Это вот вся история, если передать ее на понятном языке. И если передавать ее именно так, то не найдется попа, который не устыдился бы считать ее своей*.

Непристойность в делах веры, как бы она не была прикрыта, всегда является предметом выдумки и шарлатанства.

Собственно, если взять эту историю так, как она есть, то она

*) Мария, предполагаемая девственница, мать Иисуса имела, несколько других детей, сыновей и дочерей. (См. Матфея, Гл. XIII, ст. 55, 56).

такова же по характеру, как и история Юпитера с Ледою или Юпитера с Европою или другое какое либо из любовных его похождений. Я уже говорил, что христианская религия построена на языческой мифологии.

Так как исторические части Нового Завета, поскольку это касается Иисуса Христа, занимают очень короткий промежуток времени, меньше 2-х лет и все в одной и той же стране и почти на одном и том же месте, несходство времени, места и обстоятельств, вскрывают ложность книг Ветхого Завета и доказывают, что эти книги являются выдумкой.

Новый Завет в сравнении с Ветхим похож на одноактный фарс, в котором нет места особенно сильным расхождениям. Однако, есть несколько противоречий, которые, исключая ложность предполагаемых пророчеств, достаточны для того, чтобы показать, что история о Иисусе Христе ложна.

Я ставлю неоспоримое положение. Во-первых, что соответствие всех частей истории не доказывает еще истинности ее, так как части могут согласоваться и все же целое может быть ложным. Во вторых, что несоответствие частей истории доказывает, что в целом она не может быть истинной. Соответствие не доказывает истинности, но несоответствие положительно доказывает ложность.

История жизни Иисуса Христа содержится в 4-х книгах, приписываемых Матвею, Марку, Луке и Иоанну. Первая глава по Матвею начинается с генеалогии (родословная) Иисуса Христа; также 3-я глава Луки—тоже дает генеалогию его. Если бы они обе говорили одно и то же, то это бы не могло служить доказательством верности генеалогии, так как обе истории могли быть одной фабрикацией. Но дело в том, что они противоречат одна другой во всех подробностях и поэтому генеалогию нужно принять за чистейшую ложь. Если Матвей говорит правду, то Лука лжет, а если Лука говорит правду—Матвей говорит ложь. Главное, нет никаких данных, которые указывали бы, что одному из них можно верить больше, чем другому; и если им нельзя верить в их первых заявлениях, то им вообще не стоит верить в дальнейшем их писании. Истина—это целостная вещь, и мы должны признать, что для того, чтобы быть предметом вдохновения

и откровения, она не должна быть противоречивою. И в таком случае или люди, называемые апостолами—были лжецами, или же книги, которые приписываются им, были написаны другими лицами.

Евангелие Матвея в главе 1, стих 6, дает генеалогию, начиная с Давида и кончая Иосифом, мужем Марии и Христом, насчитывает всего 28 поколений. Евангелие Луки также дает генеалогию с Христа через Иосифа, мужа Марии и восходит до Давида и по его подсчету выходит 43 поколения; и только Давид и Иосиф одинаково упоминаются и в том и в другом Евангелии. Я здесь привожу для большей ясности и сравнения, оба генеалогических листа, так как они помещены в евангелиях Матвея и Луки.

Генеалогия по евангелию Матвея:

1. Христос	8. Садок	15. Иосия	22. Иорам
2. Иосиф	9. Азор	16. Амон	23. Иосафат
3. Яков	10. Элиаким	17. Манассия	24. Аса
4. Матфан	11. Авиуд	18. Езекия	25. Авия
5. Елиазар	12. Зоровавель	19. Ахаз	26. Ровоам
6. Елиуд	13. Салафиил	20. Иоафам	27. Соломон
7. Ахим	14. Иехония	21. Озия	28. Давид *)

Генеалогия по евангелию Луки.

1. Христос	12. Еслим	23. Нери	34. Симеон
2. Иосиф	13. Наггей	24. Мелхий	35. Иуда
3. Илия	14. Мааф	25. Аддий	36. Иосиф
4. Матфат	15. Матафия	26. Косам	37. Ионан
5. Левий	16. Семия	27. Елмодам	38. Елиаким
6. Мелхий	17. Иосиф	28. Ир	39. Мелеай
7. Иоанна	18. Иуда	29. Иосий	40. Менан
8. Иосиф	19. Иоанна	30. Елиезер	41. Матафа
9. Матафия	20. Реза	31. Иорим	42. Нафан
10. Амос	21. Зоровавель	32. Матфат	43. Давид
11. Наум	22. Салафиил	33. Левий	

Если Матвей и Лука в самом деле начали со лжи (как показывают эти два подсчета) свою историю о жизни Христа и о том, кто он был и кем он был, то как можно верить в странные вещи, о которых эти апостолы говорят нам в дальнейшем? Если нельзя поверить их рассказу о естественном его происхождении, то как мы можем им верить, когда они говорят, что он был — сын божий и зачат духом и что ангел секретно возвестил обо всем этом его матери. Если они лгали в одной генеалогии, почему мы должны верить им в другой? Если действительная (земная) генеалогия Христа оказывается сфабрикованной, то как же мы можем не допустить, что его небесная генеалогия также сфабрикована, и что все это вместе взятое—одна ложь, один обман?

Первый вопрос, который встает в связи с Новым и Ветхим Заветом, это — и в самом ли деле действительны обе эти книги? Написаны ли они теми лицами, которым их приписывают?
По этому поводу нет прямого доказательства за или против, и все что говорится, представляет из себя одно сомнение, а сомнение, известно, является обратным верованию.

Но и помимо этого — есть основание думать, что книги, названные евангелиями и приписанные Матвею, Марку, Луке и Иоанну, не были написаны ими, а являются подлогами. Разноречивое содержание этих 4-х книг, умалчивание в одной книге о вещах рассказываемых в другой и несогласие, находимое в них, доказывают, что они являются продуктом фабрикации других лиц, не связанных ничем с событиями, а живших спустя множество лет после времени, предполагаемые события которого они описывают. Каждый из них, поэтому, сочинил свою собственную сказку. Если бы эти книги писали апостолы, т. е. — люди жившие вместе и близко соприкасавшиеся друг с другом, то они бы не написали такой разноголосицы и противоречий.

История о возвещении ангела, называемая церковью непорочным зачатием — выдумка, и даже не упоминается в книгах Марка и Иоанна, а у Матвея и у Луки она выходит по разному. Матвей говорит, что ангел раньше явился Иосифу, а Лука утверждает, что—Марии, но ни тот ни другой не могут быть никем, как самыми худшими

свидетелями в данном случае, ибо кто станет свидетельствовать за них; они сами, известное дело, за себя не могут свидетельствовать.

Можно ли предположить, чтобы девушка, которая забеременела, сказала об этом и даже поклялась, что она забеременела от какого-то духа и что об этом сказал ей ангел и она поверила? конечно, нет. Так почему мы должны верить тому же о другой девушке, которую мы никогда не видели, по рассказам совершенно неизвестных лиц, неизвестно когда написанным и где написанным.

История истребления всех еврейских младенцев Иродом относится всецело к книге Матвея; никто из остальных 3-х евангелистов не упоминает об этом. Если бы такой факт был действителен, то факт общеизвестности сделал бы его одинаково предметом описания всех писателей, ибо, сам по себе, он слишком разителен для того, чтобы быть пропущенным. Этот писатель (Матвей) говорит нам, что Иисус Христос избег этой бойни, потому что Иосиф и Мария были предупреждены ангелом бежать с ним в Египет. Но он забыл совершенно об Иоанне Крестителе, которому тогда еще не было и 2-х лет от роду. Иоанн, оставшийся в Иудее, остался жив, как и бежавший Христос, и поэтому эта вся история самими фактами, переданными в ней клевещет сама на себя.

Из всех этих 4-х писателей нет и двух, которые передавали бы одинаково надпись на дощечке, которая была прибита над головою распятого Христа. И кроме того, Марк говорит: "он был распят в третьем часу (9 утра), а Иоанн заявляет, что в шестом часу (12 часов дня.*)

Надпись на дощечке над головою Христа так передается в этих книгах.

По Матвею — "Это есть Иисус, царь Иудейский".
По Марку — "царь Иудейский".
По Луке — "Это есть царь Иудейский".

*) Согласно Иоанну приговор был вынесен не ранее 6-го часа (полдень) и, следовательно, приговор не мог быть приведен в исполнение до после полудня. Но Марк определенно заявлят, что Христос был распят в третьем часу (9 часов утра), гл. 15, ст. 25. Иоанн, гл. 19, ст. 14.

По Иоанну — "Иисус Назареянин, царь Иудеев".

Из этого мы можем смело заключить, что писатели евангелий, кто бы они не были и когда бы они не писали,— никогда не были очевидцами самого факта.

Единственный из всех апостолов, который предполагается, был на месте — Петр, но и тот, когда его спросили, последователь ли он Христа, стал ругаться по его адресу и клясться, утверждая: "Я не знаю этого человека". И не смотря на то, мы должны почему то верить тому же самому Петру, который по их собственному мнению, совершил обман. Однако, на каком основании мы должны верить этому?

По поводу обстоятельств распятия Христа в евангелии Матвея гл. 22, ст. 45, говорится: "С шестого часа на землю сошла темнота до 9-го часа". Ст. 51, 52, 53. Храмы были разрушены до основания, земля тряслась и горы рушились. Гробы открылись и многие спавшие тела святых встали и вышли из гробов после его (Христа) воскресения, пошли в святой город и явились многим".

Таков рассказ этого размашистого писателя евангелия Матвея, в котором он, однако, не поддерживается авторами других евангелий. Автор книги, приписываемой Марку, описывая подробности распятия, не упоминает ни о каком землетрясении или разрушении скал, или об открытии могил и выходе из них мертвых. Лука также умалчивает по всем этим пунктам. А что касается автора книги Иоанна, то хотя он и описывает самым подробным образом обстоятельства распятия вплоть до погребения Христа, — нигде однако не упоминает о темноте, о храмах, землетрясениях, скалах, могилах или мертвых.

Если бы все эти обстоятельства были действительны и авторы книг действительно жили в эту эпоху и были очевидцами, то вещи, о которых они повествуют, как о фактах, должны были бы быть знакомы всем слишком хорошо, чтобы о них не знали и к тому же вещи слишком большой важности, чтобы не говорить о них. Поэтому все четыре апостола должны были занести эти факты в историю. Если эти авторы жили в то время, они никак не могли не чувствовать землетрясения. Еще больше должно было удивить их, поглотить все

их внимание, воскресение мертвых.

Землетрясение всегда возможно и естественно, и ничего не доказывает, но открытие могил — сверх'естественно и как нельзя более благоприятно для их учения, и цели их апостольства. Будь это правда, оно заполнило бы целые главы их книг и было бы избранной темой, общей для всех писателей. Но вместо этого, часто приводятся маленькие подробности и просто скучные разговоры, вроде того, что "он сказал то-то и то-то", тогда как это самое важное происшествие, — будь оно, действительно, упоминается просто одним взмахом пера и то одним только писателем, другие же не дают себе труда даже намекнуть на это.

Очень легко сказать ложь, но очень трудно поддерживать ложь, раз уже она была сказана. Автор книги Матвея должен был бы рассказать нам о том, кто эти святые были, что воскресли и пошли в город и что сталось с ними потом, и кто собственно видел их, ибо сам автор вовсе не склонен заявлять, что сам он их видел; вышли ли эти мертвые голыми, все святые мужи и святые женщины в адамовых костюмах, или же все они вышли совсем одетые, и где достали одежду; сходили-ли они раньше домой, вернули-ли они себе своих жен или мужей, свое имущество и как их собственно приняли, остались ли они на земле и последовали своим прежним занятиям проповедничества, или работы, или же они снова умерли, пошли живыми обратно в свои могилы и похоронили себя.

Странно, в самом деле, что армия святых вернулась к жизни и никто не знал, кто они были, кто их видел и больше того, — что

---

*) Со времени рождения Давида до рождения Христа прошло более 1080 лет. И так как сюда не включена жизнь Христа, то остается всего 27 поколений. чтобы найти сколько в среднем жил каждый из предков Христа, разделим 1080 на 27, что равняется 40. Так как человек и в то время жил столько, сколько и в наше время, то это абсурд, так как нельзя предположить, чтобы предки Христа женились только в 40 лет, и до тех пор были холостяками. Так что, генеалогия эта, будучи далекой от истины, не может быть отнесена даже к скромной лжи. Евангелие Луки дает 26 лет в среднем; но этого слишком мало

сами эти святые умалчивают об этом. Если это были древние пророки, то несомненно, они имели бы многое рассказать, вернувшись вновь к жизни. Они бы нам порассказали все, исправили бы многое из прежнего. Если бы это был пророк Моисей или Аарон, Исаия, Самуил или Давид, то не осталось бы ни одного еврея во всем Иерусалиме, который не был бы обращен в христианство. Если бы это были Иоанн Креститель и святые того времени, то всякий знал бы о них, и они бы затмили, своей славой и проповедью, всех других апостолов. Но вместо этого, оказывается, все эти святые были просто вымышлены, сочинены.

Сказка о воскресении следует за сказкою о распятии и как в одной так и в другой, авторы евангелий, кто бы они не были, расходятся между собою настолько сильно, что убеждают читателя в том, что ни один из них никогда не был на месте происшествия. Книга Матвея говорит, что когда Христос был положен в склеп — евреи обратились к Пилату за стражей, для того, чтобы поставить ее у гроба и тем самым предотвратить возможность похищения его тела — учениками его. Книга Матвея говорит, что такая просьба была уважена, склеп в котором лежал Христос был точно обозначен, крышку склепа запечатали и над могилой была поставлена стража. Однако другие книги ничего не говорят об этом обращении евреев к Пилату или о запечатании гроба, установлении охраны, о страже, —наоборот, судя по их данным, таковой не было. Матвей, однако, следует дальше с этой историей стражи, и я остановлюсь над нею в заключении, так как это послужит ключем к установлению фальши и обмана этих книг.

Книга Матвея продолжает свое повестование и говорит (гл. 17, ст. 1.), что к концу субботы, на рессвете, в первый день недели пришли взглянуть на гроб Мария Магдалина и другая Мария,—Марк говорит, что это было при восходе солнца, а Иоанн заявляет, что когда было темно. Лука говорит, что к гробу пришли Мария Магдалина, Иоанн и Мария, мать Иакова, (апостола), и другие женщины. Иоанн говорит что Мария Магдалина пришла одна; так хорошо они сходятся насчет первого свидетельства! Впрочем, все они, видимо, были хорошо знакомы с Марией Магдалиною.

Она была женщиною с широким знакомством, и то, что она могла шляться, не является с их стороны злой догадкою.

Евангелие Матвея продолжает (ст. 2): "И было там великое землетрясение так как ангел всевышнего сошел с неба, подошел и отодвинул камень от двери и сел на нем". Но другие книги ничего не говорят о землетрясении, ни об ангеле, откатывающем камень от двери и сидящем на нем, собственно, по их передаче у склепа вовсе и не было сидящего ангела. Марк говорит, что ангел был внутри склепа и сидел по правую сторону. Лука говорит, что ангелов было два и они оба стояли, а Иоанн говорит, что оба ангела сидели, один у изголовья, а другой у ног покойного.

Матвей говорит, что ангел, который сидел на камне, снаружи склепа, сказал обеим Мариям, что Христос воскрес и что женщины поспешили удалиться. Марк говорит, что женщины, при виде отодвинутого камня, удивляясь этому, зашли в склеп и увидели там ангела, сидевшего внутри, с правой стороны гроба, который сказал им о воскресении Христа. Лука говорит, что оба ангела стояли, а Иоанн заявляет, что Иисус Христос сам сказал Марии Магдалине о своем воскресении и что она не входила в склеп, а просто сошла несколько вниз и посмотрела.

Значит, если бы авторам этих четырех книг пришлось пойти в суд, чтобы доказать факт похищения мертвого тела сверх'естественным путем, и если бы они дали свои показания в таком же противоречивом виде, как они это делают здесь, то они оказались бы в большой опасности быть приговоренными к отрезанию ушей за лжесвидетельство, и получили бы по за слугам. И все же это свидетельство и эти самые книги были навязаны миру в качестве книги божественного откровения и как неизменное и истинное слово божие. Автору книги Матвея, по окончании описания этого происшествия, повествует о случае, о котором не упоминается ни в одной из других евангелий.

"Потом", рассказывает он, (это после разговора женщин с ангелом, сидевшим на камне), "некоторые из стражи пришли в город и рассказали первосвященникам обо всем происшедшем, и тогда они собрали старейшин, и сошлись на совет, дали много денег сол-

датам, говоря: "Скажите, что его ученики пришли ночью и похитили его, когда мы спали, а если это дойдет до правителя, мы убедим его и постоим за вас.“ Так, они взяли деньги и сделали то, что им было сказано, и об этом говорят обыкновенно везде среди евреев и поныне.

Выражение "поныне“ служит доказательством того, что евангелие приписываемое Матвею, не было написано Матвеем, а было сфабриковано долгое время спустя после событий, которые оно пытается передать; само выражение это предполагает очень долгое промежуточное вермя. Было бы совершенно бессмысленным говорить нам в таком роде о чем либо, случившемся в наше время. Следовательно, для того, чтобы правильно понять это выражение, мы должны предположить смену по крайней мере нескольких поколений, так как такая форма выражения переносит наш ум к древним временам.

Следует отметить кроме того и самую абсурдность рассказа, так как она показывает, что автор книги Матвея был чрезвычайно слабоумный и глупый человек. Он рассказывает историю, которая противоречит сама себе в смысле возможности, так как сторожа, если только они там были, хотя и могли бы заявить, что тело было унесено во время их сна, и указать сон, как причину того, почему они не предупредили похищения тела, — но тот же сон исключал для них также и всякую возможность об'яснения—как и кем это было сделано; и все таки—он постарался так, чтобы они сказали, что ученики сделали это.

Если бы человеку пришлось давать показания о чем либо, где он должен сказать, что оно — действительно произошло и в какой обстановке, и кто был участником этого происшествия, в то время когда он сам спал и ничего не мог знать о деле, — то такое показание не было бы принято. Это может быть достаточным показанием для Ветхого или Нового Завета, но ни для чего другого, где идет вопрос об истине.

Я подхожу теперь к той части свидетельства в этих книгах, где говорится о предполагаемом явлении Христа, после его предполагаемого воскресения.

Автор евангелия Матвея рассказывает, что ангел, сидевший на камне у входа в склеп, сказал обеим Мариям, (гл. 28, ст. 7) "Се

Христос пошел раньше вас в Галлилею, вы увидите его там, и это говорю вам я". И тот же писатель, в двух следующих стихах (8 и 9) заставляет говорить уже самого Христа, о том же самом с женщинами, немедленно после того, как ангел сказал им об этом. В 16-м стихе говорится: "Тогда 11 учеников пошли в Галилею, на гору, указанную им Иисусом и когда они увидели его, они боготворили его".

Но автор евангелия Иоанна говорит им совершенно иную вещь. Он говорит (гл. 20 ст. 19): "Тогда в этот же день вечером, в первый день недели (то есть в тот же день, в который воскрес Иисус Христос), когда двери были закрыты (в помещении), где ученики собрались из боязни иудеев, пришел к ним Иисус и стал посреди их".

Согласно Матвею 11 учеников странствовали в Галилею для встречи с Иисусом на горе, по указанию самого Иисуса, в то самое время, когда согласно Иоанну, они собрались в другом месте и не по указанию, а тайно, опасаясь евреев,

Автор книги Луки противоречит тому, что говорит Матвей, резче, чем это делает Иоанн, так как он говорит определенно, что собрание происходило в Иерусалиме вечером того же дня, когда воскрес Христос, и что 11 были там. См. Луки гл. 24, ст. 13, 33.

Отсюда— невозможно, без признания за этими предполагаемыми последователями права на самое дикое лганье, чтобы автором этих книг мог быть кто нибудь из 11-ти, именуемых учениками, так как если по Матвею 11 ушло в Галилею встретить на горе по его собственному назначению, в тот самый день когда он воскрес, то Лука и Иоанн—должны были бы быть двумя из этих 11-ти; и все таки автор книги Луки определенно утверждает, и Иоанн говорит в том же духе, что собрание произошло в тот же день, в доме, в Иерусалиме. С другой стороны ,если согласно Луке и Иоанну 11 учеников собрались в доме в Иерусалиме, Матвей длжен был быть одним из 11-ти; все же Матвей говорит, что собрание было на горе в Галилее, следовательно, свидетельства, приводимые в этих евангелиях, уничтожают одно другое.

Автор евангелия Марка ничего не говорит о свидании в Гал-

Галилее но он говорит, гл. 16, ст. 12, что Христос, после своего воскресения, явился в другом виде двум ученикам, когда они уходили в провинцию, и что эти двое рассказали об этом остальным, которые им не поверили. Лука тоже передает историю, в которой держит Христа сильно занятым целый день, от предполагаемого его воскресения и до самого вечера, а это совершенно разбивает рассказ о хождении на гору в Галлилее. Он говорит, что двое из них, не называя-кто именно, ушли в тот же день в село Эммаус, расположенное в 7½ милях от Иерусалима, и что Христос, замаскированный, пошел с ними, и не разлучался целый день, ужинал с ними и потом исчез из вида и появился в тот же вечер на собрании 11-ти в Иерусалиме.

Это тот противоречивый путь, каким устанавливается факт вторичного появления Христа. Единственный пункт, на котором авторы сходятся, это—тайна вторичного появления, так как, было ли оно под скалою в Галлилее или в закрытом доме в Иерусалиме, все же оно было тайным. Чему же, в таком случае мы должны приписать это укрывательство? С одной стороны—оно прямо отрицательно для предполагаемой цели, убедить мир в том, что Христос воскрес; с другой, публичное подтверждение догмы воскресения Христа из мертвых-обнаружило бы сразу авторов этих книг обществу, и потому им необходимо было сделать из этого частное дело.

Что касается того случая, что Христос видел якобы более пяти сот человек разом, то это только Павел говорит об этом, а не те пять сот. Поэтому-это свидетельство только одного человека и то такого, который, согласно той же повести, не верил сам ни единому слову истории этого происшествия. Его свидетельство, предполагая что он автор 15-ой главы послания к Коринфенам, где этот случай как раз и передается,—похоже на то, какое дает человек, пришедший в суд принести клятву в том, что все показанное раньше,—являлось ложью. Человек очень часто может видеть основание и имеет также право-изменить свое мнение, но это не простирается на самые факты.

Теперь я перехожу к последней сцене, вознесению на небо. Здесь, всякая боязнь со стороны иудеев и всего остального, несомненно не имела никакого места: происшествие, если бы было, явилось бы венцом всего; дало бы некоторые доказательства действитель

ности будущей миссии его учеников. Те слова, что могли быть сказаны в виде ли заявлений или обещаний в частной беседе на горе Галлилейской или в закрытом доме в Иерусалиме, если даже и предположить, что они были действительно сказаны,— не могли быть публичным доказательством. Необходимо было поэтому, чтобы эта последняя сцена, предотвращая возможность отрицания и спора,—была вместе с тем, очевидной, как солнце в полдень, и по крайней мере должна была быть на столько же известным публичным фактом, как и само распятие. Но возвратимся к вопросу.

Во первых, автор книги Матвея не говорит об этом ни слова, также и автор книги Иоана. Если это так, то не возможно предположить, что эти писатели, будучи до мелочей подробными в описании других случаев, умолчали бы об этом, если бы это было правдой. Автор книги Марка проходит мимо случая вознесения с небрежностью, едва упоминая об этом только одним взмахом пера, как будто ему надоело рассказывать сказки или как будто он стыдился этой истории. Точно также поступает и автор евангелия Луки. И даже между этими двумя не замечается никакого видимого соответствия касательно места последнего расставания.

Евангелие Марка говорит, что Христос явился одинадцати в то время, когда они сели за трапезу, намекая на собрание одинадцати в Иерусалиме. Затем он передает разговор, который будтобы произшел на собрании; и немедленно же после говорит (все равно как ученик закончил бы скучную историю), "Итак после того, как Господь говорил с ними, он был принят на небо и сел по праву руку Бога". Но автор книги Луки говорит что вознесение произошло в Вифании; что он (Христос) вывел их до Вифании, расстался с ними и был унесен на небо. Также было с Магометом. Что же касается Моисея, апостол Иуда говорит, ст. 9. "что Михаил и дьявол подняли спор о его теле." И мы верим в такие сказки!

Я кончил разбор четырех евангелий, приписываемых Матвею, Марку, Луке и Иоану. И если мы представим себе, что весь промежуток времени от распятия до так называемого вознесения—представляет всего несколько дней, очевидно не более трех или четырех, и что все происшествия случились почти в одном и том же месте, в Иерусалиме, как я полагаю, то нельзя будет найти ни в одной

существующей истории такого множества явных бессмыслиц, противоречий и лжи, как в этих евангелиях. эти недостатки оказались гораздо многочисленнее и разительнее, чем я ожидал и конечно больше чем я предполагал их найти, когда писал первую часть этой книги; тогда я не имел под рукой ни библии, ни евангелия и не мог их достать. *)

Мое собственное положение, даже в отношении жизни, становилось все более тяжелым и, желая оставить после себя хоть что нибудь по этому предмету—я должен был спешить и быть кратким. Цитаты, приведенные мною тогда—были сделаны на память, все же они верны; и мысли, развитые мною в прошлом труде, являются следствием самого ясного и давно установившегося убеждения в том, что библия и евангелие—только обман; что грехопадение человека и рассказ об Иисусе Христе—сыне божьем, его смерти, для умилостивления бога, и о спасении, такими средствами,—являются только сказочными и бесчестными измышлениями.

Но вернемся к вопросу. Хотя не возможно, за отдельностью времени, точно установить, кто был авторы этих четырех книг (этого однако достаточно, чтобы держать их под сомнением, а где мы сомневаемся—там мы не верим)—нетрудно, однако, доказать, что они не были написаны людьми, которым они приписываются.

Противоречия, содержащиеся в этих книгах—показывают следующее:

Во первых, что писатели эти не могли быть очевидцами тех происшествий, о которых они повествуют, иначе они передали бы их без противоречий; и следовательно, что книги не были написаны лицами, именуемыми апостолами, которые, предполагается, были свидетелями этого.

Во вторых, что писатели эти, кто бы они не были, не действовали сообща в измышлениях, а в отдельности, лично сам по себе и без какого либо знакомства одного с другим.

Когда четыре человека являются очевидцами какой либо сцены, они без какого либо уговора между собою, сходятся относительно времени и места, когда и где данный случай произошел. Личное зна-

---

Автор сидел в тюрьме, когда писал первую часть.

ние вещей, каждым в отдельности, делает уговор совершенно не нужным. Один не скажет, что случай произошел на горе, в провинции, в то время как другой будет утверждать, что тоже самое было в доме, в городе; один не скажет, что случай произошел при восходе солнца, другой—когда было темно. Ибо, безразлично, в каком бы месте случай не произошел и в какое угодно время, они знают об этом одно и то же.

С другой стороны, если четыре человек составляют вместе рассказ, то они постараются отдельные изложения согласовать одно с другим, для поддержания целого.

Итак, эти книги (евангелия) не были написаны людьми, называемыми апостолами, не были они написаны также и шарлатанами —сообща, по уговору. Но как же в таком случае они были написаны?

Рассказ об Иисусе Христе, являющемся после смерти, есть рассказ о привидении, которое может быть создано тупым воображением и является предметом веры, благодаря глупому легковерию.

Рассказы подобного рода распространялись об убийстве Юлия Цезаря не так много лет раньше, и вообще происходят из факта насильственной смерти или казни невинных лиц. В таких случаях на помощь приходит сочувствие, и щедро развертываемый рассказ расходится все дальше и дальше до тех пор, пока он не станет самой определенной истиною. Стоит только начать раз с духа и легковерие быстро заполняет всю историю его жизни и даже предопределяет цель его появления. Один говорит это в одном смысле, другой в другом и т. д., до тех пор, пока не получится об этом духе и носителе духа столько историй, сколько например, есть про Иисуса Христа в этих четырех книгах.

Рассказ о появлении Иисуса Христа передается с той странной смесью возможного и невозможного, которая всегда отличает легендарную сказку от факта.

Он представлен в н е з а п н о появляющимся и уходящим, когда закрыты двери, исчезающим совершенно из виду и появляющимся снова, как видение. Но он бывает также голоден, тогда он садится за трапезу и ест свой ужин. И так как расскасчики всех этих историй не могут предвидеть всех обстоятельств, то получается

история вроде следующей: они (якобы евангелисты) говорили, что когда Христос встал, то оставил свое одеяние в гробу, но они совершенно забыли снабдить его другим одеянием, для того чтобы он мог появиться в последствии. Они также не говорят нам о том, что же он сделал с своим одеянием, когда вознесся на небо—сбросил ли он его с себя или унесся в полном облачении. Когда они писали о вознесении пророка Ильи, то были довольно осторожны и заставили его сбросить свою верхнюю одежду, прежде чем вознестись, хотя не говорят о том, как это Илия не сгорел в огненной колеснице. Но так как воображение заполняет все недостатки такого рода, мы можем предположить, при желании, что одежда его была сделана из несгораемой шерсти саламандры.

Многие, не знакомые достаточно с церковной историей, могут предположить, что книга, называемая "Новым Заветом", существовала с самого времени Иисуса Христа, также как они предполагают, что книги, приписываемые Моисею, существовали со времени Моисея. Однако исторически это не так. Не существовало никакого "Нового Завета" до 300 лет спустя после того времени, в какое, предполагают, жил Христос.

Неизвестно когда появились книги, приписываемые Матвею, Марку, Луке и Иоану. Нет и тени доказательства того, кто были авторы этих книг или когда сами книги были написаны. Книги могли с одинаковым успехом быть приписаны и другим предполагаемым апостолам вместо тех, под чьими именами они известны нам. Оригиналов этих книг нет ни у одной из существующих христианских церквей также как не существует где либо у евреев двух каменных скрижалей с заповедями, которые, предполагается, были написаны рукою самого бога на горе Синае и вручены Моисею.

Но даже если бы и были таковые—нельзя доказать подлинности рукописей, в обоих случаях. В то время, когда эти книги были написаны, не существовало еще печати и, следовательно, не было другого способа опубликования, кроме как рукописными экземплярами, которые могли быть сделаны кем угодно, изменены по желанию и названы оригиналами.

Около 350 лет спустя, после того времени когда предполагают, жил Христос, несколько рукописей такого рода, о которых я говорю,

были разбросаны по рукам разных лиц. И когда церковь начала формироваться в иерархию, в церковь правительство, с светской властью —она взялась за их коллекцию, чтобы составить из них уложение законов, известных нам теперь под именем "Нового Завета". Они (администрация христианской церкви—попы) решили между собою голосованием, какие из собранных ими писаний должны быть словом божьим и какие нет. Еврейские раввины также голосованием вынесли подобное же решение о книгах библии.

Так как целью церкви, как и всех государственных учреждений, были власть и доходы, а средством достижения—террор, разумно и основательно предположить, что самые удивительные и чудесные писания, которые были ими собраны, в лучшем случае могли только подвергнуться голосованию. Таким образом, что касается подлинности книг, факт голосования уже заменяет ее, как последняя и высшая инстанция, куда может быть прослежено происхождение книг.

Однако, среди людей, называвших себя христианами, происходили сильные споры не только в связи с учением, но и о подлинности книг. В споре между св. Августином и Фаустом, около 400 по Р. Х. последний говорит: "Книги, именуемые евангелием, были составлены долгое время спустя после апостолов, неизвестными людьми, которые боялись, что мир не поверит их передаче происшествий, о которых они не могли быть осведомлены сами, и издали их под именами апостолов. Книги эти так полны глупости и разноречивых передач происшествий, что между ними нет ни согласия, ни какой либо связи."

В другом месте, тот же Фауст, обращаясь к защитникам этих книг, которые по их утверждениям были словом божьим,—говорит: "Итак, ваши предшественники внесли в писание нашего господа много вещей, которые, хотя и носят его имя, не согласны с его учением. Это не удивительно, с тех пор мы часто доказывали, что эти вещи не были написаны им (господом) самим или его апостолами, а большей частью основаны на сказках, на темных слухах, собранных вместе неизвестно какими то людьми и, которые, имея очень мало согласия между собою и издав книги под именем апо-

столов, привнесли туда также и свои собственные ошибки и свою собственную ложь. *)

Из этих цитат читатель увидит, что подлинность книг Нового Завета отрицалась и книги считались вымышленными, подделкою и ложью еще в то время, когда их устанавливали путем голосования, как слово божье. Но интересы церкви с помощью кнута выжили оппозицию, и в конце концов заставили прекратить всякое исследование.

Чудеса последовали за чудесами, если только им верить, и людей учили говорить, что они верят, безразлично—верили ли они или нет. Однако Французская Революция лишила церковь силы творить чудеса; она (церковь) с помощью всех своих святых не была в состоянии сделать хотя бы одного чуда сначала революции, и так как она никогда ведь не нуждалась сильнее в чуде, чем теперь, то мы поэтому можем смело заключить, что все ее бывшие чудеса были только хитростью и ложью.

Когда мы представляем себе промежуток времени более чем в 300 лет между тем временем, когда, предполагают, жил Христос и временем когда "Новый Завет" составлялся в книгу, то видим, даже без помощи исторического доказательства, какая тут чрезвычайная неопределенность в смысле подлинности.

---

*) В книге Буланже "Жизнь Павла" есть такие места:

"Морсиониты (христ. секта) полагали, что евангелии были полны лжи. Манихеяне, очень многочисленная секта в начале христианства, отказались от Нового Завета совершенно, считая его ложью, Энкратиты и Севериане не признали ни "Деяний Апостолов", ни "Посланий Павла". Кризостом в связи с "Деяниями Апостолов" говорит, что в его время (около 400 по Р. Х.) очень многие ничего не знали ни о книге, ни об авторе ее. Едиониты или Назаряне, бывшие новыми христианами, отрицали все писания Павла и считали его самозванцем. Они сообщают, между прочим, что Павел раньше был язычником, потом приехал в Иерусалим, где пробыл некоторое время. Имея сильное желание жениться на дочери одного из высших духовных лиц, он сделал себе обрезание. Девушки он, однако, не добился, и потому рассорился с евреями, стал писать против обрезания, исполнения субботы и вообще против всех установленных правил.

Подлинность книги Гомера, поскольку это касается авторства, установлена гораздо лучше, чем подлинность "Нового Завета," не смотря на то, что Гомер старше на целое тысячелетие. Книгу Гомера мог написать только исключительно выдающийся поэт, а это могли пытаться сделать только редкие люди, и человек, который способен написать такую книгу, не забросил бы своей собственной славы, передав ее другому. Точно также, могли быть только некоторые и весьма редкие люди, которые могли бы составить Эвклидову теорию, так как никто, кроме исключительно выдающегося математика, не мог быть автором этой книги.

Что же касается книги "Нового Завета", особенно тех частей его, где говорится о воскресении и вознесении Христа, то каждый человек, кто мог бы рассказать историю привидения, мог бы составить эти книги, так как вся история написана до нельзя плохо. Поэтому возможность подделки в "Завете" в миллион раз больше, чем в случае Гомера или Эвклида. Среди множества священников и церковнослужителей нашего времени, включая сюда епископов и всех других, каждый из них может отслужить службу или перевести несколько штрихов латыни, в особенности, если это было переведено до того тысячу раз. Но есть ли хоть один среди них, кто был бы способен на поэзию, как Гомер или на науку, как Эвклид? Вся совокупность знаний таких лиц, за очень редкими исключениями, не идет далее а, б, аб, а их премудрость в науке выражается знанием того, что три раза один—равно трем; и этого знания было вполне достаточно в то время, чтобы написать книги "Нового Завета".

Насколько были велики благоприятные возможности для подделок, на столько же был силен и соблазн. Никто не мог получить какой либо выгоды от того, что писал бы под именем Гомера или Евклида; если он мог писать также хорошо, было бы лучше для него писать под собственным именем; если же такой писатель был послабее, то он не пользовался бы успехом.

Что же касается книг, составляющих "Новый Завет", то тут весь соблазн находится в легкой возможности подделки.

Самая лучшая воображаемая история, которая могла быть написания на протяжении 200 или 300 лет после описываемого време-

ни, не могла сойти за оригинал даже под пером действительного писателя. Единственный шанс на успех лежал в подделке, та как церковь нуждалась в фундаменте для своего нового учения, и об истине с талантами-не могло быть и речи.

Но так как нет ничего необычайного в том, что рассказывались истории о лицах, выходящих из могил после смерти или духах и видениях лиц, павших от каких нибудь чрезвычайных насилий, и так как люди того времени обычно верили в такие вещи, равно как и в появление ангелов и чертей, и в их способность проникать внутрь людей и заставлять их трястись, как в лихорадке, и быть выброшенными оттуда, посредством рвоты—(евангелие Марка говорит нам, что Мария Магдалина была уложена в постель семью дьяволами) то нет ничего необычайного в том, что какая нибудь история, такого рода, могла вырости с личностью Иисуса Христа и в последствии стать основою четырех книг, приписанных Матвею, Луке, Марку и Иоану. Каждый автор передавал сказку в таком же виде, как он ее слышал и давал своей книге имя святого или апостола, которого традиции сделали очевидцем.

Послания Павла. Послания, приписываемые Павлу, представляют собою 14 писем и заполняют собою почти всю остальную часть Завета. В данном случае не важно то обстоятельство—написаны ли эти послания лицом, которому их приписывают или нет, так как автор, кто бы он не был, пытается доказать свое учение спором. Он не претендует на то, что был очевидцем какой либо из сцен, описывающих воскресение и вознесение, он даже заявляет, что не верит всему этому.

Его рассказ о том, что по дороге в Дамаск он был подвержен удару и повален на землю, не содержит ничего чудесного или сверхестественного. Он спасся от смерти, и это гораздо лучше и счастливее чем то, что случается со многими другими, которые случайно попадают под удар молнии. То, что он не мог видеть ничего в течение трех дней и потерял в течение этого времени свой аппетит и жажду—самое обычное явление при таких условиях. Бывшие с ним компаньоны его, очевидно не пострадали совсем, так как вели его во весь остальной путь их путешествия. Его компаньоны не заявляют также и того, что видели какое либо видение.

Самый характер личности Павла, судя по имеющимся рассказам о нем, содержит в себе много бурного и фанатического. Он преследовал с таким же жаром, с каким в последствии проповедывал. Удар, полученный им, изменил его образ мышления, без изменения его натуры и был-ли он еврей или христианин—он остался одним и тем же изувером. Такие люди никогда не могут быть образцом порядочности какого-либо учения, которое они проповедывают. Они всегда стремятся к крайностям, одинаково как на практике так и в теории.

Учение, которое он берется доказать спором—это воскресение тела. Павел выставляет факт воскресения в качестве доказательства бессмертия. Но люди так сильно разнятся в способе мышления и выводах, из одних и тех же оснований, что факт воскресения, будучи весьма далек от доказательства бессмертия, представляется мне свидетельством против него, так как, если я раз уже умер в одном теле и воскрес в том же теле, в котором я раньше жил, то это свидетельствует о том, что я умру опять. Это воскресение страхует меня против повторения факта смерти не более, чем лихорадочный припадок, который нисколько не страхует меня от следующего припадка.

Только таким образом и могут быть об'яснены противоречия, содержащиеся в двух книгах.

В противном случае—они являются сплошной ложью, обманом и подделкой.

Поэтому, чтобы верить в бессмертие, я должен иметь более возвышенную идею, чем ту, которая содержится в мрачном учении о воскресении.

Кроме того, с точки зрения выбора, а равно и надежды, я бы хотел иметь лучшее тело и более удобную форму, чем те которые я имею в настоящем. Каждое животное превосходит нас в чем нибудь. Крылатые насекомые, не говоря о голубях и орлах, могут пройти больше пространства, с большей легкостью—в несколько минут, чем человек может сделать в целый час. Движение самой малой рыбки, сравнительно с ее телом, несоизмеримо превосходит нас в быстроте движения. Даже ленивая и медленная улитка может вылезть из ямы, где человек погиб бы за отсутствием способности

подняться, и паук мог бы при этом повиснуть на верху, для собственного удовольствия. Личная мощь человека настолько ограничена и его тяжелое строение настолько неприспособлено для наслаждения в широких размерах, что мы не особенно желали бы, чтобы мнение Павла было истинным.

Оставляя в стороне все другие доводы — сознание существования есть единственная возможная идея другой жизни, а продолжение такого сознания—есть бессмертие. Знание того, что мы существуем, не обязательно связано даже и в этой жизни с одной и той же формой и одним и тем же телом.

Не во всех случаях мы имеем ту же саму форму и материю —составлявшую наши тела, положим,—30 или 40 лет тому назад; и все таки мы сознаем, что остаемся теми же самыми людьми. Даже ноги и руки, составляющие половину человеческого тела, не составляют необходимого признака сознательного существования. Ноги и руки могут быть утеряны или отняты, и все таки в нас остается полное сознание о нашем существовании; и если бы вместо них нас снабдили крыльями или другими конечностями, то это едва-ли изменило бы наше сознание о существовании. Словом, мы не представляем себе—что именно создает в нас это наше самосознание.

Кто может сказать— каким именно тончайшим действием материи создается мысль в нашем уме. А ведь эта мысль, раз она создана,—как например, мысль, когда я пишу—способна стать бессмертной. Так что в человеке есть только способность к созданию бессмертного, то есть—мысли, но не больше.

Статуи из меди или мрамора исчезнут; и статуи скопированные с них не являются оригинальными статуями; на них нет и следа прежней работы. Но мысль, печатай и перепечатывай ее тысячу раз, и на каком угодно материале—на дереве или на камне, мысль вечно остается одной и той же. Мысль обладает способностью действительного существования, на нее не действует перемена вещества, она существенно разнится по природе от всего того, что мы только знаем или можем себе представить. Если, таким образом, созданная мысль имеет в себе качества бессмертия, то несомненно, что сила создающая эту мысль,—а таковой является сознание существо-

вания,—тоже может быть бессмертной, при чем, настолько независимой от того существа, с которым она было в первые связана, насколько мысль независима от печати или письма в которых она впервые появилась перед нами. Поверить в одно положение здесь не труднее, чем поверить в другое, и мы видим, что одно из них истинно.

В связи с сомнительностью наречия, которое приписывается Павлу в 15 главе 1-го послания к Коринфенам, где описывается погребальный обряд над неким членом христианской церкви, можно заметить, что в этом жаргоне также отсутствует какой-либо смысл—как в колокольном звоне при погребении; в нем нельзя ничего попять и для воображения—тут нет никакого образа, наоборот, самому читателю предоставляется найти какой либо смысл, если только он может.

Так, он (Павел) говорит:

"Не всякая плоть—одинаковая плоть; одна плоть у людей, иная у скотов, иная у рыб, иная же у птиц". Но что следует из этого? Ничего. Любой повар мог бы сказать тоже самое. "Есть тела небесные, есть тела земные, но иная слава небесным и иная земным". Ну и что же? Ничего. А о том, какова разница, он ничего не говорит. "Иная слава солнцу, иная слава луне и иная звездам." И что-же, из этого? Ничего, кроме того, что он сам говорит т. е. что одна звезда разнится от другой в славе. Он мог бы сказать нам с таким же успехом, что луна светит не так ярко, как солнце. Все это ничего из себя не представляет, кроме фразеологии фокусника, который подхватывает фразы, не понимая их содержания, только для того, чтобы сбить с толку верующий народ, пришедший к нему гадать о своем счастье. Попы и фокусники одной и той же профессии.

Иногда Павел является в роли естествоведа и доказывает свою историю о воскресении так: "И ты глупец, (говорит он), так как то, что ты сеял,—не поспевает, а умирает." На это можно было бы возразить ему его же собственным языком и сказать: И ты глупец, Павел,—то что ты сеешь, не поспевает, если только оно не помирает. Только живые зерна производят плодотворный урожай.

Были ли 14 посланий, приписанных Павлу, написаны им или

нет, совершенно безразлично. Они по характеру представляют из себя или полемику или же догматику и так как полемическая часть является негодной, а догматическая только предположительной, то нельзя сказать, кто их написал. И то же самое можно сказать об остальных частях Нового Завета. Не на посланиях, а на так называемом евангелии, содержащемся в 4-х книгах, приписываемых Матвею, Луке, Марку и Иоанну и на предполагаемых пророчествах, основана теория церкви, называющей себя христианской. Послания апостолов основаны на них, (евангелии4-х) и судьба их должна быть одинаковою и если история об Иисусе Христе сказочна,—то все рассуждения, основанные на ней, как на предполагемой истине, должны пасть вместе с нею.

Мы знаем из истории, что один из главнейших лидеров этой церкви, Афанасий, жил в то время когда составлялся Новый Завет.*)

Мы знаем также из бестолкового жаргона, который он оставил нам под именем религии-— характер творцов Нового Завета. Из той же истории мы знаем, что подлинность книг, из которых она состоит, отрицалась еще в то время. Новый Завет был провозглашен словом божьим именно потому, что люди, подобные Афанасию, голосовали за него. Однако нужно заметить, что нет ничего более странного, чем узаконение слова божьего путем голосования. Те, кто полагается в своей вере на такой авторитет, на место бога ставят человека. Легковерие не преступление, но становится преступным когда противодействует уличению. Мы никогда не должны насильственно навязывать себе веру в что либо.

Здесь я заканчиваю обзор Ветхого и Нового Заветов. Свидетельства, приведенные мною для доказательства того, что они поддельны,—взяты из этих самых же книг и действуют как острый меч. Если опровергается свидетельство, то вместе с этим опровергается также подлинность священных писаний, так как это свидетельство—само священное писание. Если же свидетельство принимается, то этим самым также опровергается подлинность книг. Противоречивые невозможности, содержащиеся в Ветхом и Новом За-

*) Афанасий умер, согласно церковной хронологии в 371 году.

ветах похожи на слова того человека который под присягой клянется и за и против. Каждое из двух свидетельств осуждает его за ложную присягу и уничтожает его репутацию. Если после этого библия и Новый Завет падут,—я буду не причем. Я только брал свидетельства из всей запутанной массы, в которой они были смешаны и расположил их в ясном и удобопонимаемом порядке. Сделав это,—я предоставляю читателю судить самому, как и я сделал это для себя.

КОНЕЦ НОВОГО ЗАВЕТА

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

В первой части этой книги я говорил о трех вымыслах: тайне, чуде и пророчестве, но так как в ответах на это нет ничего изменяющего сути дела, то я и воздержусь от каких либо дополнений.

Я говорил также о так называемом откровении и показал бестолковое применение этого слова в Ветхом и Новом Заветах, так как, несомненно, не может быть и вопроса об откровении там, где человек сам является действующим лицом или свидетелем. То, что человек делал или видел, не нуждается в откровении ему, так как он уже знает все сам. Определять такие случаи как откровение, либо одно невежество, либо грубый обман; и все же, библия и евангелие называются откровением.

Таким образом,—откровение, поскольку этот термин применяется для определения отношений бога и человека, должно обозначать собою нечто, открытое человеку волею бога; это значит, что оно является откровением только для того, кому оно было сделано. Его рассказ об этом другому лицу—не есть откровение.

Самый отвратительный порок, самые ужасные жестокости и и величайшие бедствия, постигавшие человечество, имели своим источником это самое откровение или религию откровения. Это было самым разрушительным орудием нравственности, мира и счастья человека, с самого начала человеческого существования. Гораздо лучше допустить тысячу бесов скитаться, если бы это было возможно, и проповедывать публично учение о чертях, если бы они были, чем доверять слову божьему из уст кого нибудь из чудовищ, вроде Моисея, Иисуса, Самуила, и библейских пророков. Откуда возникли все ужасающие истребления целых наций, мужчин, жен-

щин и детей, которыми заполнена библия, кровавые преследования и пытки до смерти и религиозные войны, которые с тех пор покрыли Европу кровью и прахом,—откуда возникло все это, как не от этой порочной религии—откровения и этой чудовищной веры в бога, говорящего с человеком. Принципом одной—служила ложь библии, принципом другой—евангелие.

Некоторые христиане полагали, что христианство не было установлено мечем, но о каком времени они говорят? 12 человек не могли, конечно, начать с меча, они не имели достаточно силы, но как только христианские професора почувствовали себя достаточно сильными, они не только взялись за меч, но и за вертело и прутья. Магомет не мог бы их перещеголять. Петр мог бы отрезать свою голову и голову господина своего, как он отрезал ухо одного из служителей первосвященника, если бы он мог. Кроме того, христианство ссылается на библию, как на начало, а библия возникла исключительно с помощью меча в самом худшем применении его—не напугать, а истребить. Евреи не старались превратить других в свою веру, они просто устраивали бойню для всех. Библия родила евангелие и оба называются словом божьим. Христиане читают обе книги; попы молятся по обеим книгам и само т. н. христианство составлено из обоих. Следовательно,—ложь, что христианство возникло не с помощью меча.

Единственная секта, которая не занималась преследованием—это квакеры и это только потому, что они скорее деисты, чем христиане. Они не верят особенно много тому, что говорится об Иисусе Христе и считают священные писания мертвой буквой. Они были бы ближе к истине, если бы назвали их хуже.

И чему мы, собственно, можем научиться в этой т. н. религии откровения? Ничему полезному для человека. Чему собственно учит нас библия? Грабежу, зверству и убийствам. Чему нас учит евангелие? Верить в то, что всевышний учинил грех с обрученной женщиной, и вера в это прелюбодеяние называется религией.

И кто поверил бы в такой рассказ,—верит только самому рассказчику, который может быть сам обманулся, или же ему приснилось, или же, может быть, он лгун и просто врет. Нет мерила чтобы судить об истинности того, что он говорит, ибо даже сама

нравственная доброкачественность рассказа—не доказывает еще, —что это откровение. Во всех подобных случаях надлежащим ответом будет: "Я поверю в то, что это откровение тогда, когда оно будет откровением мне, но не раньше."

В таком именно роде я и говорил об откровении в первой части этой книги: я совершенно не верю в то, что бог когда либо сообщал что либо человеку в какой либо форме разговора; на каком либо языке, в каком либо видении или проявлении себя, или же каким либо способом, доступным нашим органам чувств.

Что же касается отрывков о нравственности, разбросанных в этих книгах, то они не являются частью религии откровения. Они являются естественными велениями совести и связью, которою общество держится вместе. Без них общество не может существовать и к тому же-они одинаковы во всех религиях и во всех обществах.

Евангелие не учит ничему новому в этой области, и там, где старается превзойти старое, оно становится злостным и смехотворным. Учение о непротивлении нанесенному злу гораздо лучше выражено в "Притчах", которые представляют из себя сборник как еврейских, так и не-еврейских авторов. В этой книге, см. гл. 25, ст. 21, говорится: "Если голоден враг твой, накорми его хлебом, и если он имеет жажду, напой его водою. Но когда говорится, как в евангелии: "Если человек ударит тебя в правую щеку, то подставь ему левую," то это только оскорбляет достоинство человека и превращает его в подлеца.

Любить врагов—это другая догма ложной морали и при том бессмысленная. Для человека нравственно необходимо воздержание от мщения за причиненное зло, это одинаково относится и к политике, так как не будет конца мщению, если один мстит другому и называет это справедливостью. Но любить пропорционально причиненному злу, если бы даже это было возможно,—было бы предложением премии на преступление.

Нравственность только портят предписанием ей об'язанностей, которые, прежде всего, невыполнимы, а если бы и могли быть выполненными, то стали бы только источниками зла или же, как я сказал выше, премией на преступление.

Те, кто проповедывает учение о любви к врагам, на самом

деле являются величайшими преступниками, и они поступают так—сознательно, так как учение это—лицемерно, и вполне естественно, что лицемерие действует как раз обратно тому, что проповедует.

Что касается меня, то я не признаю этого учения и смотрю на него как на притворную и ложную мораль, ибо нет на свете человека, который может сказать: я преследовал его или кого либо другого, или: я заплатил ему злом за зло. И все же человеку не свойственно платить наградою за плохое действие или платить добром за зло, если когда это и случается, то делается это добровольно, но не по обязанности. Абсурдно также предполагать, что такое учение может быть частью религии откровения.

Из всех религиозных учений, которые когда либо были, нет более отталкивающего для разума и более противоречивого в самом себе, чем т. н. христианство. Слишком бессмысленное для того чтобы верить в него, неспособное убедить и слишком бестолковое для практики, оно создает только атеистов или фанатиков. Как сила, оно служит интересам деспотизма, а как источник богатства—коварству попов. Что же касается человеческого добра, то оно тут не причем.

Согласно христианской тройственности божества—одна часть его представлена умирающим человеком, а другая часть, называемая святым духом—летающим голубем, но ведь не возможно совместить веру—с такими дикими представлениями.

Одним из приемов христианской церкви, как и других религий, является старание держать человека в невежестве, так же как правительство старается держать его в неведении относительно его прав. Учение одного из них также ложно, как и учение другого и оба расчитаны на взаимную поддержку. Изучение теологии, как оно обстоит в христианской церкви, не представляет из себя ровно ничего; оно не основано ни на чем, он не стоит на принципах, не имеет подлинности происхождения, не может показать ничего и не допускает никаких заключений. Ничто не может быть изучено как наука, раз нет в нем принципов, на которых оно основывается, а этого и нет в христианской теологии.

Следовательно, вместо изучения теологии по библии и еванге-

лию, как это делается в настоящее время,—лучше ссылаться на библию самого творения, так как содержание названных книг всегда противоречиво и подлинность их опровергнута. Принципы же, открываемые нами в самом мире—вечны; они являются основой всей существующей в мире науки и должны быть основой и для теологии.*)

Принципы, с помощью которых мы измеряем дюйм или акр площади земли, могут измерять до миллионов. Окружность одного шара, в один дюйм в диаметре, имеет те же геометрические свойства, что и окружность вселенной. Те же самые геометрические принципы треугольника, при помощи которых можно начертать на бумаге путь судна—применимы и на океане, а если их применить к небесным телам, то они определят до минуты время их затмения, хотя эти тела и находятся на расстоянии миллионов миль.

Все знание, получаемое человеком от науки и механики, с помощью которых он облегчает свое существование на земле и без которых он едва ли отличался бы чем либо по виду и положению от обыкновенных животных, вытекает из великого механизма строения вселенной. Постоянные наблюдения наших предков над движением и вращением небесных тел, повели к возникновению на земле этого знания. Но не Моисей, не пророки и не Иисус Христос, или его апостолы — сделали это.

Итак, я закончу. Я показал во всех предыдущих частях этого труда, что библия и евангелие являются обманом и подделкой; я предоставляю все, приведенные мною для доказательства моих выводов, свидетельства—для опровержения, если кто может сделать это.

Я уверен, что свобода мнений, в отношении форм правления и религий, в конечном счете обеспечит преобладание—истине.

---

*) Составители библии пытались дать нам в первой главе "Бытия" рассказ о сотворении мира,но при этом они не показали ничего, кроме своего невежества. По их расчету сотворение солнца взяло три дня и три ночи, утра и вечера. Но день и ночь появляются в результате вращения земли вокруг своей оси, и это жалкая идея—предполагать, что бог сказал: "Да будет свет." Такая повелительная манера употребляется только знахарем, когда он говорит своим чашкам и шарикам: "Живо! Убирайтесь!" Таков знахарь Моисей со своим жезлом.

КОНЕЦ.

